

Нольнолуние

Георгий Юров

16+

Георгий Юров

Полнолуние

«Автор»

2020

Юров Г.

Полнолуние / Г. Юров — «Автор», 2020

Повесть, представленная вашему вниманию, одна из трёх написанных на сегодняшний день книг из жизни Серединного мира. Вымышленной вселенной, но возможно реально существующей в необъятных просторах галактики или в параллельном нам мире и события, о которых я рассказываю, происходят там сейчас или произойдут когда-то. Она задумывалась лет десять назад как короткая повесть, как проба сил в жанре фэнтези, но сейчас я понимаю, что только лишь на середине и, честно говоря, не имею понятия, о чём писать дальше и чем там всё закончится. О чём эта книга? Пожалуй, о желании человека выделиться из общей массы, подняться к вершине социального Олимпа, а не прозябать в нищете и безвестности. Человек заслуживает большего, чем просто две даты на обелиске. Пожалуй, это такая себе биография Путина, с привязкой к средневековью. Мечты сильных личностей имеют свойство материализоваться и сбываться, мечты неудачников - лишь песочные замки.

© Юров Г., 2020

© Автор, 2020

Георгий Юров Полнолуние

Блоха

Её мать, словно крольчиха, рожала через год по ребёнку, от мужчин, которые не только не приходились ей мужьями, но о которых она не знала зачастую ничего кроме имени. Чем бы это закончилось, трудно даже было представить, ведь денег у них не было ни на еду, ни на лечение вечно болевших братьев и сестёр, но во время очередных родов женщина умерла, напоследок явив миру сморщенное окровавленное существо.

Кто назвал её Сандрой, осталось тайной, разгадывать которую у неё не было желания. Наверное, просто среди девочек уже были и Мэри, и Анны. Одна из старших сестёр, Милена, попала в услужение к престарелой леди Саманте Пфайфер, богатой одинокой женщине. Матрона имела скверный характер и прислуга подолгу не задерживалась в её доме, но к девочке относилась хорошо, разрешив брать с собой и младшую сестру. Иногда она сажала Сандру к себе на колени, рассказывая о балах и рыцарских турнирах, о далёких странах в которых побывала или просто знала из книг. В этих рассказах была смешалась с небыльё, юные леди были ослепительно прекрасны и добры, а рыцари отважны и преданы своему государю.

Пожалуй, неожиданно даже для самой себя леди Пфайфер прониклась почти материнской любовью к «бедной крошке» и хотя особо не баловала, возможно, от скуки решила заняться её воспитанием. Нормы этикета, хорошие манеры, правильность осанки и речи буквально вдалбливались в юную головку. Миледи, сидя у камина с бокалом вина слушала, как Сандра читает стихи, и если чтение ей нравилось, она одаривала девочку сладостями, а если нет, тогда отрицательно качала седой головою, пренебрежительно цокая языком.

Время, проведённое в доме мадам, оказалось полезным для малышки, была лишь одна досадная малость: после зубрёжки стихов и последующей их декламации перед своим единственным слушателем, от поэзии её отвернуло навсегда. Как бы в дальнейшем сложилась судьба девочки, знают разве что Боги, но со временем роль заботливой матери наскучила пожилой женщине и она взяла себе новую служанку, вычеркнув малышку из своей жизни. Одарив на прощанье несколькими платьями, кое-какой бижутерией и парой ещё вполне приличных туфель. Но той нелегко было расстаться с бередящими душу фантазиями о королевских дворах, рыцарях и принцессах. Она поклялась себе, что когда-нибудь тоже будет жить во дворце.

Сандра бросила дом, сумев добраться до Роузвила, небольшого городка на пересечении торговых путей, казавшегося ей огромным, поселившись у материной сестры. Тётка не особо обрадовалась её появлению – от порченной яблони стоило ждать гнилых плодов, но крыши над головой не лишила, да девочка старалась не досаждать родственникам. С утра она уходила из дома, и, надев лучшее платье, из которого уже безнадежно выросла, слонялась по городу, прося милостыню в людных местах, рассказывая прохожим слезливые истории о своём знатном происхождении. В доказательство родовитости она читала стихи, то наизусть – потому что просто не могла их забыть – то из украденной у леди Пфайфер книги. Попрошайничество приносило определённый доход, пусть небольшой, но позволявший не кланчить денег у родственников.

Всё шло неплохо, до одного дня, когда кузены, в компании дворовых мальчишек дразня самозванкой, закидали её куриными яйцами. Им не было до неё дела, и они посмеялись над ней забавы ради, но тот случай, поставивший крест на заработках, волею судьбы повернул русло её жизни в другом направлении. Остановившаяся на отдых в придорожном трактире богатая дама стала невольным свидетелем произошедшего. Покидая город, она заметила заплаканную девочку, сидевшую под сенью старой акации и, выйдя из кареты, присела рядом, на поваленное дерево.

– Ты знаешь, есть два способа выпрашивать милостыню: стоя на паперти и сидя на троне, – просто сказала она, протягивая Сандре половину разрезанного позолоченным ножичком яблока.

– А разве королевы тоже просят деньги? – удивлённо спросила та.

– Ещё как! Но когда-нибудь ты сама узнаешь об этом, – усмехнулась новая знакомая; ей определённо нравился этот ребёнок, и женщина решила принять участие в её судьбе.

Сандра росла. Новая знакомая, леди Ансара Кларк принимала участие в её воспитании, готовя только лишь к ей ведомой миссии. Пока же девочка жила на полном пансионе, обучаясь хорошим манерам, этикету и утончённости поведения. Наставница учила девочку не только этому, но и азам алхимии, а также навыкам обращению с ядами.

Искусство отравления преподавал седой старик, левая половина лица которого была обезобразена парами кислоты. Один глаз его пострадал, потеряв способность видеть, но Прокл Глосс не закрывал его чёрной перевязью и оттого выглядел устрашающе.

Он рассказывал о ядах и яда варении, только девочка слушала его в пол уха, не понимая, как ей это пригодится в будущем. Сандре нравились уроки танцев и светских манер, где одетая в роскошное платье она ощущала себя настоящей принцессой...

– Какое ядовитое растение называют голубым лютиком? – вдруг спросил наставник. Хотя этот раздел они проходили не так давно, девочка не смогла вспомнить вылетевшего из головы названия.

– Назови мне самые распространённые растительные яды?

– Как ещё называют цикуту? – вопрошал Прокл, сурово глядя на неё своим единственным глазом, но Сандра только уныло смотрела на него, не имея ответа. – Ну что же, знания можно приобретать двумя способами: прилежностью и через страх. Жаль, что ты выбрала второе.

Лектор вдруг схватил её неожиданно сильными руками, совсем не вязавшимися с тщедушной комплекцией и, зажав шею между ног, принялся охаживать по спине и заднице поясным ремнём, задрав платье. Сандра кричала от обиды и боли, но никто не пришёл на помощь. Когда он закончил экзекуцию, то сказал, не повышая тона, но от этого стало ещё страшней:

– На сегодня достаточно. Тема завтрашней лекции король ядов. – Половина уродливого лица покраснелась, живой глаз смотрел на неё грозно, в то время как мёртвая половина оставалась абсолютно безжизненной. Здесь в этом маленьком мирке импровизированной классной комнаты огромного дома (по меркам убогого жилища тётки), Мастер Глосс имел над нею абсолютную власть. И если бы даже содрал кожу, заспиртовал её в банке, ему, пожалуй, ничего бы не сделали. Едва старик вышел из комнаты, Сандра бросилась к леди Кларк, ощущая, как немилосердно горит от ударов ремня тело.

Отнюдь не старая ещё женщина сидела за столом в своём кабинете, разбирая бумаги; девочка с полными глаз слезами собралась пожаловаться на Прокла, но та, окатив ледяным взглядом строго спросила:

– Разве я позволяла тебе войти?

– Нет, миледи, – ответила Сандра; готовые политься из уст слова застыли в горле, она молчала, не зная теперь что сказать.

– Раз ты уже здесь, говори, зачем пришла?

– Я не буду больше ходить на лекции старика. Он безумен; сегодня он отхлестал меня ремнём, – вдруг потекли слёзы, но, не решаясь их стереть под строгим взглядом миледи, она стояла, ощущая, как влажные холодящие кожу струйки бегут по щекам.

– Мир жесток. Ник-то не даст тебе того, чего ты хочешь, если ты не прикладываешь к этому стараний. Обучение у Мастера Глосса обязательно, и поверь, это ещё не самое сложное из того, чему я планировала тебя научить. Если отказываешься, твоё пребывание здесь больше не имеет смысла. Плату за пансион я тебе прощаю, но ты сейчас же покинешь этот дом.

– Куда же я пойду?! – воскликнула девочка, слёзы вновь хлынули из глаз и женщина ответила, не испытывая намёка на сострадание:

– Этого я не знаю. Знаю лишь, что здесь ты точно не останешься. Люди, в которых я не уверена, мне не нужны.

Из прежнего платья она безнадежно выросла и миледи разрешила ей оставить то, что Сандра носила в усадьбе, взять несколько медных монет, да немного еды. Кованые ворота усадьбы закрылись за ней, и девочка осталась один на один с холодным враждебным миром. Эту ночь она провела под мостом над лениво текущей не слишком широкой речкой. Избитое тело болело, от воды тянуло холодом; Сандра едва сомкнула глаза, а под утро сильно продрогла, зубы её стучали, и это при том, что шло лето, а что будет с ней надвигающейся осенью, она даже боялась представить.

Вечером кусок не шёл в горло, после всех переживаний, но утром голод дал о себе знать, и наскоро перекусив тем, что выделила ей миледи, девочка отправилась к ней проситься назад. Теперь она была готова прилежно учиться мрачному искусству Мастера Глосса, лишь бы вновь не оказаться выброшенной на улицу как наскучившая игрушка.

Ворота были закрыты снаружи огромным замком, а окна видневшегося в дали двухэтажного дома мертвы, лишь грифоны на каменных тумбах холодно глядели на неё, так же как совсем недавно смотрела на девчонку госпожа. Сандра постучала в них, вначале робко, потом настойчивей, но привратник не спешил открывать калитку, наконец, идущая мимо женщина сказала:

– Зря стучишь, баронесса уехала ночью. Мой муж помогал ей грузить вещи.

– А когда вернётся, не знаешь? – с упавшим сердцем спросила девочка, ощущая, как внутри неё разверзается бездонная пропасть. Ещё одну ночь под мостом она просто не переживёт.

– Она не вернётся. Скоро в этот дом заселится новый жилец.

Ничего не ответив, Сандра пошла прочь, чувствуя обиду и давящую пустоту. Такое уже было однажды, когда охладевшая к ней матрона выставила её за дверь. Та грустная история вновь повторилась и единственное что девочка знала точно, это то, что к тётке она уже не вернётся.

Идти было некуда, но и здесь девочка оставаться не могла. Усадьба миледи стояла на окраине Роузвилля, довольно приличного по размерам поселения, всегда оживлённого, благодаря идущим через него торговым караванам. Сандра однажды была там со своей покровительницей. Пристроившись к идущей многодетной семье, она благополучно оказалась в городской черте, пройдя мимо стоящей у въездных ворот стражи. Город казался ей просто огромным, толпы людей сновали по улицам, занимаясь своими делами и до неё никому не было дела.

Толпа влекла её за собой и вскоре она оказалась на рынке. Воспользовавшись невнимательностью продавцов, стащила с прилавка пару яблок и половину лукового пирога. Что делать дальше девчонка не знала, но, по крайней мере, здесь она точно не умрёт с голоду. Пока день не кончился, Сандра становилась то у входа на рынок, то у дома городских собраний читая грустные стихи и идущие мимо люди нет–нет, да и бросали ей под ноги мелкую монету. Эту ночь она провела под лестницей одного из домов в центре, слыша, как стучат по ступеням толстые подошвы кожаных башмаков. Утром же заняла место на паперти Храма Солнца, к обеду вновь оказавшись на рынке. Подавали ей немного, но этого хватило на тарелку мясной похлёбки.

Когда вечером она пришла к дому, где ночевала, ведущие во двор ворота оказались заперты. Но день выдался жарким, а ночь тёплой и Сандра устроилась на ветвях раскидистого дерева, то ли в заброшенном саду, то ли в неухоженном парке где-то в центре. За эти несколько дней она успела примелькаться среди других попрошаек и тучная матрона, с которой она рядом стояла на паперти у Храма поинтересовалась вполголоса, подойдя к ней:

– Тебя Паук сюда поставил?

– Кто? Моя мать баронесса, я потерялась в дороге, отстав от кареты, но она обязательно найдёт меня, – ответила девочка и та проворчала, разглядывая её:

– Значит, нет. Ну что же, у тебя остался день.

– Мы все здесь голубой крови – всё сплошь графы да герцогини и все платим Пауку, – усмехнулся одноногий старик, проходя мимо на костылях из доходивших ему до подмышек рогатин.

– Но зачем?

– Он не даёт нас в обиду, договариваясь со стражниками, прогоняет пришлых и решает возникающие споры. А за это берёт треть того, что мы заработали. И это ещё вполне по-божески.

– Так что, меня тоже прогонят?

– Не сразу, – ответила женщина, возвращаясь на место. – Три дня можешь здесь стоять, а потом, да, выгонят, если только Паук не возьмёт тебя к себе.

Заработанного с трудом хватало на еду и минимальные личные нужды. Если она будет отдавать из этого треть, то просто умрёт с голоду и Сандра решила, будь что будет. Три означенных дня прошло. Она снова становилась то на рынке, то у крытой медными листами базилики Храма, вживаясь в роль дочери знатных родителей, но вот появившиеся стражники, не обращая внимания на других нищих, направились к ней и, схватив за руки, повели за собой.

– Моя мать баронесса! Куда вы меня тащите! – протестующе кричала Сандра, заливаясь слезами, но не крики, ни слёзы не возымели действия на солдат.

– Ты – бродяга, – с неожиданной злостью ответил один. – А ведут тебя в грязный клоповник, именуемый приютом, где за тарелку супа ты будешь драить полы, и стирать чужое бельё.

– Самое место для тебя, – вставил второй. – И если ты там сдохнешь, то большой беды не будет, ведь всё равно из тебя ничего хорошего не получится.

Сандру посадили в крытую повозку, где кроме неё было с полдюжины бродяг. Их путь лежал в городскую тюрьму, а потом, после разбирательств девочку ждал немногим лучший приют, если конечно, уплатив штраф, родственники не заберут её. Об этом Сандра узнала от собратьев по несчастью и когда тюремная карета готова уже была уехать, она закричала, привлекая внимание стражников: – Передайте Пауку, я согласна на него работать!

Её истошные вопли не возымели действия, казалось, солдаты вообще не услышали их и, простояв ещё немного на площади, повозка тронулась в путь. Тюрьма в Роузвиле была двухэтажным зданием из красного кирпича с круглыми башнями по углам. Всех вновь прибывших бросили в одну большую зарешеченную по фасаду комнату, где кроме них находилось уже добрых три десятка людей. Здесь были люди в вполне добротной одежде, а были и оборванцы с окрестных помоек. В подвале тюремного замка, несмотря на установившуюся жару, было сыро и на удивление холодно.

Прошло довольно много времени, прежде чем появился надзиратель в компании долгового субъекта, что оглядев бедолагу, заметил Сандру, указав на неё длинным заскорузлым от грязи пальцем.

– Ты! Иди сюда, – крикнул стражник, маня её рукой. Когда пленница вышла, он, зевнув, сказал ей буднично: – Родня заплатила за тебя штраф, и мы отдаём тебя родственникам.

– Баронесса?! – обрадовалась девочка, не в силах скрыть радостных слёз.

– Меня называли по-разному, но баронессой, пожалуй, впервые, – усмехнулся долговязый.

– Но я не знаю этого человека! – испуганно воскликнула Сандра и тот ответил:

– Меня зовут Колстрейд. Я доверенное лицо твоего дедушки, – схватив девочку за руку, мужчина потащил её вверх по ступеням, в то время как стражник закрывал замок на двери, покрикивая на арестантов, просивших освободить и их.

– Но как такое возможно, Мастер, – произнесла Сандра, идя следом за долговязым. – Оба моих деда мертвы.

– Считай, случилось чудо, и один из них воскрес. Теперь Паук будет тебе и дедушкой и папой с мамой, – довольный своей шуткой здоровяк заулыбался, обнажая большие тронутые желтизной зубы. Идя следом за провожатым, девочка приуныла. Она надеялась, что баронесса простила её, а вместо этого попала в рабство к хозяину попрошаек.

Дорога заняла довольно много времени, но наконец, выйдя к северной окраине, они оказались у заброшенного дома, почти такого же большого как усадьба миледи. Сквозь дыру в выложенном из камня заборе они попали внутрь; в отличие от прежнего жилища здесь участок земли был не велик, а ограда стояла в каких-то ста футах от особняка.

Солнце клонилось к закату, и бедолаги возвращались в приютивший их похожий на склеп своим мрачным видом особняк, левое крыло которого почти полностью разрушилось. Нищие ютились на первом этаже, в то время как Паук и его приближённые обосновались на втором. От апартаментов хозяев мало что осталось, всё, что имело хоть какую-то ценность, растащили, а дерево пошло на дрова.

Резиденция Паука, оказалась обставлена с претензией на роскошь из чудом сохранившейся мебели. Здесь был камин, стояла большая кровать с балдахинном, а закрытые деревянными ставнями окна завесили серыми гардинами. Вот только Паук не мог оценить убранства жилища, так как был слеп. Но слепота не помешала ему стать влиятельным в городе человеком.

Это был невысокий, худощавый мужчина лет пятидесяти с крупной родинкой на левой стороне подбородка. Чёрные с проседью волосы он стриг коротко и выбривался до синевы, что вероятно было в его положении непросто. Слепота не шла с ним от рождения, глаза его когда-то давно были выжжены, о чём говорили зарубцевавшиеся раны в глазницах. Не имея возможности видеть, местный властитель носил с собой тонкую трость, которой определял препятствия. Сейчас, похоже, было подведение итогов прошедшего дня. Попрошаики сами не приносили ему монеты, сдавая положенную дань старшим, которых здесь звали Майнерами. Видимо сегодня был не самый удачный день, на столе лежал тощий мешочек с выручкой, а сам Паук что-то строго выговаривал стоящим перед ним людям. Но когда Сандра со своим провожатым зашли в комнату он смолк, определяя по шагам вошедших, а потом коротким взмахом руки отпустил приближённых.

– И так, кто ты, девочка? – явно пребывая не в духе, спросил он, обращая взгляд своих устрашающих мёртвых глаз на гостью.

– Моя мать – баронесса, – произнесла она, собираясь рассказать привычную историю, но Паук перебил её:

– Твоя мать? Не о той ли ты женщине, с которой видели тебя здесь недавно? Сегодня эта особа называет себя баронессой, а завтра будет представляться вдовствующей герцогиней или дочерью павшего в битве Маршала, но всё это лож.

– Вы знакомы с миледи Ансарой?

– Ан-са-ра, – по слогам повторил за ней мужчина, словно пробуя это слово на вкус. – У неё много титулов и ни счесть имён, но это видимо любимое. Да мы знакомы с ней, и я не смогу забыть её пока жив. Просыпаясь, принимая пищу, справляя нужду, я каждый день вспоминаю её, ведь именно она лишила меня глаз.

– Она собиралась Вас убить? – удивлённо воскликнула девочка. Она думала, что мир огромен, но оказалось – ничтожно мал. Он так тесен что, однажды выйдя из дома, ты можешь запросто столкнуться со своим прошлым.

– Убить? О, нет, она не так милосердна. Лучше бы она действительно убила меня! Она до сих пор носит мою фамилию?

– Вашу фамилию? – недоумённо спросила девочка. – Она что, вышла за вас замуж?

– Не за меня – лишь за мой титул. Сиятельная леди Кларк. И вот ты видишь, что осталось от нашего брака и моего дворца. Ансара всё ещё увлекается ядами?

– Этого мне не ведомо, милорд, – девочка замялась, не зная как к нему обращаться.

– Называй меня Паук, зачем ворошить прошлое.

– А меня зовут Сандра.

– О нет, твой выкуп обошёлся мне в круглую сумму – а я не люблю тратить деньги. И пока ты их не вернёшь, у тебя не будет имени. Я купил тебя из прихоти, как ненужную вещь и в твоих интересах доказать мне свою полезность. Как же мне тебя звать? Я Паук, это Заяц, – задумался её новый покровитель, безошибочно указывая пальцем на стоящего чуть в стороне долгоязого, и тот поймавший в складках одежды укусившую его вшу проворчал, разглядывая на свет паразита:

– Блоха.

– Блоха? – не видя, что происходит, отозвался Паук. – Ну что же вполне подходящее прозвище. Будешь теперь Блохой.

В отличие от остальных Сандра милостыню не просила. Она с чувством декламировала на память грустные стихи и героические саги, из сохранившихся у Паука книг, которые по вечерам читала при свете свечи ему, а часто и всем остальным, хотя бы просто для того, чтобы не забыть руны. Попрошайки, в большинстве своём беглые крестьяне, что получают вольную если по тогдашним правилам проживут в свободном городе один год и один день видели в этом проявление колдовства и от того настороженно относились к ней, завидуя и побаиваясь, ведь из всех лишь она владела таинством знаков. Умение читать приближало её к Пауку, но отдаляло от остальных.

Как-то уже пробыв у слепца довольно долго, она при свете нескольких сальных плашек читала ему что-то из старых туго скрученных свитков, несколько десятков, которых лежали на стеллажах. Лето почти закончилось, но, несмотря на это установилась необычайно жаркая погода. Солнце жгло, словно решив уничтожить всё живое, лишь только ночь ненадолго давала прохладу. Одетый в льняной хитон Паук, слушая её, стоял на выходящем во внутренний двор балконе, облокотившись на чудом сохранившиеся перила. Измученный за день зноем он наслаждался прохладой глядя в небо, словно и впрямь мог что-то видеть.

– Ты смотришь на звёзды? Но ведь у тебя нет глаз, – бестактно спросила девочка, когда повествование закончилось, глядя на Паука.

– Да разве нужны они мне чтобы видеть? – ответил тот, всё так же разглядывая необычайно яркие небесные огоньки, под аккомпанемент стрекочущих цикад.

– И что же ты видишь?

– Я вижу над собой глубокое чёрное море. На дне его лежат жемчужные россыпи, в пучине плывут гигантские киты-облака и мелкие пёрышки-рыбёшки. По тёмной глади скользит флотилия из крыш перевернутых домов, а на самом верху стою я в низ головой, вертя ею в разные стороны – ибо я флюгер. – Удивлённая девочка вышла к нему и, задрвав голову, поновому взглянула на небо, пытаясь разглядеть то, что описал Паук.

– Ты видела мои картины? – спросил вдруг мужчина, и гостя отрицательно покачала головой, забывчиво добавив: – Нет.

– Пойдём, я покажу тебе.

Вернувшись в комнату хозяин, нащупав, потянул за шнур в углу, и закрывающая боковую стену портьера поехала в сторону, открывая десяток висевших в тяжёлых рамах портретов. Сановные родственники Паука были мало похожи на него, выродившись под влиянием чужой крови, лишь родоначальник династии почти синекотий Сигизмунд Кларк (чей не очень удачный портрет висел в середине галереи), был удивительно похож на своего потомка. Пробежав взглядом картины, Сандра вдруг вернулась назад к портрету женщины, удивительно напоми-

навшей Ансару, только гораздо моложе и нет, не красивей, но с совершенно другим взглядом. Сейчас выражение лица миледи можно было назвать настороженным, если и не жестоким, то уж во всяком случае, жёстким, а холод глаз было сложно скрыть улыбкой. Явно не привыкшая к позированию молодая особа на картине своей простодушной застенчивостью выглядела совершенно другой – слегка наивной, ещё не растратившей запас душевной теплоты и доброты сердца. Сандра удивлённо смотрела на неё, растерявшись от неожиданности – невеста Паука и миледи Ансара казались совершенно разными людьми.

– Этот портрет написал мой придворный художник ко дню нашей помолвки. Я оставил его на память о своём самом большом разочаровании, – произнёс хозяин, безошибочно определив её душевное смятение.

– Разве она не любила Вас?

– Не знаю даже, любит ли она вообще кого-то. Сердце этой женщины подобно льду и кажется, нет силы, способной его растопить. Она вскружила мне голову настолько, что я готов был пожертвовать ради неё многим, но она хотела всё, – милорд замолчал, явно не желая развивать тему, и тогда девочка спросила:

– Почему здесь нет ни одного вашего портрета?

– Зачем ворошить прошлое? Не хочу, чтобы меня видели в блеске регалий и славы предков, которую я не смог не то что преумножить, а даже сберечь. Сейчас я тот, кто есть – паук, что плетёт паутину, оставаясь в тени. Во мне сегодняшнем нет ничего, что стоило бы сохранить в веках. Для всех я умер, а ты ещё не родилась, Блоха. Пока ты здесь, то будешь учиться всему, что поможет тебе выжить, а как распорядишься этим, тебе решать.

Кроме попрошаек в подчинении разорившегося лорда были базарные воры, заправляя которыми Заяц. Шныряя по рынку, они срезали мешочки с серебром с поясов ротозеев и исчезали в толпе. Теперь девочка не только читала стихи, но и училась искусству воровства, а в том, что это было действительно искусство, она вскоре убедилась. Несмотря на массивную комплекцию, Заяц был умелым вором, умудрявшимся красть серебро, оставляя мешочек на поясе. Как Сандра не старалась повторить подобное, ей это не удавалось.

– Я не могу влезть в чужой карман – кажется, что люди смотрят на меня и потом миледи никогда не одобрила бы такого, – говорила она, когда очередная попытка вытащить безделушку у стоящего к ней спиной Паука не увенчалась успехом.

– Начнём с того, что Ансара выгнала тебя и теперь я занимаюсь твоим воспитанием. Не забывай, кто выкупил тебя из тюрьмы; ты моя собственность и будешь делать всё, что я скажу. Так что не будем больше об этом. Подойди ко мне.

Когда Сандра приблизилась, Паук, положив руки ей на плечи, взглянул своими мёртвыми глазами, от которых невозможно было отвести взгляд. Чем дольше она смотрела в них, тем слабее становилась воля. Её клонило в сон, но сильные руки не давали упасть – казалось, чужие пальцы проникают сквозь кожу в её тело и она срастается с ними, становясь одним целым. Теперь он мог видеть её глазами, мог заставить сделать всё что захочет, подобно кукловоду, крепко держащему невидимые нити...

Когда Сандра очнулась, оказалось, у неё больше нет глаз. На их месте были свежие раны, подобные ранам Паука, которые кто-то из милосердия перевязал льняной тряпкой.

– Что ты сделал со мной! – в ужасе крикнула девочка, вскочив с постели и тут же споткнулась о стоящий рядом стул.

– Глаза мешали тебе, и я лишил тебя зрения, – отозвался Паук в её мозгу. Девочка попятилась, снова оказавшись на постели и затрясла головой, пытаясь изгнать из неё ненавистный голос. – Теперь никто не видит тебя, ник-то не обращает на тебя внимания – ты же видишь всех.

– Да как?! Как я могу что-то видеть, если ты вырвал мои глаза?!

– Я буду направлять тебя, но наша связь не будет вечной и спустя время тебе придётся надеяться лишь на себя, а значит нужно быть прилежной ученицей.

– Как я могу чему-то научиться, раз ничего не вижу?! – воскликнула девочка, и голос в её голове ответил:

– У тебя есть слух, есть обоняние – теперь ты будешь жить так, как живу я. Я позабочусь о тебе, если ты будешь мне полезна.

– Что, что я должна делать? – чувствуя себя совершенно пустой, после свалившихся на неё потрясений спросила Сандра.

– Перед тобой стоит чучело, с десятком маленьких колокольчиков. Вытащи монету из кармана, так чтобы не один не зазвонил.

Девочка снова встала, совершенно не представляя где находится, стараясь прислушаться к своим ощущениям. Чувства её обострились. Она ощущала какофонию слабых звуков и запахов, на которые раньше не обращала внимания, а сейчас они стали единственным, что связывало её с миром. Сквозняк из под двери приносил запах жира горячей плошки, что едва перебывал дух лукового супа, которым владелец забрызгал тунику во время трапезы. В её кармане лежала монета, ставшая первым заданием для Блохи.

Казалось чучело, чувствовало её приближение: едва девочка прикасалась к нему, тут же раздавалось тревожное дребезжание, и тогда в её голове вновь раздался голос Паука:

– Представь что руки твои это змеи – бесшумные и невидимые во мраке. Они незримо подкрадываются к добыче и потом исчезают, словно тени.

«Руки – как змеи», – сказала себе Сандра, чувствуя, что пальцы её касаются материи. Они скользили по набитому соломой чучелу, но едва достигли кармана, как кто-то ударил по ним розгой.

– Ай! – закричала девочка, отдёргивая руку, и голос в её голове произнёс: – Помни – ты хитра как змея и быстра словно молния. Она услышала рассекающее воздух движение; прежде чем хлыст коснулся пальцев, девочка убрала руку, а потом быстро выхватила монету, и удар пришёлся по пустому уже карману.

– Ты быстро учишься, – удовлетворённо сказал Паук и в этот раз голос его прозвучал как обычно. Теперь потеряв способность видеть, девочка продолжала обучение в заброшенной усадьбе, привыкая к своему новому состоянию. Следуя за Пауком, она училась тростью определять препятствия на пути, стараясь полагаться на оставшиеся у неё чувства. Блоха скучала по миру зрячих людей, по всему, что можно было увидеть глазами, стараясь выжить среди кромешной тьмы.

Следом за настза наставником она поднималась по ступеням, для ориентира водя палкой по стенам, бродила по полуразрушенным коридорам, учась определять препятствия по движению воздуха. Оказавшись на крыше, следовала за уверенно шедшим Пауком по каменной балюстраде на самом краю, ощущая пугающую пропасть рядом с собой. Ей казалось, милорд привёл сюда её специально, давая выбор между жизнью и смертью. Но молодая особа не собиралась так быстро сдаваться, принимая обстоятельства ещё одним испытанием.

Остановившись на середине, она подняла голову к небу, пытаясь увидеть море над своей головой. На дне лежали золотые россыпи, внутри водной глади плыли огромные рыбины, а она вертела головой во все стороны на мачте бегущего по волнам корабля. Ибо была она флюгер.

Когда девочка освоилась настолько, что перестала спотыкаться на каждом шагу, Заяц вывел её в город. Сняв повязку, она стояла на площади, читая стихи и героические саги, а спешившие по своим делам люди сновали мимо неё, на миг, останавливаясь рядом и сочувствуя её уродству, из жалости кидали под ноги медный грош. Злясь на себя и тогда, когда бросали милостыню и тогда когда не делали этого.

– Сегодня твой выход Блоха, – сказал ей Заяц, когда утром они вновь оказались на площади у Касагранды.

– Выход?

– Можешь считать это экзаменом. Сдашь его, быть может, со временем Паук сделает тебя Майнером, а нет, так и останешься слепой попрошайкой. Жизнь жестокая штука. Паук не вечен, рано или поздно кому-то придётся занять его место. Похоже, старик выбрал тебя, – добавил он, склоняясь перед девочкой и развязывая закрывавшую раны повязку.

– И что я должна сделать? – без особого энтузиазма спросила Сандра. Стать королевой попрошаек этого Небом забытого места, было не тем, о чём она мечтала, но всё-таки лучше, чем остаться на самом дне касты отверженных.

– Ничего особенного, – пожал плечами Майнер – теперь Сандра уже могла определять это на слух. – Бургомистр зазнался. Он считает в этом городе главным себя и не желает делиться властью – нужно дать ему урок.

Наследный принц Салозар следовал в столицу из южных провинций. Он был первым в очереди на престол, и потому встречали его с королевскими почестями. В последнее время между ним и его отцом, Иеремией Счастливым отношения были не самые добрые. Мальчишку отправили в форт Канингема, но сейчас монарх вновь воспылал к нему отеческой любовью, вероятно вследствие перенесённого недавно недуга, напомнившего о неминуемой смерти, и велел возвращаться в Добробран.

Приезд особы королевских кровей произвёл в неизбалованном событиями Роузвиле сильный эффект. Хотя визит Его Высочества старались держать в тайне, люди каким-то образом узнав об этом, с утра потянулись к площади у дома городских собраний. Наконец ближе к полудню кортеж принца показался на горизонте, и изнывавшая от ожидания толпа пришла в радостное оживление. Всю дорогу от форта наследник провёл в крытой повозке, но, не желая показаться неженкой перед городом сел в седло.

Он был невысок, тонок в кости и до худобы строен, как и положено юноше двадцати лет, а кожа его, обычно нежно голубая, теперь, от охватившего волнения сделалась почти синей. Из-за давившей с обеих сторон дороги толпы вороной принца шёл шагом, и стражникам с трудом удавалось сдерживать людскую массу, напиравшую на него. Понимая, что другого случая в жизни больше не предвидится, каждый хотел увидеть наследника и если получится прикоснуться к нему, перенимая на себя частичку его удачи.

Сопровождаемая Колстрейдом Блоха стояла в первых рядах, и когда конь Салозара поравнялся с ними, внезапно кто-то вытолкнул её на дорогу. Девочка едва не попала под копыта, стража бросилась к ней:

– Куда прёшь, уродина! – и, схватив за ноги, потащила в сторону, но принц смущённый происходящим крикнул ещё не успевшим огрубеть голосом:

– Стойте! Народ любит меня и не вина этой несчастной, что жизнь так жестоко обошлась с нею, – вдруг он спрыгнул с коня и, наклонившись над лежащей Блохой, помог ей подняться:

– Кто ты дитя? – спросил он, с болью разглядывая ужасные шрамы на месте глаз.

– Меня зовут Сандра, – ответила та, держась за руку юноши. – Запомните это имя, сиятельный принц, ведь однажды я обязательно стану Вашей женой.

Удивлённый наследник смолк, не зная злится ли ему на дерзость девчонки. Стоящие рядом люди, встретили одобрительным гулом её заявление, тогда как другие, не понимая сути происходящего стали напирать на них и страже всё труднее удавалось сдерживать толпу.

– Мой лорд, прошу Вас больше никаких остановок до самого дворца, – почти молил его командир королевской стражи, Мастер Эйлер Кейн. Салозар, сев в седло, наконец, продолжил путь, а девочка исчезла в толпе.

– Ну, разве обязательно было болтать, – выговаривал ей Заяц по пути к заброшенной усадьбе. – Как такое вообще пришло тебе в голову? Похоже, милорд лишил тебя не только зрения, но и разума.

– Медальон принесла? – первым делом спросил её Паук, когда они оказались в его покоях и девочка, достав из складок одежды, протянула ему золотой символ королевской власти, изображавший стоящего на задних лапах льва. С другой стороны шли имена предков Салозара, и когда наследник вступит на престол, туда же допишут и его собственное. Именные медальоны делались при рождении мальчикам королевского рода, хотя отнюдь не каждый из них мог впоследствии стать монархом и замене не подлежали. Потеряв медальон, наследный принц терял вместе с ним шансы на престол.

– Да милорд. Когда Салозар склонился надо мною, я отстегнула медальон от цепочки.

– Салозар – растяпа, – проворчал Колтрейд, а девочка возразила:

– У него доброе сердце.

– Доброе сердце – непозволительная роскошь для монарших особ, – прерывая их спор, заметил Паук, держа в руке медальон. Он не мог его видеть, но величие, исходившее от символа королевской власти, отразилось в лице милорда.

– И что будет дальше? – спросила девочка.

– Мы выждем немного, и я верну его, и тогда бургомистру придётся смирить гордыню. В любом случае мальчишка будет обязан мне. Вам обоим лучше какое-то время побыть здесь – стража сейчас шерстит город в поисках пропажи.

– Нет, Паук, медальон принцу верну я, – заявил верзила и, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, быстрым движением пронзил грудь слепца выхваченным из-за пояса ножом. Сандра этого не видела, но по появившемуся в воздухе напряжению и изменившемуся голосу громилы, было понятно, что случилось что-то ужасное.

– Что ты наделал! – девочка с криком бросилась к упавшему на пол лорду Кларку. Нашупав рану, она зажала ладонью бегущую кровь. Паук был ещё жив:

– Меня не спасти, – прошептал он, вкладывая в её ладонь медальон. – Отдай его принцу...

– Что вы там шепчетесь, – прорычал Заяц, отворачиваясь от окна. По двору к дому шли стражники, вероятно разыскивая их с Блохой. Схватив девчонку за ворот туники, он с лёгкостью отшвырнул её в другой угол залы и, склонившись над умершим стал обшаривать его одежду в поисках медальона.

– Я не собираюсь до конца дней подбирать упавшие крохи с чужого стола. Я должен был занять его место, только я. Но поверив рассказам бывшей жёнушки старый дурак похоже решил оставить всё тебе, объявив своей дочерью, – не найдя медальон убийца повернулся к девчонке: – Отдай. Из-за своего упрямства ты погубишь всех: за эту висюльку нас вздёрнут на дыбе, и будут придавать таким пыткам, о которых ты даже не слышала.

– Если я и отдам медальон, то не такому выродку как ты, – отрезала девочка, слыша приближающиеся шаги. Громила бросился к ней но, Сандра, юркнув в камин, стала быстро взбираться по вбитым лестницей в каменную трубу штырям, по которым обычно поднимался трубочист. Дымоход был слишком узок для плечистого Колтрейда, и он решил схватить девчонку на крыше, но путь ему преградили появившиеся солдаты.

– Где чёртов медальон, – взглянув на мертвеца, обнажив меч, прорычал Мастер Кейн, утром сопровождавший Салозара по дороге во дворец, и Заяц выпалил, не став отпираться: – Он у девчонки, милорд, а девчонка улизнула на крышу, когда убив Паука, я собрался передать его вам.

Слова Колтрейда не произвели на рыцаря впечатления, он был слишком взбешён и вымотан этим безумным днём и поскольку опальный лорд был уже мёртв, решил выместить зло на его приближённом, вероятно не желая марасть рук о такое ничтожество: – Сбросьте его со стены.

– Милорд, вы не сделаете этого, а если и сделаете, потом пожалеете, – заявил громила приближающимся стражникам и рыцарь спросил раздражённо:

– И что же мне помешает?

– Хаос. Вам помешает хаос, милорд, что непременно наступит, когда над сбродом не будет больше единоначалия. Подобно зловонной опухоли отверженные миром люди начнут расплзаться по городу, лезть в глаза своим видом и ноздри отвратительным запахом. Потеряв доход, подобно зверю они начнут рвать друг друга за кусок хлеба и медный грош. Чтобы прекратить это вместе со мной придётся отправить, на тот свет несколько сотен человек разного пола и возраста, которыми раньше управлял Паук. Он играл в свои игры, желал править городом по старой памяти – у меня же таких амбиций нет. Зачем самому влезать в это болото, если уже есть человек, который будет делать за Вас грязную работу? И потом, это же я через своего человека сказал вам, где искать безделушку.

– Ерунда, вас видели сотни глаз, рано или поздно мы пришли бы сюда. Ты просишь о помиловании. В обмен на что? – сурово спросил рыцарь, раздумывая над его словами.

– Вы забываете историю с медальоном и убийством Паука.

Море, глубокое синее море над головой, несло к югу свои волны, гонимые северным ветром. Под толщей вод проплывали огромные рыбыны, поднимаясь к самому верху и оттого почти упираясь в днище бегущего по водной глади корабля, где на мачте улавливал ветер металлический флюгер.

Слепая девочка стояла на середине балюстрады глядя на небо мёртвыми глазами, прислушиваясь к осторожным шагам крадущихся с разных сторон мужчин. В одном из них она узнала Зайца. Громила пытался удержаться на узкой вымостке, по чуть-чуть приближаясь к ней. Деваться девочке было некуда, Эйлер понимал это, крикнув с земли.

– Не усложняй своё положение. Нам нужен медальон, а не ты. Мне проще сбить тебя стрелой, чем бегать по крыше! – невидимый Сандрой лучник не спеша натянул тетиву, прицеливаясь в её сердце, не желая напрасных мучений, и тогда девчонка крикнула:

– Медальона со мной нет – я спрятала его в доме и вам потребуется немало времени, чтобы найти его. На это уйдут дни, а может недели. Я скажу, где спрятала золото, но вначале хочу поговорить с принцем. Не пытайтесь меня обмануть, я запомнила его голос и легко определю подмену. Если же Заяц или кто-то другой попытается схватить меня, клянусь, я спрыгну вниз!

– Принц давно уехал и потом, твои слова лишь бравада. Ты не сделаешь этого.

– Отчего же? А что мне терять? За кражу реликвии меня вряд ли погладят по головке. Если принц, уехал, пусть вернётся – я не могу здесь стоять вечно!

– Хорошо, – ответил ей командир королевской стражи, глядя как воин раскручивает над головой сложенную в аркан верёвку. Услышав это, Сандра приставила убивший Паука нож, что держала в руке к своему горлу.

– Вы играете не по правилам, милорд. У меня нет глаз, но отличный слух – если я услышу что-то подозрительное, то покончу с собой, прежде чем вы доберётесь до меня...

– Остановитесь! – услышала она, взволнованный голос принца, подъехавшего к самому дому на взмыленном жеребце, которого видимо, гнал во весь опор.

– Чего она хочет? – со злостью глядя на девочку спросил он прибывшего чуть раньше бургомистра и Готварт ответил.

– Заключение договор. С вами.

– Со мной? – удивился наследник, крикнув Блохе: – Чего ты ещё хочешь от меня?!

– Того же что и все женщины королевства – стать Вашей женой!

– Но я уже помолвлен и если не в этом, то следующем году мы обвенчаемся с синеконной принцессой Моршеной из Градирала, – недоуменно возразил принц, ожидая чего угодно, только не этого. Он был настолько удивлён её требованием, что даже перестал сердиться на девочку.

– Бездомная нищенка нечета королю, – брезгливо глядя на неё сказал Бургомистр и все остальные презрительно засмеялись.

– А кто сказал, что я из простых людей? Мои родители – лорд и леди Кларки, пусть и не славятся богатством, но родословная отца уходит к первым властителям Добробрана...

– Это ложь! – крикнул Колтрейд, удивлённый не меньше других решительностью девочки, неохотно добавив: – Да она путалась с бывшей женой Паука, но это совсем не значит, что они её родители...

– Отец сказал мне об этом перед смертью, когда я склонилась над ним – ты ещё спрашивал, о чём мы шепчемся. И это был не предсмертный бред!

– Кем бы ни были твои родители, это ничего не изменит: у меня уже есть невеста! – прервал её принц.

– Была, – отрезала Сандра, – когда медальон висел на твоей шее, и ты был наследным принцем. Насколько я знаю, ты не единственный сын отца и вместе с медальоном теряешь не только престол, но и невесту. Никто не станет связываться с неудачником.

– Я не неудачник! – раздосадовано воскликнул Салозар. У его родителя действительно были другие дети – бастарды – прижитые от придворных дам не только в Добробране, но и в землях за Пределом и теперь они вполне могли претендовать на престол, ведь у каждого из них по праву родства был свой медальон.

– Твоя удача – это я. Я верну тебе право на трон! – кричала Сандра, по общему настроению ощущая, что чаша весов его величество случая медленно склоняется на её сторону. Она точно не знала о наличии братьев Салозара, лишь слышала об этом от баронессы, но пущенная наугад стрела попала в цель. Если бы Ансара видела её в этот момент, то могла бы гордиться своей ученицей.

– Слово, пусть даже и монаршей особы мало что значит, когда замешаны интересы Престола – мой отец никогда не одобрит этот брак. Он хочет, чтобы Кровь Королей текла в венах продолжателей рода, а для этого нужны оба синекровых родителя.

– Время синекровок прошло, – заявила Блоха, озвучив то, что было и так всем ясно. С десяток королевских Домов Серединного мира смешивались между собой так часто, что давно уже стали одной большой семьёй. Но новой крови взяться было просто не откуда, и вместо божественного провидения голубая кровь оказалась опасной болезнью, предметом вырождения и проклятьем. – Так и быть, я подожду, пока ваш брак не расстроится, но ты должен перед всем этим городом сказать, что клянёшься взять меня в жёны, когда вновь станешь свободен. И ещё. Мне нужно что-то кроме обещаний, какая-то вещь Салозара, по которой, он узнает меня, даже через полжизни. Например, половина медальона. Без этого договора не будет.

– Не к чему устраивать балаган и позорить принца, – вмешался бургомистр. – Клятвы данной в этом кругу будет достаточно, чтобы его услышало Небо. Здесь полно народу. Я и мои люди будем представлять жениха, а жители развалин станут с вашей стороны. Человек, которого ты назвала своим отцом, мёртв, но громила сможет заменить его во время ритуала.

– А будет и ритуал? – удивился принц, сбитый с толку его деловитостью. Похоже, лорд Готварт относился к происходящему вполне серьёзно.

– Мой личный священник скрепит ваши клятвы своею молитвой, чтобы Триолан услышал их, – ответил Бургомистр, добавив тихо: – Не пугайтесь Ваше Высочество. Когда девочка вернёт медальон, мы покончим и с нею, и с этими обещаниями.

– А как же Небо?

– Жрецы что-то придумают. Фимиам будет куриться три дня и тучные жертвы лягут на алтарь в таком количестве, что Боги закроют на это глаза, – лицо набожного юноши залил румянец, вероятно, он ещё не слышал ничего более святотатственного. – Не забивайте этим голову сейчас, главное вернуть реликвию.

– Рубить медальон мы не будем – нужно оставить в тайне всё, что здесь произошло, иначе это может навредить принцу...

– А как же все эти люди? Весь город из-за этого гудит как улей, – перебила его девочка.

– Погудит, да и стихнет. Это только слова – далёкое эхо событий, которые никто не будет проверять. Вы получите мой личный перстень, – бургомистр снял с безымянного пальца золотое кольцо с крупным алым камнем, мрачно сверкнувшим в солнечных лучах, хотя девочка и не могла этого видеть, но наследник перебил его:

– Не нужно, Вы и так сделали для меня слишком много, милорд. Ты получишь мою именную печатку с фамильным гербом и моим именем. Второй такой не существует, и я узнаю её даже в глубокой старости.

– Может, теперь, когда все формальности улажены, Вы всё-таки слезете оттуда, юная леди? Путь от Храма не близок и жрец прибудет сюда лишь к вечеру, – обратился Готварт к девочке, свесив ноги сидевшей на парапете.

– Поверить всему, что Вы тут мне наобещали, значит дать заманить себя в ловушку. Я хочу чтобы клятва прозвучала на заполненной площади – если она будет нарушена, люди не забудут Вам этого.

– Площади не будет. Можешь хоть сейчас размозжить себе голову, это ничего не изменит. Рано или поздно я отыщу, чёртов медальон, пусть даже придётся разобрать здесь всё до основания, – отрезал Готварт, мальчишка нервно взглянул на него, но бургомистр не обратил внимания на это. Все вновь смотрели на Сандру, девочка не знала, как поступить и после раздумья согласно кивнула головой: – Дождёмся жреца.

– Милорд, сейчас удобное время поймать её арканом или сетью, – поглядывая на Блоху, прошептал на ухо бургомистру Мастер Кейн, но Готварт просто ответил:

– В этом больше нет нужды. Я не нарушу слово, данное принцу и его самозваной невесте. Ты знаешь, девочка мне даже нравится, жаль, что она сама выбрала свою судьбу.

Когда жрец приехал к заброшенной усадьбе, сидя в запряжённой мулом повозке уже почти стемнело. Это был невысокий полностью лысый толстяк с невозмутимым лицом. Казалось, он совсем не удивился ни месту, где должен был заключить брачный союз, ни тем, кто встал под венец – вернее их разному положению в обществе. Как только молодая особа слезла с парапета, Готварт, особо не надеясь, приказал её обыскать, но, как и думал, медальона при ней не оказалось.

– Так вы соблюдаете договор! – возмутилась девочка, но бургомистр, не повёл даже бровью:

– Не забывай, что ты украла его по приказу своего «папаши», возжелавшего шантажировать меня. Это не просто кража, а посягательство на установленный Небом порядок вещей, по сути, государственная измена. Так что заткнись и радуйся тому, что до сих пор жива. Преподобный, начинайте – пора заканчивать этот балаган.

Жрец, встав лицом к заходящему солнцу на верхней ступени чудом сохранившейся мраморной лестницы, неторопливо зажёл семь свечей в серебряном канделябре, и, перебирая узлы на поясе белой священной рубахи, стал читать молитву. Солдаты бургомистра стояли со стороны принца, попрошайки, представлявшие из себя пёстро одетую разношёрстную компанию сгрудились возле Блохи. То с любопытством поглядывая на читавшего молитву клирика и стоящих перед ним принца с девочкой, то со страхом на поблёскивающих доспехами в отблесках света факелов стражников. Не ожидая для себя ничего хорошего по окончании церемонии. Паук держал их в строгости, но никогда не перегибал палку, давая возможность заработка, кров и защиту. Что будет теперь, никто из них даже не представлял. Дочитав молитву до конца, жрец потушил одну за другой свечи и, сложив канделябр, в дорожную сумму побрёл к повозке, по-утиному переваливаясь из стороны в сторону.

– И всё? – удивлённо спросила девочка, слыша его удаляющиеся шаги.

– Всё. А чего ты ждала? Это только помолвка, – Салозар сняв печатку, попробовал одеть её на палец девицы, но она оказалась слишком велика, тогда наследник привязал кольцо к

кожаному шнурку, отрезав от упряжи лошади и надел ей на шею. – Я свою часть уговора выполнил.

– Эти люди не должны пострадать, – заявила Сандра перед тем как вернуть медальон, указав на смотревших на них попрошаек. Принц взглянул на Готварда и тот сказал пренебрежительно:

– Я не могу гарантировать того что кто-то из бродяг не умрёт от болезни, перепоя, увечий, просто от старости или будет казнён за преступление. За себя лишь скажу, что не стану их преследовать только за то, что они видели эту помолвку; остальное зависит от них.

– Надеюсь на слово, данное не мне, а будущему королю Добробрана. Проводите меня к Пауку, я хочу проститься с ним.

– Да ты издеваешься! Мы потеряли из-за тебя весь день, и никто не хочет торчать в этих руинах ещё и всю ночь! – Багровея от гнева, прорычал бургомистр, хватаясь за рукоять меча, но принц, желая как можно быстрее покончить со всем этим, а не слушать бесконечные препирательства вдруг встал на сторону девочки: – Дадим ей такую возможность милорд, уверен, это не займёт много времени.

Тело покойного лорда Кларка лежало там, где застала его смерть. Пусть Паук не был Сандре отцом, он заботился о ней, как мог, давая суровые уроки выживания в этом мире. Но сам этот мир оказался жесток и не терпел слабости. Глядя на склонившуюся над покойником девочку, принц проникся сочувствием к её утрате:

– Оставим их, – сказал он, закрывая двери. В комнате было темно, но что значит свет для того кто живёт во мраке?

– Ты учил меня быть сильной, – начала Блоха, надеясь, что душа покойника слышит её. – Хотя сам, пожалуй, был слаб, позволив лишить себя золота, земель, будущего, даже глаз и жил в тени своего великого прошлого, сам став лишь тенью самого себя. Как паук сидел ты, в мрачных развалинах плетя липкую сеть, в которую попадались в основном навозные мухи, и когда забился в ней молодой лев, это стоило тебе жизни. Ты воспитывал меня как свою дочь и я, принимая отныне твою фамилию, клянусь продолжить твой род и наказать тех кто, так или иначе, причастен к твоей смерти.

Ей бы заплакать сейчас, изливая в привычном женском рёве из сердца тоску и боль страданий, но глаза её были мертвы, как песок Нимейской пустыни и, склонившись над мертвецом, она коснулась губами остывшего лба. Нащупав пальцами рану на его груди, она вытащила спрятанный в теле покойника медальон, из-за которого так много было сломано сегодня копий и, надеясь, что всё делает правильно вышла из залы.

Стараясь не думать о будущем девочка вручила ожидавшему её Салозару заляпанный кровью медальон. Брезгливо вытерев о портьеру на окне, принц, не решившись повесить на прежнее место, сунул его в висевший на поясе мешочек с серебром, и, не взглянув, вышел на улицу. Сандра слыша, как торопливо отъезжают от развалин лошади королевской свиты села на ступени, только, пожалуй, сейчас поняв как устала.

– Что прикажете делать с ней, милорд, – глядя в сторону усадьбы тихо спросил бургомистра командир городской стражи и тот ответил:

– Бросьте девчонку в крепость. Пусть там ждёт своего шанса.

Готвард держал слово. Как для тюрьмы условия содержания в крепости были нормальными. Девочка не голодала, раз в неделю её мыли в бочке с тёплой водой, а проходящая женщина, по-видимому, немая от природы каждое утро расчёсывала ей гребнем волосы. Она не знала, сколько прошло времени с момента заточения, ведь даже не могла определить день сейчас или ночь.

Та же матрона – это она определила по исходящему от кожи кислому запаху старости – убирала в комнате под присмотром надзирателя и спустя время Сандра уже могла вполне

свободно ориентироваться в ней. Её держали отдельно от всех где-то под крышей, и когда шёл дождь, она отчётливо слышала стук барабанищих по черепице капель. Надзиратели не хотели с ней общаться, а матрона не могла и Сандра боялась, что со временем разучится говорить и тогда взяла привычку разговаривать сама с собой.

Просыпаясь, она желала себе доброго утра, а засыпая спокойной ночи, благодарила неизвестных поваров за добротную стряпню, пусть и не слишком вкусную, но не дававшую ей умереть с голоду, а Непорочную Деву, (которой отдавала предпочтение в пантеоне богов) за проявленное к ней снисхождение и, конечно же, боясь забыть, читала наизусть стихи. Толи к ней просто привыкли, толи кто-то проявил к девчонке участие, но теперь её кормили гораздо лучше, всё так же дважды в день, зато пища стала вкуснее и даже изысканней. Наверное, это было плодом её воображения, но ей казалось, она узнаёт руку повара баронессы, всегда добавлявшего в свои блюда пряности, что привозили из-за Азгора, откуда и был родом Мастер Грант.

Мылась она теперь, когда хотела, достаточно было сказать об этом матроне, а одевала не грубую холстину с чужого плеча, а шерстяные туники и льняные платья, которые складывала в отведённый ей для этого шкаф. Она старалась не падать духом, но понимала, что обречена, провести в каменных стенах всю оставшуюся жизнь, как самая опасная преступница этих земель. Пожалуй, местный властитель мог расправиться с ней, но не делал этого, желая продлить её мучения.

Пройдёт детство, потом юность, придёт пора зрелости, не единожды поменяется бургомистр и стражники, давно забыв о причине заточения, будут насиловать её, приучая к сладкой пытке и со временем, по прошествии лет она станет зависимой от этого, как от единственного своего удовольствия. А спустя полвека, когда она превратится в седую полоумную старуху, у неё не будет даже его и единственное о чём она станет мечтать, засыпая это о скорой смерти.

Печатка принца по-прежнему висела на её шее; возможно, какое-то время он ещё будет помнить о ней, но со временем воспоминания потеряют остроту под ворохом событий и дел, а история с украденным медальоном будет восприниматься как отчего-то не забытый дурной сон. И уже тем более Салозар вряд ли вспомнит о данном когда-то ей обещании. Она блефовала, не понятно на что, надеясь, но вот игра проиграна и всё что ей осталось, это общество немой старухи...

Задумавшись, она не сразу услышала лёгкие шаги матроны и когда та дотронулась до неё своими почему-то всегда холодными пальцами, то вздрогнула от неожиданности. Немая мычала, силясь что-то сказать, вероятно, воспользовавшись отсутствием стражи у дверей, но вот по коридору послышались грузные шаги женщина, сунув ей в ладонь, завёрнутую шелестящей обёрткой конфету, отошла в сторону.

Развернув, девочка вдохнула медовый аромат, сердце её часто забило, и узница старалась не подавать виду, что взволнована. Она узнала этот запах – такие конфеты, делавшиеся по личному рецепту Мастера Гранта, любила Ансара и в том, что она, наконец, объявила о своём участии в её судьбе, не могло быть сомнений. Это была не просто медовая сладость в красивой обёртке – то был её путь на свободу. Боясь передумать, девочка быстро положила конфету в рот и едва разжевав, проглотила, запив водой из стоящего на столе кувшина.

На следующее утро она почувствовала себя нездоровой, причём настолько, что едва смогла встать с постели. Её рвало весь день горькой слизью пустого желудка и напуганные стражники, не заходя внутрь, ставили у порога свежую воду и пищу, но девочка не притронулась ни к чему и посуда осталась стоять у порога пока старуха, наконец, не унесла их прочь. Сандра теперь совсем не вставала с постели, и матроне с трудом удавалось насильно кормить её жидкой рисовой кашей. И без того не быв полной она исхудала ещё больше и напоминала скорее скелет, нежели обычного человека. Казалось, смерть стоит у изголовья ожидая последнего вздоха и пришедший лекарь, не найдя причины недуга посоветовал ей лишь покой, констатировав собственное бессилие.

То, что она не была заразна, пожалуй, являлось единственной хорошей новостью. Промучившись неделю, девочка умерла, к всеобщему облегчению – пожалуй, она не заслуживала такой судьбы, и Триолан, смилостивившись над нею, прекратил её мучения. Лекарь констатировал смерть, положив в покрывало, стражники вынесли труп на тюремное кладбище, где обычно хоронили тех, за кем не пришли родичи упокоить в Башне Молчания среди усопшей родни. Жрец прочёл надлежашую в таких случаях молитву, и перед тем как стражники засыпали накрытое саваном тело, присутствовавший здесь лорд Готвард вертя в руке королевскую печатку, склонившись над покойницей, одел шнурок на тонкую шею. У принца ещё будет не счастье колец и перстней, а девочка расплатилась за неё жизнью.

Накрапывал мелкий дождь, угрожая превратиться в ливень и быстро забросав могилу землёй, стражники поспешили в крепость, воткнув в свежий холм кол с прибитой к нему табличкой, написанной по такому случаю храмовым служкой: Блоха – девочка двенадцати лет. Родители – Анзор и Ансара Кларк.

Габриель

Очнувшись, Сандра рефлекторно открыла глаза, как делала до этого каждое утро всю свою недолгую жизнь. Она лежала, прислушиваясь к щебетанию птиц за окном, обрывкам разговоров идущих людей, стуку копыт и грохоту проезжающих по мостовой телег. Яркий дневной свет проникал сквозь повязку на её глазах, и вместе с ним пришло воспоминание обо всех недавних событиях и о том, что у неё больше нет глаз. Вспомнив об этом, девочка зажмурилась, и потянулась руками к повязке, вдруг услышав взволнованный голос сиделки:

– Она очнулась! Она очнулась! – вскочив со стула, женщина выбежала из комнаты, но услышав её крик, навстречу уже спешили с полдюжины человек. Вероятно все, кто был в этот момент в доме.

Плотно намотанная ткань была завязана на узел, который никак не поддавался девочке. Её пальцы, как и всё тело, плохо слушались от истощения, она поднялась с постели, но голова закружилась, и пришлось сесть на кровать. – Не так быстро, милая, – услышала она взволнованный голос Ансары. За время знакомства это был, пожалуй, первый случай, когда что-то смогло вывести миледи из себя. Понимая, что всё самое страшное позади, Сандра не зная, что сказать баронессе вдруг заплакала. Скопившиеся за долгое время слёзы текли ручьями, девочка содрогалась в рыданиях и леди Кларк, понимая её состояние, лишь молча прижала её к себе.

– Что с моими глазами? – всё ещё не в силах успокоится, с трудом выговорила девочка. – Я смогу видеть?

– Да, конечно. Несколько дней придётся походить в повязке, а потом мы её снимем.

– Но как такое возможно? Ведь Паук уничтожил их, я чувствовала боль и свежие ужасные шрамы в глазницах.

– Если бы это было так, я бы ничем не помогла. Он просто внушил тебе это, добавив немного магии, которой пытался овладеть.

– Он был чернокнижником? – спросила девочка и Ансара ответила, подбирая слова:

– Пожалуй, самое страшное в этом мире, когда люди преподносят свои заблуждения как истину, называя магией то, чего не могут понять. Например, знание о соединении материй, о действии настоек трав и движении небесных тел – всё это они по невежеству называют колдовством.

– За это Вы лишили Паука глаз?

– Я? – удивилась миледи. – Это он так тебе сказал? Хотя, пожалуй, в этом есть часть моей вины. В юности я увлекалась науками. Мой отец был последним управителем библиотеки Добробрана – тем, что осталось от её былого великолепия после череды войн. Он не просто раскладывал свитки – он был математиком, философом, астрономом, учил мудрости древних

знаний и его школу посещали знатные люди, съезжаясь со всего Серединного мира. Он почти не брал с них денег – в этом был его замысел: сделать мир лучше.

Отец мечтал о сыне, который продолжит его дело – ведь только мужчина мог заниматься наукой, удел женщин лишь домашний очаг. Но родилась я, унаследовав от отца, в отличие от других дочерей и племянников тягу к знаниям. А потом, уже после его смерти я вышла замуж за Анзора, продолжая занятия со своими учениками, преподавая философию и точные науки. Он был префектом провинции, не последним человеком в королевстве и многим не нравилось моё влияние на него, а ещё то, чему учила, будучи Ментором. Клирикам казалось, я отнимаю прихожан у истинной веры. Больше слова жрецов не были для моих учеников истиной, они подвергали их сомнению хотя бы в том, что земля плоская и именно Бог создал нас всех, по сути, из своей прихоти.

Это отражалось и на отношении мужа к храмам и величине пожертвований на их нужды. В этом клирики обвиняли меня, жалуясь Первосвященнику. Анзор, был предан королю, ссорится с которым жрецы, не хотели, ведь вмешиваясь в дела государства, они посягали на власть Иеремии в провинции. Пусть он во многом и уступал Первосвященнику, но здесь неожиданно проявил твёрдость, отказавшись отзывать префекта, и тогда святоши решили проблему по-другому.

Ворвавшись в библиотеку, фанатики из живущих в киновиях монахов схватили меня, привели в свой Храм, раздели догола и там убили. Не сразу, – добавила женщина, услышав удивлённый возглас слушательницы. – Они живьём сдирали с меня кожу до костей глиняными черепками, выколол глаза, а когда я умерла, выбросили искалеченное тело на помойку, предоставив птицам, позаботится обо мне. Меня оживила колдунья, но даже это не было магией – меня воскресил Эйтр, мифическое вещество которым Боги сотворили мир из первородного хаоса. Живых он убивал, а мёртвых возвращал к жизни.

Мой муж тайно приказал слугам отвезти к ней моё тело, сам же, уйдя со службы, отдался алхимии, сумев истратить за короткий срок на своё увлечение целое состояние. Знаящие его люди решили, он сошёл от горя с ума, и возможно были не далеки от истины. Надеюсь создать средство способное возвращать с того света он едва не распрощался с жизнью лишившись глаз. Мы встретились ещё один раз. Он стал почти безумцем; чуть не убивший его взрыв ядовитого газа уничтожил половину усадьбы. Гонясь за химерой своей мечты, Анзор влез в долги, с которыми не смог расплатиться и кредиторы отняли у него всё, что ещё можно было продать.

Недавний вершитель судеб целой провинции смотрел на меня мёртвыми глазами, вероятно воспринимая мой голос за плод своего воображения. Все считали меня мёртвой и, имея столь сильных врагов, я решила не воскресать, тем более что меня всё равно сожгли бы на костре как колдунью. Ведь они, они убили меня однажды. – Вы отомстили своим убийцам, миледи? – спросила девочка, оробев от услышанных откровений и Ансара ответила, качая головой:

– Нет, но за меня это сделаешь ты.

– Я?! – воскликнула Сандра. – Но как? Я всего лишь человек! Чтобы победить Первосвященника нужно отнять у него Бога.

– Не стоит недооценивать себя. Мне кажется иногда, что ты моя дочь, наша с Анзором. Я узнаю в тебе себя, но даже я в твои годы не была способна на такое.

– Вы говорите о медальоне? – девочка ощутила, как щёки её заливают румянец. Ей казалось, она не заслуживает похвалы, ведь из-за медальона Паук был убит, а ей пришлось умереть, как когда-то миледи. – Вы тоже воскресили меня Эйтром?

– Нет, обычным противоядием. Но хватит грустных воспоминаний – мы обе живы. Разве это не повод устроить маленький праздник? – Ансара хлопнула в ладоши, и спустя недолгое время Мастер Грант собственноручно внёс на подносе ароматно пахнущее блюдо в глиняном горшке, сделанное по личному рецепту, ставя его на маленький столик перед ними.

– Спасибо, Эйгор, – повар снял крышку и запах приготовленных в оливковом масле устриц, редких здесь, но привычных на родине Гранта разошёлся по комнате. Перед тем как приступить к трапезе девочка сказала:

– Я не могла видеть, но сразу узнала по запаху Ваши сладости и надо признать, та конфетка, была отменной на вкус...

– Ах, не напоминай мне об этом, – смутившись, перебил её Эйгор, с делавшимся заметным во время волнения акцентом жителей азгорского побережья. – В тот момент, когда миледи опрыскала её ядом, я сам чуть не умер от горя.

Когда повязку, наконец, сняли, первое что увидела девочка, после долгой слепоты это каменные грифоны, сидящие на столбах ворот. Где бы ни жила Ансара, грифоны тут же водружались над входом в её новый дом. Вероятно противоречивость этих существ, соединивших в себе небо и землю, как нельзя лучше подходили характеру миледи, в которой изначальное добро шло об руку с притаившимся в ней злом. Их устрашающий вид не предвещал ничего хорошего, но девочка была рада увидеть их, как старых знакомых, радуясь тому, что всё страшное уже позади и леди Кларк вернула её в семью. Пусть даже и с того света.

В этот раз дом был не таким большим, как прошлое поместье, но зато стоял почти в центре Полония, второго по величине города королевства. Возможно, не желая повторить прежнюю ошибку, Ансара больше не таскала девочку за собой, позволяя одной выходить в город. Делая круг, Сандра гуляла по улицам и площадям, доходя до берега протекавшей через город речки. Просить милостыню больше не было нужды, как и срезать кошельки с поясов, но, не желая растерять полученные навыки, как память о Пауке, (которого отныне называла отцом), она практиковалась на слугах миледи, к неудовольствию последних.

Однажды, возвращаясь с прогулки, девочка увидела сидящего под забором их дома лохматого щенка, жалобно глядевшего на прохожих. Остановившись рядом, Сандра разглядывала маленького пса; виляя хвостом, тот подошёл к ней, доверчиво уткнувшись мокрым носом в лодыжку. Сердце девочки зануло от жалости – так же как она щенок был одинок в этом мире и никому не нужен. Чем дольше Сандра смотрела на него, тем труднее ей становилось уйти. Наконец, девочка пошла к дому и щенок, побежал за ней. Сандра остановилась, пёс сел на задние лапы и, наклонив голову в сторону, смотрел на неё, высунув язык.

– Миледи не разрешит мне оставить тебя. Это не мой дом, а леди Ансары. Она любит меня как свою дочь, но временами бывает очень строга, – с сожалением сказала девочка, пёс звонко твякнул, словно не соглашаясь и развернувшись, Сандра быстро пошла к воротам особняка, щенок же бежал следом за ней. Остановившись у калитки, глядя на вновь, усевшегося на землю молодого пса заметила: – Хотя. Даже если тебя выгонят, то перед этим обязательно накормят.

Девочка постучала, привратник открыл дверь и, схватив заскулившего щенка в охапку, она вошла внутрь. Читая книгу миледи, сидела у раскрытого окна, в своём кабинете наслаждаясь прощальным, осенним теплом и при виде их лишь покачала головой, хотя во взгляде не было особой строгости.

– Мадам, – обратилась к ней девочка. – Это маленькое существо не переживёт грядущую зиму. Если Вы позволите ему остаться обещаю заботиться о нём, кормить и убирать за ним дерьмо.

Вероятно, миледи была в благостном расположении духа, а возможно не желала расстраивать девочку, которой и так изрядно досталось. Скрыв истинные чувства, женщина ответила:

– Хорошо, но чтобы в доме духа его не было, ты же знаешь, я не переносу животных. И скажи

Эйгору, пусть покормит пса, а то и впрямь сдохнет от голода.

Привязав щенка к дереву у забора, обрадованная девочка отправилась на кухню и Мастер Грант, с некоторых пор относившийся к ней как собственной дочери насыпал в выделенную её питомцу миску ароматной похлёбки.

Сандра рада была вернуться к обучению, и даже мрачный лик Мастера Глосса, больше не пугал её, тем более что теперь она прилежно училась его мрачному ремеслу.

Прокл начал с повторения прошлого курса:

– Какое растение называют голубым лютиком?

– Аконит, – ответила девочка, прочитав нужный раздел в книге о ядах из библиотеки миледи.

– Назови мне самые распространённые растительные яды?

– Болиголов, аконит, цикута.

– Как ещё называют цикуту?

– Кошачья петрушка, ваха, омежник. И ещё водяной болиголов. Но разве это сможет мне пригодиться?

– Моё дело дать тебе эти знания, а как ты ими воспользуешься мне всё равно, – ответил старик, не показывая видом, что доволен её усердием.

День летел за днём, а месяц за месяцем. Прошло несколько лет, за это время девочка выросла и благодаря Мастеру Глоссу теперь хорошо разбиралась в ядовитых растениях и даже сама делала из мышьяка отраву для крыс. Миледи колесила по стране со своей немногочисленной свитой, меняя имена и титулы. Обладая чувственной красотой, которую казалось не могло испортить даже время она легко сходилась с мужчинами, иногда выходя замуж за престарелых бездетных не слишком богатых лордов, которые спустя короткое время умирая, оставляли вдове не только титул с фамилией, но и всё своё состояние.

Об Ансаре пошла дурная слава, причём настолько, что в некоторых провинциях её объявили в розыск, а портреты миледи висели чуть ли не на каждом столбе. Это сильно досаждало, ведь для успешного ведения дел ей нужно было вести светский образ жизни, посещать балы и салоны знати, где обычно собирался весь цвет местного общества, а значит и потенциальные женихи.

У одного из её безвременно упокоившегося мужей, было имение в Градирале, и леди Кларк решила переждать время опалы в Ахероне. Девочке нравилось здесь. В этом обласканном южным солнцем приморском городе люди, казалось, были добрее и приветливее чем в северных пределах её страны, вероятно по причине того, что мягкий климат способствовал хорошим урожаям и ленивой вальяжности местных жителей. Миледи прожила в Градирале зиму, а весной, получив письмо с вестью о том, что все обвинения с неё сняты, засобиравшись на родину.

Сандра никогда не видела моря и теперь часто ходила по берегу, под крики кружащих над головой чаек. Щенок, которого она назвала Шмелём, по-прежнему был с ней. Он был предан ей, и девочка доверяла ему свои маленькие тайны, рассказывая всё, что её волновало. Язык ахеронцев не был похож на речь своих северных соседей и баронесса, которую теперь называли герцогиней, вынуждена была вести уединённый образ жизни, что сильно досаждало её привыкшей быть на виду натуре.

До форта Канингемм от Градирала было чуть больше двухсот морских миль, так что путь не занял много времени. Родина встретила их пронизывающим до костей ветром – не смотря на то, что прошла середина весны, было прохладно, и легко одетая девочка сильно продрогла по пути до снятого миледи дома.

Город при форте лежал на крутом утёсе, и выйти к нему можно было либо по ведущей в обход дороге, либо по круто поднимающейся вверх лестнице, насчитывавшей восемьсот ступеней, вырубленных в белом известковом камне. Вероятно, Ансара была готова к любому развитию событий, по крайней мере, она не отпускала зафрактованное маленькое судно до тех

пор, пока поверенный в делах, переговорив с бургомистром, не заверил её о прекращении преследования. Четыре дня они добирались по суше к Полонии и лишь оказавшись дома, леди Кларк, наконец, поверила, что её мытарствам пришёл конец.

Мастер Глосс путешествовал с ними, не потому что Ансара так нуждалась в его обществе, а вероятно из-за того, что алхимик и травник слишком многое знал о ней. Ещё в день прибытия миледи сказала Сандре загадочно:

– Пришла пора заняться делом. Завтра зайди к Проктору, у него есть для тебя задание.

Мастер Глосс встретил её в отведённом ему помещении, в котором преподавал своё мрачное искусство. Неизвестно были ли у алхимика другие ученики, во всяком случае, девочка больше никого не видела. Наставник задал ей несколько вопросов по темам прошлых своих уроков, а потом, вероятно оставшись доволен, сказал главное:

– А теперь, юная леди свари мне смертельный яд из тех трав, которые видишь перед собой, – требование ментора застало Сандру врасплох, раньше она никогда не варила яды самостоятельно, лишь прислуживая во время их приготовления, но, не выказав смущения, приступила к делу.

Проктор внимательно следил за приготовлением смертоносного зелья, его пристальный взгляд досаждал девочке, и лишь когда основные компоненты были добавлены в нужной пропорции, он вышел из комнаты.

Когда зелье остыло, соблюдая меры предосторожности, Сандра перелила его в стеклянную бутылку, и, навесив ярлык с указанием времени приготовления и состава трав, как делал всегда старик, поставила на полку, в душе гордясь собой. Спустя недолгое время Проктор вернулся и, оценивающе взглянув на только что сваренный яд сказал:

– Ансара ждёт тебя, – несмотря на то, что прошло немало времени, с момента изгнания и девочка стала теперь прилежной ученицей, ей казалось, алхимик так и не простил её. Миледи встретила её стоя в излюбленной позе с книгой у окна и откладывая кодекс сказала:

– Ты уже взрослая девушка и время детских забав прошло. Пора браться за дело, но перед этим ты должна пройти последнее испытание.

– Я думала яд и есть испытание, – удивилась девочка.

– То было испытание знанием, а теперь будет испытание смертью.

– Я кого-то должна убить?

– Почему сразу убить? Хотя, ты права – тебе придётся убить маленькую девочку внутри себя. Того испуганного, затравленного зверька, которого я увидела когда-то в крохотном городке.

– Он казался мне тогда огромным, – некстати вставила Сандра, воспользовавшись паузой.

– Не важно, кем ты была тогда, гораздо важнее кем станешь. Помнишь, когда-то я обещала тебе, что ты будешь королевой?

– Не все обещания воплощаются в жизнь. Миледи...

– Я тоже так думала, тогда, – перебила её леди Кларк. – Но теперь, теперь всё изменилось и воплотится ли безумная мечта в жизнь, целиком зависит только от тебя – всё остальное сделали Боги.

– Вы говорите загадками, госпожа. Как такое возможно? Да, Салозар обещал жениться на мне, но это было до того, как Вы убили меня. И потом, кто помнит о старых обетах?

– Убила, чтобы спасти, – удивлённо вскинула бровь женщина. – Закрой глаза, а потом открой: изменился ли мир за окном, и всё, что есть в этом доме? Это не сон дорогая, а реальность, такая же, как и тюрьма, в которой ты была обречена на долгое бессмысленное существование.

– Что от меня требуется?

– Ты должна доказать, что больше не ребёнок, что готова жертвовать привычным укладом ради избранной цели. Тем, кто по-настоящему дорог тебе.

– О чём Вы? – сердце девочки сжало нехорошее предчувствие надвигающейся непоправимой беды, и миледи ответила:

– Ты должна испробовать яд на Шмеле.

– Но... Но почему?!

– А что же это будет за жертва, если тебе не придётся ничем жертвовать? Ты можешь отказаться. Сегодня навсегда покинуть мой дом, похоронив мечту, которая больше уже никогда не исполнится. Уверена, ты не пропадёшь – выйдешь замуж за крестьянина или ремесленника, а если повезёт, то и обнищавшего дворянина, унаследовав его титул. Нарожаеть кучу детей и закончишь жизненный путь в нищете...

– Но я не могу убить его! Он часть меня, он верит мне и любит меня! – воскликнула Сандра.

– Ты убиваешь не его, а испуганное жалкое существо внутри себя. Но я не заставляю, а даю выбор – добиться того о чём мечтаешь, стать великой или так и остаться никем. Расскажу тебе историю из моего детства – ведь я не всегда была графиней. Мой дед по матери из козопасов; его стадо было большим, а животные тучными и вдруг на них напал мор, угрожая всей отаре. Старик отделил больных овец от здоровых, но оказалось, заразу переносили мухи. Что бы сделала ты?

– Я? – вопрос был неожиданным и девочка смутилась. – Но я никогда не пасла овец. Наверное, загнала больных в кошару, хорошо бы кормила и со временем они поправились...

– Со временем они умерли бы все, одна за другой, – отрезала женщина. – Отец забил слабое поголовье и сжёг туши. Смердящий дым стоял три дня над фермой, трупов было много, и плоть не хотела гореть, но болезнетворные мухи не могли жить в таком смраде, они улетели и стадо выжило.

– Зачем Вы рассказали мне это, миледи?

– Доброта не спасёт этот мир – она лишь делает его слабее.

Пёс радостно завил хвостом, при виде идущей с кринкой молока Сандры. За это время щенок вырос в молодого лохматого пса серого окраса, и данная ему кличка подходила к нему как нельзя лучше. Молоко с кусками размокшего в нём хлеба было его излюбленным лакомством и, не сдерживая слёз, девочка плеснула туда отравы, проклиная себя за слабость. Она жертвовала единственным другом из-за боязни снова быть изгнанной в никуда, миледи давала ей иллюзорную надежду рано или поздно выбиться в люди и она шла за ней, как ослик за висящей перед ним морковкой, понимая, что без Ансары она всю жизнь простоит на паперти.

Виляя хвостом, пёс лакал отравленное молоко, а она редела, не сдерживая слёз и солёные капли стекали по её щекам. Вылакав всю миску, Шмель облизал её и вдруг упал на передние лапы, не понимая, что с ним творится. Он громко отрыгнул собравшиеся в желудке газы и вдруг жалобно заскулил, тоскливо заглядывая ей в глаза. Прижавшись к стене, Сандра стояла не в силах пошевелиться. Ей казалась, эта пытка продлится вечность, но Шмель повалился на бок и, забившись в конвульсиях, затих, глядя на неё мёртвыми глазами, в которых, она могла поклясться в этом, стояли слёзы.

Не в силах сделать хоть шаг девочка стояла на месте, даже после того, как слуга, схватив мёртвого пса за задние лапы, потащил на задний двор. Мысль, что труп Шмеля сейчас выбросят на помойку, привела её в чувство. Взяв у сарая лопату, она побежала за слугой, и тот вырыл неглубокую яму под забором, в которой упокоился отравленный пёс. Сандра хотела сказать что-то ему напоследок, попросить прощения, как-то объяснить свой поступок, но вертевшиеся на языке слова так и не слетели с него. Понимая, что сейчас снова заплачет, девочка медленно пошла к дому, проклиная себя, миледи и выбранный ими путь.

После смерти Паука Колстрейд, по уговору с Готвардом занял его место, отдавая последнему треть всего, что приносили нищие. Это сильно досаждало Заяц, он ожидал от долгожданного возвышения большего, гораздо большего – ему казалось, Паук купается в роскоши, выделяя ему крохи. Новое положение сделало его подозрительным и оттого нервным, срывающимся по пустякам на тех, кто оказывался под рукой. Он думал, попрошайки прячут от него монеты, каждый Майнер метит на его место, а бургомистр решил заменить его кем-то другим, убив или заточив в крепости. Вечера Колстрейд скрашивал дешёвым пойлом, а по утрам, страдавая от выпитого в безмерном количестве дурного вина слонялся по городу, со стороны наблюдая за подопечными и если замечал что те прячут от Майнера подавание, жестоко избивал провинившегося человека, в назидание, заставляя остальных смотреть. Но жадность была сильнее страха – это Колстрейд знал по себе и оттого давно уже не доверял никому.

Как обычно, в последнее время, он шёл, возвышаясь благодаря высокому росту над остальными сквозь полную людей площадь у рынка к Храму Солнца, где в основном и стояли его подопечные. Базарные воры были особой кастой, и Заяц собирал с них дань лично. Паук был мозгом, он мыслил наперёд, просчитывая ходы, что возможно и стоило ему жизни, когда он выбрал жертву сильнее себя. Благодаря старым связям у него было несколько борделей с девицами и пару лавок со всякой всячиной, но всё это Готвард забрал себе, оставив Заяцу только попрошаек.

Вдруг он почувствовал, болезненный укол и, осмотрев руку, увидел выступившую каплю крови, он хотел было жестоко наказать обидчика, невысокого худосочного человека в накинутом на голову капюшоне, но тот уже скрылся в толпе и Заяц лишь крикнул ему в след:

– Смотри куда прёшь, раззява!

Рана была не существенной, и он забыл о ней, но к вечеру рука распухла и стала болеть. Тело горело огнём, будто внутри растопили печь и Колстрейд пытался потушить бушующий внутри него пожар дешёвым вином. Все его чувства обострились, каждый нерв был обнажён и раздавшиеся в коридоре лёгкие шаги звенели в его голове усиливающимся колокольным набатом, угрожая разорвать её к чёртовой матери. Он узнал их, и когда незванный гость вошёл в бывшие апартаменты милорда, спросил, не выказывая удивления, вероятно принимая визит за бред охватившей его лихорадки:

– Пришла за мной с того света? Всё никак не можешь простить мне смерти Паука? Но я гораздо сильнее, чем ты думаешь. Моё время ещё не пришло, так что можешь убираться назад в преисподнюю.

– Я пришла не за тем, что бы насладится твоими страданиями, – возразила Сандра, разворачивая свиток, что держала в руке и раскладывая его перед сидящим за столом мужчиной. – Я могу избавить тебя от страданий в обмен на подпись.

– Не знаю, что ты задумала Блоха, но я не обучен грамоте. Да и зачем мне это?

– Она тебе не понадобится. Всё что от тебя нужно, это приложить большой палец к свитку. Если я не дам тебе противоядия, ты умрёшь до рассвета, – отрезала девушка, став зачитывать описанные ею события двух летней давности, произошедшие в этих стенах.

– Восстав из мёртвых, ты решила заарканить принца, наложив лапу на всё королевство. Это стоило вам с Пауком жизни, кажется, пора успокоится, но нет, ты продолжаешь лезть на рожон. Но я остановлю тебя, отдав бургомистру, и у него не останется сомнений в моей преданности, – поднимаясь из-за стола, прорычал Колстрейд. Он попытался схватить её здоровой рукой, но девочка увернулась, отбежав к двери, успев взять лежащий на столе свиток.

– Если я сейчас уйду, ты точно умрёшь и никто, никто не сможет помочь тебе. Этот яд придумала я, и у него нет противоядия. Вернее оно есть, но у меня, – Сандра вытащила из мешочка на поясе пузырёк с зеленоватым эликсиром. – Посмотри на него и подумай, стоит ли умирать из-за собственной глупости.

– Эй, люди! – закричал Заяц. – Схватите эту девчонку!

– Никто не поможет тебе. Большинство я отправила по твоему приказу на другой конец города, а те, что остались, будут спать до рассвета. Если кто и есть в доме, он вряд ли придёт на твой зов, ведь здесь все ненавидят тебя.

– Что мне помешает отказаться от вынужденной подписи в будущем? – раздумывая над ситуацией, спросил мужчина, больше не пытаясь её схватить.

– Ты не откажешься, – девочка протянула ему свиток и банку с чернилами. Заяц задумчиво смотрел на неё какое-то время, но, всё же открыв крышку, смочил палец и приложил его к подчёркнутому линией своему имени в конце. Сандра протянула руку, но Колстрейд прорычал: – Сначала зелье.

Девушка прокатила по столешнице баночку с эликсиром и Заяц, по-прежнему держа свиток, откупорил его зубами, выпив содержимое. Он стоял, возвышаясь над девчонкой, недобро глядя на неё, а потом изрёк злорадно, потрясая свитком над головой:

– Ничего ты не получишь. Утром я лично отведу тебя к Готварду вместе с этим. Даже Пауку я не позволял так вести себя со мной. Будь уверена, бургомистр уничтожит тебя, сотрёт в порошок. Восстав из мёртвых, ты сыграла с собой злую шутку – для всех ты мертва и больше нет надобности, держать тебя в подземелье.

– Нет, не уничтожит, – последние слова давались гиганту с трудом. Казалось, свиток стал необычайно тяжёл, и рука его безвольно упала на стол. – Каждое из снадобий – что было на игле днём и то, что ты только что выпил – не смертельны по отдельности, но смешавшись в твоём чреве, превратились в смертельный яд. Ты умираешь, Заяц и поверь, никто не будет печалиться по этому поводу, хотя и радости я тоже не испытываю, отомстив смертью за смерть Паука.

Оцепенев Колстрейд стоял, вцепившись руками в край стола. Изо рта его пошла пена, зрачки расширились, как бывает от чудовищной боли, а потом покрылись пеленой смерти. Сандра подняла с пола свиток; отпечаток большого пальца был виден отчётливо, хотя и оказался смазан в нижней своей части. Обернувшись, девочка увидела хмуρο глядевших на неё и с ужасом на Колстрейда Майнеров и простых попрошаек, облегчение в их глаз боролось с ужасом неопределённости, ожидавшей их теперь. Некоторых она узнала, как и они её, но большинство оказалось ей не знакомо.

– Вы свободны, – сказала им девочка. – Я освободила вас от власти этого мерзкого человека. Отныне вы можете жить, как хотите; ник-то не будет заставлять вас делать то, чего вы не желаете.

Сандра сделала шаг им навстречу, и собравшаяся толпа расступилась, пропуская её сквозь себя, словно опасаясь, участи своего предводителя. Она читала в их взглядах враждебность и не понимала причины, словно это она, а не Колстрейд угнетала их, жестоко наказывая за малейшую провинность.

– Я не знаю, как ты это сделала, восстав из мёртвых – до сих пор это не удавалось никому, – сказал ей Вентор, Майнер примерно одного с Пауком возраста, бывший Майнером при лорде Кларке, оставшийся им и при Колстрейде. – И теперь никто не знает, не придёшь ли ты в следующий раз за ним. Заяц не был ангелом, но был обычным человеком из плоти и крови, ты же умерев, явилась в этот мир снова. Не стоит удивляться, что люди боятся тебя.

– А тебе не стоит говорить за всех, – начиная злиться, заявила девушка. – Помимо своей общности, он был тираном, и я освободила вас от его ига. Вы свободны, вы теперь свободны!

– Свобода это наличие выбора, а какой теперь выбор у нас? – заметила одна из попрошаек, дородная матрона, знакомая ей, когда она была Блохой. – Куда нам теперь идти? Мир, созданный Пауком и унаследованный Зайцем, был жесток, но это был наш мир, где у каждого было своё место. А теперь ты разрушила его. И что нас всех ждёт? У Зайца был договор с бургомистром, заключённый на крови милорда, и даже если кто-то теперь встанет на его место, вряд ли новые условия будут менее кабальными.

– Но ведь вы свободны! – растерянно повторила Сандра, так и не вспомнив её имени. – Вы можете идти теперь куда захотите.

– Ты меня не услышала, – качая седой головой скорбно ответила ей женщина и, развернувшись пошла прочь. Остальные последовали за ней, недобро оглядываясь на Блоху.

– Ребекка права, – произнёс Вентор, пытаясь оторвать от стола скованные смертью руки Колстрейда. Кто-то должен занять его место, но до этого здоровяка нужно похоронить. – Прежде чем разрушать этот мир, следовало что-то дать людям взамен, кроме возможности сдохнуть от голода по собственному желанию.

Резиденция Элайи Готварда представляла собой почти квадратную башню, на нижнем этаже которой бургомистр вёл дела, а на верхнем жил с семейством. Под зданием имелся обширный подвал, в котором слуги держали запасы провизии на случай долгой осады или голода, здесь хранилась городская казна, и оттого дом Готварда был едва ли не самым охраняемым местом в Роузвиле.

Следующим ходом разыгрываемой леди Кларк партии было посещение бургомистра и, узнав его обычный распорядок дня, Ансара наведлась к нему ближе к обеду, остановившись на одну ночь в постоялом дворе. Лорд Готвард принял её с плохо скрытым удивлением – у них не было общих знакомых, и он понятия не имел, по какому делу его навестила женщина с весьма сомнительной репутацией.

– Рад Вас приветствовать в своём доме, миледи, хотя и теряюсь в догадках по поводу визита. Вы насчёт усадьбы своего мужа? – начал Илайя после несколько затянувшейся паузы, положив на стол руки со сцепленными в замок пальцами.

– Бывшего мужа. Я не претендую на эти развалины, это дела давно минувших дней и у меня нет ни права, ни желания заниматься этим. Я к Вам по другому поводу. Не знаю в курсе ли Вы, но у нас с Анзором была дочь. С десяти лет она жила со мной, потом вернулась к отцу, здесь попала в дурную историю, оказалась в вашей тюрьме и там умерла.

– У меня нет своей тюрьмы миледи, – откинувшись на спинку стула, заметил бургомистр, словно стараясь держать дистанцию между собой и женщиной, цели визита которой всё ещё не понимал. – Я лишь поддерживаю здесь установленный королём закон, и нет разницы, кто его нарушает, молодой человек, старик или ребёнок. Она украла медальон с груди принца, а потом пыталась его шантажировать. Только за это её следовало казнить, но в виду юных лет, казнь заменили заточением в крепости и заметьте, относились к ней гораздо мягче, чем к другим преступникам. Её убил не я, а болезнь, занесённая кем-то, что съела её за неделю. Она умерла, я лично присутствовал на погребении тела, и поверьте, слухи о том, что девочка может быть жива, не более чем слухи. Хотя это и прискорбно мне говорить; поверьте, я не желал ей смерти.

– Да конечно, как можно винить молнию в пожаре или зиму в лютой стуже, – ответила Ансара, утирая шёлковым платком выступившие в уголках глаз слезы. – Я не виню Вас, но насколько знаю, у дочери был договор с принцем и в память о ней хочу, чтобы Вы подтвердили его, поставив подпись по этим.

Женщина протянула бургомистру пергаменный свиток и тот, развернув, удивлённо прочёл описанные в мельчайших деталях события:

– Однако, – произнёс он, пытливо глядя на собеседницу. – Не знаю, что Вы задумали, но я не буду в этом участвовать.

– Отчего же? Я не прошу Вас лгать или упаси Боже, плести заговор против короны, мне нужна лишь подпись под тем, что случилось на Ваших глазах и чему Вы были непосредственный участник и свидетель. Чего Вы хотите за свою помощь? Серебра, земель, титулов, положения в обществе? Всё это будет вашим, когда моя дочь станет королевой Добробрана...

– Нет миледи, – поднимаясь со стула, гневно перебил бургомистр, показывая, что время аудиенции вышло. – Ваша так называемая дочь мертва. Опустим то, каким способом она выну-

дила принца на клятву – повторюсь, уже за одно это она достойна смерти! А это значит, Вы хотите с моей помощью выдать за неё другую. Не думая о несчастных девицах, Вы преследуете собственные низкие интересы – я слышан о Вас и ничего, ничего общего с Вами иметь, не хочу и не буду. Что бы вы мне за это не сулили и поверьте, нет такой цены! Прошу покинуть мой дом, в противном случае Вас вышвырнут отсюда силой!

– Низко говорить так о незнакомом человеке основываясь лишь на слухах, особенно женщине. Но поверьте теперь мне, всему есть цена, – холодно ответила Ансара наконец вставая и одевая на холёные руки тонкие кожаные перчатки. В этот момент дверь распахнулась, в кабинет вбежала одетая в шерстяную тунику похожая на Готварда девочка лет двенадцати, что смутилась, увидев незнакомку. Она хотела было выйти, но дошедшая до двери вечная вдова схватила её за руку: – Оставайтесь, юная леди, я уже ухожу, – добавив, повернувшись в дверях к бургомистру, успевшему к этому моменту взять себя в руки: – Я остановилась в «Морском окуне», если передумаете, найдёте меня там – я буду в городе до завтра.

Около полудня следующего дня сопровождавший леди Кларк слуга подняв небольшой багаж готов, был идти на выход, освобождая комнату в постоялом дворе, когда внутри буквально влетел с багровым от охватившего его гнева лицом лорд Говард.

– Что сделала мразь, с моей дочерью! – проревел он, стараясь схватить Ансару за шею, но та встала так, что между ними оказался большой круглый стол с прибитыми к полу ножками.

– Держите себя в руках! – воскликнула она. – Чтобы не случилось, я не имею к этому отношения, мы едва знакомы и у меня нет повода вредить ей!

– Ты схватила её вчера за руку, а сейчас она умирает. У тебя нет чести, если ты так решила свести со мной счёты! Не вмешивай моих детей в свои дела!

– Скажите об этом моей мёртвой дочери, милорд, которую Вы сгноили в сырых казематах. Повторяю, я не имею к этому отношения.

– Лживая тварь, я не верю ни единому твоему слову! – бургомистр выхватил меч и немедленно убил бы миледи, если бы вбежавшая стража не оттащила его от стола, за которым продолжала прятаться женщина, теперь почувствовавшая себя в безопасности. – Если вы возьмёте себя в руки и наконец, расскажете, в чём дело, может быть я смогу Вам помочь.

– Я уже всё сказал, – прорычал удерживаемый стражниками от самосуда Илайя. – Моя дочь умирает и молитесь Богу, чтобы она была ещё жива, ибо в ином случае я уничтожу Вас, где бы Вы, не прятались.

– Мне нужно увидеть её – Ваши слова ничего не объясняют, – заявила женщина, приходя в себя. Нервное потрясение пережитых мгновений, когда жизнь висела на волоске, заставили пальцы её мелко дрожать, а кожу лица сделали мертвенно бледной. – Да, я взяла её вчера за руку, без какого-то дурного умысла, но болезнь уже была в ней.

В доме Готварда не дожидаясь смерти несчастной, готовились к предстоящим похоронам. Клирики Храма кружили вокруг тела лежащей в беспомощности девочки, словно тучные белые мухи, плакальщицы, руководимые дородной матроной, ожидали своего часа, а к дому сходились юродивые в надежде на подавание и бесплатную еду. Дочь бургомистра то приходила в себя, то вновь впадала в забытие. Сидящая у изголовья служанка, не сдерживая слёз, прикладывала к её голове смоченную раствором уксуса ткань, вытирая капли горячего пота с чела девицы. Стоящие здесь же спешно призванные лекари не могли не только исцелить болезнь, но даже понять причину недуга.

Не обращая внимания на злобные взгляды родни и приближённых, миледи склонилась над несчастной, приложив пальцы к едва слышному пульсу на запястье. В этот момент девочка пришла в себя и, увидев лицо Ансары, прошептала со страхом: – Вы...

Больная вновь потеряла сознание, и отец, схватив леди, Кларк за руку оттащил её от дочери: – Ни к чему ломать комедию, играя в лекаря. Вы прекрасно знаете, что стряслось с

ней, ибо сами же её и отравили. Немедленно исцелите её или клянусь, я уничтожу Вас и никто, никто Вам не поможет.

– Ваша маниакальная уверенность в моей вине переходит все границы, – холодно парировала женщина. – Не вижу смысла уверять Вас в своей невинности, ибо Вы не слышите меня, вбив в голову мысль о противном. Возможно, я смогу помочь, но бесплатно не сделаю этого, что бы Вы обо мне не думали.

– Чего Вы хотите, серебра, золота?

– Достаточно будет Вашей подписи...

– Ну конечно! Я должен был догадаться сразу, что Вы не остановитесь ни перед чем, втянув мою дочь в свои грязные делишки! – воскликнул Исая. – Интересно как бы ты выпуталась, не зайди Элиза в кабинет?

– Я уже устала повторять Вам о своей невинности. Вы согласны? Не стоит терять времени, – открыв саквояж Ансара, достала свиток и протянула милорду. Тот, развернув, махнул поданное слугой гусиное перо в чернильницу и, не читая поставил подпись. Не ожидая этого, миледи приступила к изготовлению эликсира, оказавшись в тесном круге домочадцев Готварда, столпившихся возле неё. Достав из багажа несколько стеклянных баночек с порошками разного цвета, высыпала по чуть-чуть каждого в кружку парного козьего молока. Молоко трижды меняло цвет, став, в конце концов, пепельно-серым; она тщательно перемешала получившийся эликсир и влила немного в рот больной.

Состояние Элизы вначале не изменилось, но вот прерывистое дыхание сделалось ровней, жар стал спадать, кожа приняла почти обычный цвет и девочка погрузилась в глубокий исцеляющий сон. Когда это произошло, вечер сменил день, а его в свою очередь ночь. Плакальщицы, с трудом скрывая разочарование, потянулись к выходу, а за ними и лекари, лишь клирики завели восхваляющую Триолана песнь, перебирая узлы на белых шерстяных поясах, дивясь произошедшему на их глазах чуду.

– Отправляясь в дальний путь, я всегда беру с собой универсальное средство, которое может мне пригодиться в дороге – никто не знает, что меня ждёт, – ответила женщина на мрачный взгляд бургомистра

– Вы играете с чужими жизнями миледи, двигая их как фигуры на игровой доске, любыми средствами добиваясь своего. Но однажды Небо накажет Вас, и поверьте, порошки Вам тогда уже не помогут.

– Вы уверили себя в моей виновности, и моём грехопадении, но, по сути, между нами нет разницы, ведь оба мы стоим на страже чужих интересов. Только Вы печётесь о семье и кучке приближённых, я же борюсь за всё королевство, – бросила на прощанье женщина, направляясь к услужливо открытой слугой двери.

Вернувшись в имение, миледи положила свиток в закрытый замком ларец, вместе с тем, что раньше принесла Сандра и кольцом Салозара. Это были камни в фундамент их будущего, впрочем, настолько отдалённого, что Ансара боялась банально не дожить до него. Она внимательно следила за новостями из королевской резиденции, терпеливо ожидая своего часа, и когда он наступит, (а он обязательно наступит, верила женщина), следует действовать без промедлений.

Пока же нужно было на что-то жить и жить безбедно. Слухи о невероятном богатстве лорда Тарвера Уинсли ходили по провинции, будоража умы. Милорд вёл уединённую жизнь в имении на границе Окаянных земель, и ходили слухи, благодаря помощи нечистой силы нажил свой капитал.

– Он продал душу дьяволу, – шептали одни, робко глядя вслед проезжающей чёрной карете милорда.

– Нет, – уверенно говорили другие, – он отрыл сокровище за Грядой, найдя в ней проход, но богатства те прокляты, ибо принадлежали сожжённой на костре ведьме.

– Никто из вас не прав, – утверждали третьи, – ибо он и есть дьявол.

Слухи эти не могли не доходить до милорда, и, пожалуй, он подыгрывал им, сделав чёрный главным цветом своего дома. Как бы там ни было, но практически все плодородные земли этой части провинции принадлежали ему; из-за удалённости от столицы, власть короля здесь была куда меньше, нежели влияние поместных лордов, присягнувших на верность Добробрану. Таких, как Тарвер Уинсли.

Горы возвышались над пологой равниной, уходя так высоко в небо, что казалось, подпирали его. Скалистая Гряда не была похожа на обычные горы – не было ни холмов, ни предгорий. Сразу и как-то вдруг на тысячи миль в стороны расходилась каменная почти вертикальная стена, становясь естественной преградой и пищей для сплетен. Ник-то не знал, что было по ту сторону, как не ведал, было ли там вообще хоть что-нибудь. Возможно, это был конец плоского Серединного Мира, крайняя точка, от которой отталкивались и шли в обратную сторону. Незнание рождает легенды и оттого люди считали, что стену возвели Боги, для защиты от вырвавшегося из Ада зла. Многие же верили, что там, за каменной стеной и был Ад.

Как бы там ни было, климат в этих краях был умеренно сухим и тёплым, хотя не слишком жарким. Из-за разницы высот в горах часто шли дожди и тогда озёра у их подножия наполнялись водой из горных речек. Суровой зимы здесь не было, а температура редко опускалась сильно ниже нуля. Здесь практически отсутствовали леса, деревья росли лишь по берегам озёр и рек, а на просторах бескрайней степи хорошо родились злаки и овощи, успевая набрать влаги за время долгих зимних дождей.

От Полонии, столицы западной провинции до Бриджтауна, резиденции лорда Уинсли было десять дней пути. В коллекции лорда неведомо как оказался дивный рубин, размером с сердце быка. Много чего хранилось в подвалах замка Тарвера, показывал он далеко не всё, но что показывал, было действительно ценным.

О рубине леди Кларк узнала ещё в Градирале, один из местных магнатов выказал желание приобрести его за справедливую цену, снабдив всем, что понадобится для кражи, включая отряд воинов. Что нельзя было купить, оставалось добыть другим способом, вероятно, это была не первая попытка, и Уинсли был готов к нападению, превратив резиденцию в настоящую крепость, но вряд ли ожидал подобного от своих врагов.

Ансара долго думала об этом, это больше подходило для Анзора с его друзьями, но Паук погиб, и рассчитывать женщина могла лишь на себя. Наконец миледи решилась. Ничего никому, не говоря, наняв повозку, она отправилась в путь лишь с Сандрой, опасаясь, что наёмники просто отнимут у неё рубин, а их убьют. Да и потом сопровождающие её воины могли насторожить Тарвера.

Через пять дней пути от дремучих чащ Полонии не осталось следа. Чахлый лес из привычных к засухе сосен просматривался на добрую милю, а окрестный пейзаж всё более напоминал безжизненную выжженную солнцем пустыню. Эти места были хлебной житницей провинции и огромным пастбищем для скота, а потому цивилизация не совсем покинула их. Время от времени попадались постоянные дворы и хозяйства фермеров, где можно было пополнить провиант и дать отдых своим лошадям.

Нанявший её магнат дал довольно подробное описание сокровищницы, проникнуть в которую сквозь прутья решётки мог разве что ребёнок. Доступ к хранилищу имел только Уинсли, и Ансара надеялась на свою ученицу, понимая, что стать вдовствующей хозяйкой Бриджтауна у неё вряд ли получится. Магнат уверял, что камень достался милорду обманом, и он не станет афишировать его пропажу, но здесь было важным не только украсть драгоценность, но и выбраться из посёлка на самом краю земли. В случае удачного завершения авантюры им

предстояло снова уехать за море, но тогда они будут уже богаты и золоты, которое обещал им магнат, хватит на всю оставшуюся жизнь.

Пыльная буря редкая для середины весны настигла их через неделю пути; дни уныло шли друг за другом, и Сандра с трудом отличала один от другого. Северный ветер дул, с неистовой силой угрожая опрокинуть повозку, и лошадям с трудом удавалось продолжать путь.

– Я много чего повидал миледи, но такой бури в это время года точно не припомню! – прячась за повозкой, крикнул Ансаре нанятый ими проводник, Мастер Горвин. – Лучше переждать бурю!

– Что?! – не расслышав прокричала та и вдруг увидела, казалось медленно приближающийся к ним огромный смерч. Упиравшаяся верхушкой в плотно затянутое тучами небо воздушная воронка была красноватого цвета от поднятой глинистой почвы. Она шла прямо на них и стоявший спиной к несущемуся вихрю проводник, повернувшись лишь потрясённо произнёс:

– Матерь Божья... Прячьте лошадей и сами прячьтесь! – кричал он, перебивая ветер, с трудом удерживая за края фетровую шляпу. – Выбирайтесь из повозки, вряд ли ей что-то грозит – она слишком тяжёлая. Нас же ураган превратит в коровью лепёшку.

Утомлённая долгой дорогой девочка задремала и не сразу поняла, что происходит. Миледи вытащила её из повозки, Сандра, застыв, удивлённо смотрела на приближающийся смерч, в то время как другие – миледи, проводник, возница – бросились прочь, ища укрытие и спасая беснующихся лошадей.

И вдруг ноги девочки оторвались от земли, её закрутило, втягивая внутрь полного пыли и мусора смерча, что подхватив как соломинку, продолжил движение. Сандру больно ударило об угол повозки, поднимая к самому небу, и последнее что она увидела, перед тем как потерять сознание, была навалившаяся со всех сторон темнота.

Она не знала, как долго провела без сознания и где находится. Огромная юла крутила её вокруг своей оси. Круги то увеличивались, то уменьшались и выbleвавшая всё, что ела в этот день девочка, всякий раз зажмуривала от страха глаза, ожидая, что сейчас её ударит о землю. Словно в кошмарном сне она видела, как под нею стелется бескрайняя степь и перелески, перерезаемые вздувшимися венами оврагов и небольших рек. Ночь ещё не пришла, но из-за оккупировавших небо туч было почти темно.

И вдруг Сандра представила себя птицей, парящей над землёй. Подобно крыльям она развела руки в стороны; увлекаемая воздушным потоком летела, со страхом ожидая момента, когда смерч оставит её. Ветер сменился. Теперь он дул с востока, направляя ураган к скалистой гряде. Совсем стемнело, больше Сандра не видела ничего, тьма была над её головой и под ногами, её переворачивало с ног на голову, и она не представляла, где верх, а где низ.

Даже в плотной тунике девочка дрожала от холода; это значило, её вновь подняло к облакам, как бывало за время полёта уже множество раз. Внезапно что-то схватило её, теряя силу, ураган понёсся дальше, она же осталась в прочной сети, растянутой в ущелье между двух вертикальных столбов, словно огромный паук сплёл её, в надежде на знатную добычу. И девочка молила Непорочную Деву, чтобы это не было правдой.

Солнце поднималось над горизонтом, словно нехотя отрываясь от земли. Свет дал ей возможность оценить величие пейзажа и бедственность собственного положения. Похожие на указывающие в небо пальцы скалы стояли в двухстах футах друг от друга перед проделанной ветром и водой почти такого же размера круглой дырой в скале. Сеть была тонкой, но удивительно прочной и чем больше Сандра прикладывала усилий, чтобы выбраться из неё, тем сильнее запутывалась.

Солнце вставало за её спиной, открывая вид на ущелье и скалы, безжизненные и равнодушно холодные. Сеть могла простоять здесь Бог знает сколько, миледи далеко и никто не

придёт ей на помощь. Лишь хищные птицы будут рвать её плоть, лишь солнце и ветер станут свидетелями её бесславного конца...

Вдруг она услышала шорох гигантских крыльев. Что бы это ни было, оно было гигантских размеров, и оно приближалось к поставленной ею ловушке. Девочка пыталась обернуться, чтобы увидеть своего врага – вряд ли здесь могло быть иначе – но свет бил ей в глаза и она видела лишь размытый силуэт, да взмахи огромных крыльев. Шум становился всё ближе, Сандра ощутила как кто-то, схватив её одной лапой, другою разрезает сеть. Прижав к себе, существо взмыло в небо, поднимаясь всё выше; от всех последних потрясений девочка не выдержала и потеряла сознание.

Она очнулась от голосов разговаривающих прямо над нею людей. Говорили молодой мужчина, почти юноша и женщина. Их говор напоминал речь Добробрана с сильным местным акцентом, в который вкрапливались малопонятные девочке слова:

– Они снова охотились на меня, но дитя попала в сеть, вместе с ветками и мусором и я освободил её. Пусть она поживёт у тебя, ты же знаешь, её не ждёт ничего хорошего. Когда она окрепнет, я отнесу её вниз.

– Девчонку принёс смерч. Плохой идеей было вести её сюда, Щитоносцы найдут дыру в сети...

– Они подумают на меня, что я летел ночью в деревню и попался.

– Габриель, старый Йенс не так глуп, как ты думаешь, – с тяжёлым вздохом тихо возразила женщина; она явно была немолода. – Резанные не успокоятся пока всех вас не переловят. По крайней мере, тебя.

– Но я не враг им! Я просто не хочу иметь с ними дела! Я хочу оставаться таким, каким создали меня Боги! Пусть оставят меня в покое.

– Этому не бывать, ты же знаешь. Они боятся за себя, потому что они не люди – они Выродки, и даже среди них ты умудрился стать изгоем. Они боятся, их сожгут на костре...

– Но за что?! – воскликнул мужчина, а старуха сказала:

– Да тише ты, кажется, девчонка пришла в себя. Лучше тебе уйти, я сама поговорю с ней.

Понимая, что её раскрыли, Сандра открыла глаза успев заметить уходящего, прочь высокого горбуна в чёрном плаще и накинутом на голову капюшоне. Не обращая внимания на гостью, старуха продолжала что-то со злостью толочь в маленькой каменной ступе.

– Кто вы? – спросила Сандра, садясь на жёстком деревянном ложе. Оказалось, она раздета догола, и, прикрывая наготу, натянула до подбородка шерстяную накидку, которой была укрыта. Пока неожиданная гостья была без сознания, хозяйка натёрла её ароматной согревающей мазью.

– Со мной то, как раз всё ясно, Выродки зовут меня Берегиней, – раздражённо ответила та, воинственно упирая руки в бока. – Куда важнее сейчас кто ты. То, что было на тебе изрядно пришло в негодность, возьми мою одежду, я немного ушила её и должно подойти. В горах всегда холодно.

Она не была старухой, (как не была и уроженкой здешних мест, судя поговору), хотя её молодость уже прошла. Тело не было полным, как и худым, лицо имело круглую форму, а русые волосы уложены плотным обручем на голове. В ней было не меньше пяти футов роста, и выглядела женщина не слишком дружелюбно, что впрочем, даже не пыталась скрыть.

– Мы с матерью ехали в Бриджтаун в поисках лучшей доли, когда буря настигла нас. Меня подхватило ветром и принесло сюда. Вначале я чуть не умерла от страха, а потом стала представлять себя птицей, парящей над миром, – почти искренне сказала девочка, одевая шерстяные штаны и кофту хозяйки. Одежда висела на ней мешком, но была чистой и тёплой.

– Лучше бы ты умерла, – печально заметила женщина, наконец, закончив. Она высыпала растёртые в порошок коренья в наполненный до половины кувшин и протянула девочке: – Ты должна это выпить, имбирь даст тебе силы.

– Вы говорили, Резанные придут за мной, что они угрожают мне. Но за что? Ведь я ничего им не сделала!

– Ещё сделаешь. Не они тебе угрожают, а ты им. Ты помнишь, как здесь оказалась?

– Меня принесла сюда огромная птица с человеческими руками или человек с крыльями, когда я застряла в сети. Она спасла меня, ураган неминуемо убил бы меня о скалы.

– Это всё горная болезнь, – со вздохом ответила хозяйка, снимая с полки накрытую крышкой большую кружку, в которой хранила засахаренные апельсиновые дольки. – Тебе, кажется то, чего не было на самом деле. На вот, съешь ещё это, это поможет.

– Нет, мне не привиделось! Но откуда Вы знаете, что за мной обязательно придут?

– Потому что я послала в деревню птицу с известием о тебе. Не позднее завтрашнего утра кто-то да явится за тобой. Мне не нужны неприятности, я стараюсь ладить со всеми.

– Но Вы же можете сбежать отсюда! Вернуться к людям!

– Зачем? – удивилась Берегиня. – Внизу нет никого, кто помнит ещё обо мне, всё, что у меня есть сегодня, оно здесь. Мне незачем бежать, вернее некуда.

– А что будет со мной?

– Если продолжишь настаивать на своих фантазиях об летающих людях, могут и убить, сочтя душевно больной. В любом случае назад тебя уже не отпустят.

– Но почему?! – воскликнула девушка. Мысль остаться здесь навсегда пугала её так же, как и возможность насильственной смерти и она не знала даже что было из этого хуже.

– Потому что видела их, вернее увидишь. Когда-то я жила в киновии. Я и мои сёстры несли в эти дикие земли свет истинной веры – весть о непорочном зачатии общей Девы-Матери нашей. Скажу лишь, сбив с пути, сюда меня привела любовь. Любовь погубила меня и от того нет мне больше места в обители ибо я согрешила, познав мужчину.

– Тот горбун, которого я видела с Вами, он Вам кто?

– Это мой сын. Пожалуй, хватит об этом, – решительно заявила женщина, утирая в уголке глаз выступившую слезу.

Она не была многословной, но всё же Сандре удалось узнать, что чужачку оставили здесь, (впрочем, не позволяя жить в деревне), из-за её способностей к врачеванию, которому обучилась в киновии. Она целила раны, вывихи и переломы, принимала роды. Травмами лечила хвори и помогала избавиться от нежелательной беременности, хотя это и не было богоугодным делом. Она больше не проповедовала, а просто старалась выжить. Берегиню здесь ценили, но своею она так и не стала. Жизнь в этих краях была суровой, но те, кто жил тут, цеплялись, как могли за свою родину, ибо другой у них не было.

Видимо деревня отшельников была недалеко, потому что когда солнце едва перевалило за полдень, послышался далёкий звон колокольчиков. Сортировавшая высушенные травы хозяйка застыла, проверяя, не послышалось ли ей, а потом, вытерев руки о фартук, вышла из сложенной из камня хижины. Вернее даже, это была маленькая усадьба из нескольких функциональных зон на небольшой горной равнине, закрытой со всех сторон скалами.

Дождевые воды наполняли каменную запруду высотой в несколько футов и когда воды, было, вдоволь стекали маленьким водопадом. Кроме хозяйки здесь жили куры, козы, выводок небольших лохматых собак и похожая окрасом на рысь крупная остроухая кошка. Матрона собирала травы, делала козий сыр, обменивая на продукты и вещи. Оплетая накрытую жердями беседку, рос виноград, а рядом сад из десятка фруктовых деревьев, дававших какое-то разнообразие скудной пище.

Принесённая ветром земля тонким слоем устилала долину, и когда шли дожди, она покрывалась зелёной травой, становящаяся лакомством для коз. Хозяйка сеяла в долине пшеницу и рожь, но земли было мало, и урожай редко оказывался обильным. Всё это требовало огромного труда, и женщина вряд ли смогла бы сделать это без посторонней помощи.

Приложив ладонь к глазам, она смотрела, как опираясь на посох с привязанным к нему колокольчиком, поднимается по склону процессия одетых в светлые шерстяные плащи людей. Они не носили щитов, но на одежде с левой стороны груди был вышит чёрным треугольный щит.

– Рад видеть тебя Эмилия в добром здравии, – казалось, искренне приветствовал её невысокий дородный мужчина лет пятидесяти, не глядя на стоящую рядом Сандру.

– Рада и я Вам, Мастер Йенс. Не думала, что сам Эсквайр почтит меня своим визитом из-за ничтожности произошедшего.

– Всё что случается, здесь не проходит мимо моего внимания и позволь мне самому решать что ничтожно.

– Разумеется, Эсквайр, – смиренно ответила хозяйка, не показывая вида, что задета.

– Кто ты, дитя? – наконец, поворачиваясь к Сандре, спросил Эсквайр, высшее должностное лицо поселения, замыкавшего на себе административные функции. Девочка повторила ему, то, что говорила хозяйке, умолчав лишь о крылатом чудовище и горбуне.

– Хорошо, – ответил старик с непроницаемым лицом, и было трудно судить, поверил он ей или нет. – Мы заберём тебя в поселение, а что будет с тобой дальше, решит Совет Трёх.

– Я что, теперь ваша пленница? – спросила Сандра, бросив тревожный взгляд на цельницу, но та отвела глаза.

– Мы все пленники в том или ином смысле. Особенно здесь, – ответил Эсквайр, и важным кивком головы простившись с Эмилией, отправился в обратную сторону, уводя за собой Сандру. Она надеялась, старик останется здесь до утра, но желая вернуться затемно, он сделал лишь короткую передышку.

Путь их вёл всё время вниз, по петляющей между скалами дороге. Эти горы казались девочке странными, словно разрубленными напополам огромным мечом. С южной стороны шла почти отвесная каменная стена, такая высокая, что с трудом можно было разглядеть заснеженные вершины, в то время как северная, более пологая, заросла редким хвойным и лиственным лесом.

Дорога до поселения заняла меньше времени, чем она рассчитывала. Эсквайр сделал в пути несколько остановок и ещё до того, как окончательно стемнело, они вышли к равнине. Назвать поселение отшельников деревней было бы не совсем правильно, скорее маленьким городком, обнесённым сложенной из каменных блоков стеной. На ночь ворота закрывали, днём же люди имели свободный доступ за её пределы.

Долина была обширной и плодородной, благодаря протекавшей по её краю быстрой, хотя и не слишком полноводной речке. Река водопадом струилась по скалам, стекая в большую запруду, со стоящей возле неё водяной мельницей. Когда было нужно, воду перегораживали деревянными щитами, и она через жёлоб мощным потоком лилась на лопасти, а потом стекала в каменистое русло, исчезая под горой на другой стороне долины в размытом за века гроте. Это место казалось настоящим оазисом в унылой каменной пустыне и именно так Выродки назвали своё пристанище.

Важные решения в жизни посёлка Эсквайр принимал коллегиально с другими членами Совета Трёх, Шерифом и Хранителем Веры. Первому подчинялись стражники из поселкового ополчения, а второму доморожденные клирики Храма. Солнцепоклонничество Выродков наполнило веру в Триолана, но солнце здесь было только солнцем и не отождествлялось с чело-векоподобным божеством и его пророками.

Сандре ещё предстояло узнать всё это, и она входила в залитый закатным светом город, жители которого вышли поглазеть на неё как на диковинного зверя. Они радостно приветствовали Йенса и его спутников, будто ушли они ни этим утром, а много дней назад, девочку же откровенно разглядывали, пытаясь найти в ней отличие от себя и к радости последней не было в их взглядах вражды, а лишь только непосредственное любопытство.

Многочисленность их смутила девушку. Совсем рядом, за Скалистой грядой лежал Добробран, но в королевстве ничего не знали о Выродках – они никак не давали о себе знать, прерывая любые контакты с соседями. Была здесь тайна, о которой нельзя было знать чужакам, тайна, которую эти внешне добродушные люди желали сохранить любой ценой.

В городке, застроенном близко стоящими друг к другу домами, из камня и дерева было совсем темно, тогда сопровождавшая её к местной тюрьме процессия зажгла факелы, освещая путь. Девочка шла в середине негромко переговаривавшихся между собой людей, но ей казалось, огненная река несёт её в пропасть из которой уже не выбраться. От охватившей тоски слёзы навернулись на глаза, но, не желая показать, как напугана, Сандра взяла себя в руки. Мысль, что миледи не бросит её вселила надежду. Она вырвала её из хищных лап бургомистра, отыщет и здесь, и, конечно же, найдёт способ вызволить отсюда. Потому что, потому что они семья.

Толпа остановилась у мрачного каменного здания. Если это и была тюрьма, то довольно странная, уж в чём-чём, а в этом молодая особа теперь разбиралась. Здесь не было стражи, как и запоров. Вдруг дверь распахнулась изнутри, и взорам предстал густо заросший шерстью гигант, с удивительно маленькой для своей комплекции головой. Его близко посаженные глазки злобно сверлили толпу, пока не остановились на робко глядевшей, на него девочке. Какое-то время они смотрели друг на друга, а потом существо развернулось и пошло прочь. Оставляя после себя сладковатый мускусный запах.

Стражники втолкнули девочку внутрь, закрыли ворота, но почему-то не стали запирать их. Сандра стояла в кромешном мраке, прислушиваясь к тихому разговору в глубине здания. Как ей казалось, один голос принадлежал молодому полному сил существу, скорее всего тому, что встретило их у входа, а второй пожилому, к тому же явно нездоровому.

Возможно, это и была казнь, о которой намекала знахарка – её, привели на растерзание монстрам. Толпа с зажжёнными факелами стоит, снаружи ожидая развязки, чтобы протащить по посёлку к ближайшей скале обезображенный труп.

Сандра решительно открыла ворота, собираясь, разразится гневной тирадой. Вроде того, что если хотите покончить со мной, то имейте мужества сделать это сами, а не поручайте людоедам, но когда вышла на улицу, оказалось, там никого нет. Посёлок опустел, ночь заливала его светом низко висевшей, словно готовой сорваться луны и звёзды, подмигивали ей, толи, смеясь, толи, призывая к мужеству. Если днём было тепло, то сейчас сильно похолодало. Из рта шёл пар, здесь в горах температура опускалась очень быстро, и окончательно продрогнув, девочка неохотно вошла внутрь.

Голоса смолкли, но мускусный запах усиливался по мере продвижения вглубь этой странной темницы. Пройдя на ощупь по коридору, она оказалась в просторной высокой комнате, в центре которой прямо на полу, повернувшись, друг к другу спинами спали два чудовища. Лунный свет сквозь маленькое окно минимально освещал помещение, и сбитая с толку всем происходящим Сандра удивлённо смотрела на них, дрожа от холода и нервного истощения.

Оглядевшись, она заметила, стоящий у стены стол со стульями, слишком высокими для неё и низкими для гигантов. На столе лежал устрашающего вида, оказавшийся тупым нож, плохо годившийся для нарезания пищи. В этой странной тюрьме не нашлось ничего, чем можно было укрыться и, не придумав другого, прижав к груди нож, которым собиралась в случае необходимости дать отпор, Сандра улеглась между мирно посапывающих монстров, казалось, совсем не желавших ей смерти. По крайней мере, до утра.

Странно, но запах, досаждавший ей всё время, исчезла при погружении в его источник. Удивительное спокойствие овладело девочкой. Она уснула отчего-то уверенной, что ничего дурного с ней не случится, что самые смелые мечты леди Кларк однажды претворятся в жизнь и в эту ночь не видела сновидений.

Она проснулась от запаха жарящегося совсем рядом мяса. Оба чудовища уже были на ногах. Горел огонь в камине, который она в темноте не заметила и остывшая за ночь комната наполнилась теплом. Вряд ли холод волновал этих странных существ, но огонь им был нужен для приготовления пищи. На столе лежали два больших жаренных гуся, и толи маленькая утка, толи голубь для девочки. На столе стоял кувшин с водой, но похоже это была и вся трапеза, ни хлеба, ни овощей или каких-нибудь каш.

Нож по-прежнему, был у неё, но его отсутствие не смущало гигантов. Схватив гусей за ноги, они просто разорвали их на части с удивительной лёгкостью и принялись, чавкая, за трапезу, не обращая на неё никакого внимания. Солнце давно встало над горизонтом, похоже, было уже позднее утро и пленница, сев на полу удивлённо смотрела на завтрак чудовищ, не понимая, как могла проспать так долго. Вдруг одно из существ недовольно что-то проворчало на своём языке, это явно относилось к девочке, но понять его она не могла.

– Он хочет, что бы ты, не пялилась на него. – С набитом ртом проворчал младший из монстров, вполне сносно говоря на языке Добробрана.

– Ну, знаете ли, что, – с вызовом ответила Сандра, не поднимаясь с места. – Скажите об этом тем, кто притащил меня сюда и бросил в этом клоповнике...

– О, ты ещё не видела клоповников, – утолив первый голод, перебил её гигант, а второй что-то сказал ему и тот перевёл: – Ты спала так крепко потому что, в нашей шерсти есть специальное вещество, способствующее крепкому сну, наподобие успокаивающей травы. Когда мы засыпаем, оно выделяется, а когда просыпаемся, прекращает действовать.

– Откуда он знает, о чём я думала? – подозрительно глядя на чудовище спросила девочка и тот, завозившись на своём месте, повернулся к ней спиной. – Он всегда такой нервный?

– Нет, только в дни полнолуния. Оно разрывает его голову обрывками чужих мыслей. Когда людей много голова превращается в осиный рой.

– Он что, может читать мои мысли? – глядя в спину отвернувшегося от неё гиганта, спрашивавшегося с трапезой медленнее товарища, задала Сандра новый вопрос.

– Лишь во время полнолуния.

– Вы все можете это? Ну, такие как вы?

– Нет, дар передаётся из поколения в поколение и никто не знает, кому он достанется. В этот раз, его получил он. Мы считаем это не даром, а проклятием. По крайней мере, я не хотел бы его себе, – пожилой дикарь что-то сказал и говоривший продолжил, сорвав с её уст новый вопрос: – У нас нет имён, мы называем друг друга словами, родственные вашим «мужчина», «женщина», «ребёнок», «старик».

– Но что плохого в собственном имени? – существо, покончив с трапезой, вытерло о себя жирные руки и ответило, пожав широченными плечами, добавив в конце: – Если честно, я об этом не думал – так заведено издавна. Наверное, мы не хотим быть похожи на Нижних. Выродков и людей.

Запах жареной дичи пробудил аппетит, но ей очень хотелось в туалет, к тому же нужно было умыться, и она завертела головой в поисках хоть каких-то удобств:

– В углу стоит отхожее ведро, можешь справить нужду туда, а умыться в реке. Кстати, я готовил пищу, так что ты выносишь ведро, заодно сполосни его.

– Но я ещё ни разу не пользовалась им... – возмущённо начала девочка, стоя возле, почти полного нечистот большого глиняного таза; видимо гиганты не страдали от вони испражнений и от того не утруждали себя выносить его каждый день. Хотя возможно это была их дневная норма.

– Ещё сходишь. Сегодня нас обменяют, а сколько пробудишь здесь ты, не ведомо даже старику, – не очень искренне произнёс здоровяк, отведя взгляд – они явно знали об уготовленной ей судьбе. – За домом найдёшь яму, в которую мы скидывали своё дерьмо, пока ты

не появилась. Нижние пытаются выжать по максимуму из этого куска скалы и используют его для удобрений.

Ничего не ответив, Сандра вышла на улицу. Жизнь в этом суровом крае не предполагала праздности, поднимаясь с рассветом люди, до вечера занимались делами, которые им поручал Эсквайр. За возвышавшейся над посёлком тюрьмой девочка увидела сбитую из досок компостную яму, в которую узники сбрасывали отходы своей жизнедеятельности. Когда они перегниют, компост добавляют в землю.

От арки с воротами, над которыми возвышалась сторожевая башня, город разрезала на двое дорога упиравшаяся в большое деревянное здание, бывшее вероятно по мере надобности и Храмом Солнца и домом Совета Трёх. Кем бы они ни были, Выродки ценили природу и, хотя жили среди каменной пустоши, старались превратить это место в настоящий оазис. Возле каждого дома был маленький палисад, в котором люди сажали фасоль, горох, редиску с репой. Хотя были и чудачки, засаживавшие его цветами – алые маки, тюльпаны и розы всех цветов добавляли пестроты в унылый пейзаж.

Вода в горной речке была холодной, и девушка сильно продрогла, пока хоть как-то привела себя в порядок. Вернувшись, она вновь отправилась к стекающей сверху реке за водой с кожаными вёдрами. Жизнь в посёлке кипела, люди работали на лежащих внизу полях, поправляли стену после последнего землетрясения, распускали брёвна на доски, при помощи водяной мельницы. Пилорама, являвшаяся сложным механизмом, благодаря связующей системе тяг преобразовывала вращение водяного колеса в поступательное движение пил. Причём распиливали здесь не только дерево, но и камень-известняк. Путь вверх преграждала отвесная стена, а вниз – дежурившая у ворот стража. Постояв ещё немного на свежем воздухе, девочка вошла внутрь. Старший из дикарей лежал на полу, младший сидел рядом, негромко переговариваясь со своим товарищем.

– Женщина, что была с тобой, думает, ты умерла. Она не будет тебя искать, – произнёс он, с ноткой сочувствия в голосе.

– Он что, смог влезть и в её голову? – с замиранием сердца спросила девочка.

– Ему так кажется. Ему кажется, он уловил направление твоих мыслей, их конечный источник и думает, женщина решила, что ты мертва. Скоро нас обменяют; старик ощущает усиливающуюся вибрацию мыслей наших соплеменников. К вечеру они будут здесь.

– Он знает, что решили сделать со мной? – Нервно сглотнув, задала девочка вопрос, который волновал её теперь больше всего на свете, раз стало ясно, что надеяться ей не на кого.

– Старик знает, чего они точно не сделают – они не смогут причинить тебе вреда.

– Ему известно моё будущее?

– Ему известно, что твой приход станет концом этого места, для тебя же это будет началом. Скоро здесь не останется ничего.

– Но как я смогу уничтожить его?

– Этого старик не знает, с каждым часом видения становятся всё слабее. Всё что он может сказать точно, это то, что город Выродков уничтожит женщина.

– Зачем вы напали на них? – растерянно спросило Сандра. Каким-то неведомым образом её появление здесь приведёт к непоправимым процессам, изменить которые она не сможет.

– Зачем? – переспросил собеседник, явно не зная, что ответить. – Потому что это место дорога в Нижний мир. Мы не знаем где, но она есть. Выродки охраняют путь туда от таких как мы и других, а за это лорды низин снабжают их всем, что им нужно.

– Они общаются между собой? Выродки и лорды Добрабрана?

– Старик говорит что да. А если он так говорит, то так и есть. Выродки живут долгие годы среди людей, потом возвращаются сюда, докладывая обо всём что видели Совету Трёх. Но не только Выродки отправляются за Гряды – люди тоже приходят сюда. Так было однажды и привело к войне.

– Ты говоришь о Эмилии, женщине, что живёт уединённо.

– Я говорю о колдунье.

– Ты не знаешь о чём говоришь! – вступилась за Эмилию девочка. Хотя она и рассказала о ней Выродкам, Сандра отчего-то не держала не её зла. – Она врачевательница, повитуха и знахарка, но никак не колдунья.

– Я, то может быть, и не знаю, но он знает всё, – важно заметил собеседник, указывая заросшим густым волосом пальцем на лежащего в полубессознательном трансе старика. – Здесь, в логове Выродков что-то утаить от него нельзя. Люди считают, за Грядой Ад, в котором ангелы мучают грешников, но даже мы – те, кто живёт здесь, не знаем, что там на самом деле. Гряда умеет хранить свои тайны, но одно мне известно – это странное место. Зло изначально живущее в человеке становится тут в сто крат сильнее. Я говорю о людях, на них это действует сильнее, чем на Выродков. За Грядой старик, скорее всего, потеряет свою способность, а здесь она сделала его провидцем.

Много лет назад три женщины из вашего мира прибыли сюда, дабы обратить местных в свою веру. И то, что они увидели, повергло их в ужас. Тогда ещё Выродки умели летать, у них были крылья и как птицы они парили над долинами, придерживаясь условий заключённого договора. Но слово опасней меча – со временем Выродки разделились на тех, кто решил стать как люди и на тех, кто хотел жить старой жизнью. Между ними началась война, Эсквайр и его сторонники, полученным от Нижних оружием одолели врагов и те ушли, поклявшись отомстить людям. Но перед этим блюстители прежних порядков убили двух женщин, а третью пощадили, ибо носила она ребёнка одного из них.

– Это Габриель, сын Эмилии! – воскликнула девушка. – Так значит, всё же он умеет летать.

– Не так как его отец, ведь он лишь на половину Выродок. Люди не годятся для полёта – их кости слишком тяжелы и то, что у мальчишки выросло крылья, не сделало его курицей, а не птицей.

– Как же другие Выродки решили отомстить людям? – вместо ответа гигант взял её руку, приложив к казавшейся холодной ладони старика и видение, подсмотренное в чужих воспоминаниях предстало теперь и перед её глазами.

Три огромных человекоподобных птицы в чёрных меховых плащах летели в ущельях между скалами, не поднимаясь слишком высоко, туда, где нет воздуха и не прижимаясь к земле, дабы не разбить огромные яйца величиной в человеческий рост, что держали в прочной сети.

– Мы не знаем что за Грядой, но там точно нет ничего хорошего, – донёсся до неё голос монстра. – Выродки побывавшие там, украли яйца у самки дракона и отдали их чернокнижникам, встретивших их в оговорённом месте, в надежде что однажды драконы отомстят за них людям. Ник-то не знает, как они смогли это сделать, но ты видела всё своими глазами. Говорят, самка дракона была в не себе от ярости, она гналась за Выродками до самой Гряды и сожгла вырывающимся из пасти пламенем большинство из них, но троим, удалось уцелеть.

– Почему же Гряда остановила дракона, но пропустила летунов и украденные яйца?

– Никто не знает этого. Вероятно, дело в магии чернокнижников и самка до сих пор ищет вход в наш мир, чтобы вернуть детей. Ты спрашивала, почему мы воюем с Выродками? Потому что они изо всех сил желают сделаться людьми, а люди это зло.

– Значит, Эсквайр может отправить меня домой, – задумчиво произнесла девочка, старик, не принимавший до этого участия в разговоре, что-то сказал товарищу и сел на полу.

– Нет, они решили тебя убить, – со скорбью глядя на неё ответил собеседник. – Ещё не решили, но решат обязательно. Что-то вскоре должно произойти. За нами пришли, сегодня мы уйдём, и ты останешься здесь одна.

– Но старик сказал, они не смогут этого сделать? – ощущая, как тревожно бьётся в груди сердце, спросила девочка.

– Он так сказал, – в этот момент дверь открылась, и стражники вошли внутрь, а за ними во дворе были видны густо заросшие шерстью великаны, пришедшие за своими товарищами.

Во дворе перед тюрьмой собралась вся властная верхушка Оазиса. Три человека, одетых в тёмные мантии с вышитыми на груди щитами стояли перед тремя гигантами, а за их спинами бросив дела, собралось едва ли не всё поселение.

– Наше время дорого и поэтому начнём обмен. Ваши люди снова напали на нас, погибли наши товарищи. Некоторых мы убили, а этих взяли в плен, – начал Даниэль, шериф Оазиса, кивнув непокрытой, схваченной серебряным обручем головой с длинными тёмными волосами в сторону пленников. Ему было не больше тридцати, он был высок, худ, с лицом аскета и казался самым обычным человеком, ничем не напоминая крылатое существо.

– Вы изгой даже среди Выродков. Продались Нижним, ушли от жизни предков, ваш бог копия человеческого, и слишком стараетесь походить на людей, чтобы убийство, таких как вы, считалось сколько-нибудь серьёзным преступлением. Скорее очищением. Вы как собаки, тявкаете у дома хозяина, когда волки кружат у его загона со скотом, но рано или поздно мы сметём вас с пути.

– И этого безумца дикари выбрали царём? – поворачиваясь к своим людям, недоумённо спросил Даниэль; разговор шёл на выбранном сторонами диалекте, лишь отдалённо напомиравшем язык Добробрана. – Жизнь не стоит на месте и движение вперёд не остановить, как бы вы не старались. За словами о старых традициях ты прячешь главное – мы не похожи на людей и своей непохожестью кажемся им опасными. Да мы изгой, мы загнаны в скалы, где нет ничего кроме камня. Не такой жизни мы хотим и потому решили спуститься вниз, но не Выродками, а людьми, с золотом, знаниями и навыками человека, чтобы никто не смел, помыкать нами и насмеяться над нашей непохожестью. Когда люди узнают о нас, даже горы нас не спасут. На нас будут охотиться как на зверей и тех, кого не убьют сразу, будут показывать в цирках на потеху толпе, называть проклятыми за грехи и этим оправдывать свою жестокость. Золото, что вы принесли за провидца, станет камнем в фундаменте нашего будущего. Другого выхода для нас нет. Я не лезу в вашу жизнь, но предупреждаю – не пытайтесь мешать нам, война между нами никому не принесёт пользы. Начинать обмен.

Серапион, царь дикарей с золотой тиарой едва заметной в густой шерсти на его голове ничего не ответил. У каждого из них была своя правда, и принять сторону врага было для них равносильно поражению. Он подал знак, его товарищ протянул Даниэлю казавшийся лёгким мешок, тот не повёл даже бровью и воин, вышедший из-за его спины, взял выкуп, оказавшийся не таким уж и лёгким, высыпав на стоящий между ними стол. Стоявшая рядом с обмениваемыми дикарями Сандра увидела золотой самородок, размером с человеческую голову.

– Это за вас обоих? – удивилась она; такое количество золота, пусть даже и в самородке девушка видела впервые.

– Нет, только за старика. Его меняют уже не первый раз, для всех это выгодно – старик узнаёт, что замышляют Выродки, а они получают золотую руду, из которой потом плавят фальшивые монеты, – тихо ответил младший из пленников. Между ними установились дружеские отношения, чудовища заботились о ней, но ник-то не знал, как было бы при других обстоятельствах. Возможно, проголодавшись, этот дружелюбный дикарь, схватив за ноги, как недавно гусиную тушку разорвал бы её надвое и съел живьём.

– Но ведь есть погибшие с обеих сторон. И потом, они же могут убить провидца.

– И потерять столько золота? Нет, эта сделка выгодна для всех, а гибнут воины; для них это великая честь. На самом деле между нашими племенами нет войны. Выродки добывают серебро и руду в шахтах на наших землях, а потом выплавляют из неё железо, часть которого отдают нам. В этом суровом месте сложно выжить в одиночку. Вот выкуп за меня.

Второй дикарь или тот же самый, положил на стол серебряный самородок размером с кулак взрослого мужчины. Каждый из Совета Трёх согласно кивнул головой, это значило, выкуп был уплачен и пленники обретали свободу. Когда дикари ушли, гордо пройдя сквозь толпу свистевших и улюлюкавших Выродков, Совет Трёх проследовал в здание тюрьмы. Теперь нужно было решить, что делать с Сандрой. Они сели на стулья за столом, девочка же стояла перед ними, оробев от их мрачных взглядов.

– Кто ты, дитя и что привело тебя в Оазис, – мягко начал Рафаил, верховный Ментор Храма Солнца. Девушка открыла рот, собираясь повторить то, что говорила им раньше, но Даниэль сурово перебил её, глядя холодным немигающим взглядом: – Можешь даже не начинать ту чушь, которую ты рассказывала здесь. Кто тебя послал сюда и зачем?

– Но это правда! – чуть не плача воскликнула Сандра.

– Что, правда? Что Нижние прислали тебя шпионить за нами? Теперь они делают ставку на Серапиона, и вы собрались здесь, будто бы случайно, обсудить заговор против нас, наплевав на прежние договоры и клятвы?

– Правда то, что смерч подхватил меня как тростинку и принёс сюда, – с трудом пытаюсь сохранить присутствие духа, и не расплакаться ответила девочка.

– Она же только ребёнок, Даниэль. И если даже она говорит неправду, не хочешь же ты пытаться её? – заметил не вступавший пока в разговор Эсквайр, занявший роль стороннего наблюдателя.

– Ради блага поселения я готов содрать с неё кожу и посыпать раны солью, до тех пор, пока она не признается, – проворчал Шериф, сверля её убийственным взглядом.

– Мне нечего добавить, милорды, – пролепетала девушка, стоя на своём. – Смерч оторвал меня от земли и, кружа в своём чреве, принёс сюда, оставив в сети, сам же понёсся дальше.

– Хорошо дитя, твои слова легко проверить. Принесите сюда Чашу Правды, – всё тем же елеинным голосом распорядился Рафаил, и слуги внесли в комнату раскрашенный чёрными и красными ломаными линиями глиняный кувшин.

– Что вы собираетесь делать? – подозрительно глядя на сосуд спросила девочка. Внутри раздавалось мрачное шипение, чёрная голова крупной кобры показалась над краем. Не пытаясь выбраться она, какое-то время смотрела на окружающих, раздувая капюшон под своей головой, а потом спряталась внутрь.

– Мы хотим проверить твои слова, – ответил ей Ментор с отеческой улыбкой на полном круглом лице. Это был невысокий улыбчивый толстяк средних лет, но девочка понимала, что он просто играет роль доброго палача. – Если ты говоришь правду, аспид не причинит тебе зла, но если соврёшь, укусит. Его яд смертелен, но мы не будем тебя спасать, раз ты что-то упорно скрываешь от нас, что-то, что возможно может навредить Оазису.

– Но я говорю правду! – воскликнула девочка, решив стоять на своём, ведь в принципе всё так и было, как она рассказывала, за исключением Габриеля. Ментор кивнул, и слуги схватили её, собираясь опустить руку в кувшин, но прежде чем это произошло, Сандра закричала: – Меня спасло крылатое чудовище! Толи человек с крыльями, толи птица с человеческими руками. Оно разрезало ножом сеть и отнесло меня к старухе!

– Что ещё ты видела? – спросил Рафаил, не меняя благостного выражения лица, словно речь не шла о жизни и смерти.

– Я видела горбуна, он выходил от знахарки, – Ментор вновь кивнул слугам, и те отпустили девочку.

Её судьбу решал Совет Трёх и Сандра ждала приговора в опустевшей тюрьме. День тянулся за днём, тягостное ожидание выматывало пленницу. Помня слова провидца, она догадывалась, какое решение примет властный триумвират и это, пожалуй, было единственным, в чём была хоть какая-то ясность.

Короткая день, она забиралась к подножию горы, нависавшей над тюрьмой и сидя на камне, смотрела вниз, как копошатся в долине казавшиеся крохотными люди, как в посёлке идёт своей чередой жизнь. Стража у ворот дважды в день передавала ей корзину с едой и дрова для камина. Ночи стояли холодные, не смотря на наступившее лето, и девочка не представляла, как эти люди здесь выживают зимой.

Предсказания старика не шли у неё из головы – скоро случится что-то, что-то связанное с ней, что уничтожит Оазис. Скоро это место исчезнет и, хотя Выродки обошлись с ней жестоко, бросив в тюрьму как опасную преступницу почему-то она не желала им гибели. Наконец, наступил день суда. Сандру привели к дому Совет Трёх и вышедшая из здания троица призвала собравшихся на площади поселенцев к тишине.

– Принятое нами решение нельзя назвать мягким, но, к сожалению, оно единственное возможное, – начал Эсквайр, с согласия молчащих товарищей. – Эту девочку принёс нам ветер и оставил в ущелье. Мы не можем её отпустить, ибо видела она Оазис, видела Габиэля-отступника, и, вернувшись к Нижним, расскажет об этом. Мы не можем отпустить её и не можем оставить в посёлке, ибо единственное чего она хочет, это сбежать. Она не станет одной из нас, как не стала Эмилия и другие, а чем это кончилось, вы помните. Пусть не вводят вас в заблуждения юные лета её, ибо не просто так оказалась она здесь и неспроста так легко сошлась с дикарями. Не имея возможности отпустить её и оставить в посёлке мы, Совет Трёх, заботясь прежде всего о благе Оазиса принимаем трудное решение, мы приговариваем эту молодую особу к смерти! Казнь произойдёт через три дня.

Горожане приняли приговор с недоумением – девочка не казалась большинству смертельно опасной, это был обычный ребёнок, и столь суровое наказание вызвало ропот в толпе. Но никто не высказал возмущения открыто и, постояв ещё немного, люди стали расходиться. Большинство уходило, стараясь не смотреть ей в глаза, но были и те, кто не отводил взгляда, словно пытаясь понять, каково это, оказаться на её месте. Сейчас они вернутся в свои дома, к личным проблемам и вскоре забудут о ней, словно её никогда и не было.

Хотя в душе Сандра была готова к этому, решение совета ввело в ступор и страже пришлось тащить её к тюрьме. Теперь время стремительно летело. Отношение к ней не менялось; почти не притрагиваясь к пище, всё так же день она проводила на своём наблюдательном пункте у скалы, а с наступлением сумерек возвращалась в здание. Решение по ней приняли, и пусть девочка была жива, здорова, её уже воспринимали как покойницу.

Наступил день казни. Палача в Оазисе не было из-за ничтожности таких приговоров. Своих Выродки не казнили даже за тяжкие преступления, а чужих здесь не было. В Добробране казни были особенным, пусть и кровавым зрелищем, на которое собирался весь город, посмотреть на поведение приговорённого, на мастерство ката, да и просто увидеть тех, кого давно не видел. Здесь не было ни плахи, ни виселицы – местом казни и палачом были горы, жертву просто стаскивали со скалы над долиной, и она разбивалась о землю, со временем становясь в ней удобрением. Человек совершив ужасный проступок, искупал, таким образом, вину, принося благо своей смертью. Люди вкушали земные дары, благодаря и его за эту жертву.

Нависавшая над долиной скала имела футов сто в высоту. Идти к её вершине от тюрьмы было недалеко, и собравшийся у её подножия народ видел, что бывает с теми, кто нарушает установленные Советом законы. Всё что раньше предсказывал старик-дикарь сбывалось, но теперь не было ничего, что могло помешать Выродкам привести свой замысел в исполнение. Чем ближе было до страшной вершины, тем больше Сандра склонялась к тому, что провидец ошибся или не так истолковал видение. Ноги её вдруг ослабели; за эти дни она так часто прощалась с жизнью, что теперь готова была рассказать Совету всё, что его интересует, и про замыслы леди Кларк, и про их поездку в Бриджтаун. Но решение было принято, и никто у неё ничего больше не спрашивал.

Бросив дела, поселенцы ожидали кровавой развязки; на скале, преграждая ей, путь назад стояли стражники и члены Совета, неся ношу принятой на себя ответственности. Понимая, что ник-то не придёт ей на помощь и эти безумцы сейчас расправятся с ней, не зная, как заставить их отменить приговор девочка выпалила: – Я знаю будущее: посёлок обречён, скоро от него не останется ничего, но я знаю, как этого избежать. Подумайте, прежде чем лишать меня жизни! Предлагаю обмен – моя жизнь на жизнь Оазиса!

Стражники взглянули на Эсквайра, руководившего казнью; ни один мускул не дрогнул на его лице, казалось, он вообще не слышал её слов. Больше не медля люди Шерифа, схватили её и поволокли к пропасти, а потом толкнули вниз. Земля ушла из под ног, девочка падала с истошным криком, наклоняясь головой вниз и вдруг, когда до земли было не больше десяти футов и она уже отчётливо видела каждый камень и каждую травинку, которые сейчас окрасит своей кровью чьи-то сильные руки подхватили её, послышался шум огромных крыльев и человекоподобная птица, планируя в потоке воздушных масс, подхватила её на краю казалось неизбежной гибели.

Люди на вершине пришли в движение, они что-то кричали прячущимся за камнями лучникам, указывая на парящего Габриэля. Одна стрела с привязанной к оперению верёвкой просвистела совсем рядом, но вторая пронзила крыло. Прочная тонкая нить не давала юноше лететь, пытаясь разрезать её ножом, он не удержал, Сандру и та упала в запруду, едва не потеряв сознание от удара и холода ледяной воды.

Люди Шерифа подтягивали его к себе; судорожно махая одним крылом, Габриэль полетел вниз в спешно растянутую под ним сеть. Стражники навалились на него и, хотя он был сильнее каждого из них, быстро связали по рукам и ногам. Не веря, что до сих пор жива, мокрая дрожащая от холода девушка содрогаясь в рыданиях, смотрела на связанного спасителя, слишком потрясённая, чтобы сказать хоть что-то. Её использовали, дабы выманить Габриэля, но что бы было, если б он не узнал о казни или решил не вмешиваться? Сандра до сих пор ощущала ужас свободного падения, когда камнем летела вниз, и казалось, уже ничто не сможет её спасти.

Совет Трёх с сияющими лицами прошёл мимо, не взглянув на неё; что будет с Габриэлем дальше, девочка не знала, как и не ведала об уготованной ей участи. Во всяком случае, она надеялась, второй раз её сбрасывать вниз не будут, да она и вряд ли переживёт это вновь. Не зная, что делать дальше, девочка вернулась в тюрьму. Руки её дрожали и Сандра, с трудом выбив искру, разожгла камин, а потом долго не могла согреться, просидев в мокрой одежде всю ночь.

Когда утром Йенс вошёл внутрь, она всё ещё сидела у потухшего камина, испуганно взглянув на него красными от слёз и бессонницы глазами.

– Вы за мной!? – воскликнула она, поднимаясь, с безумным огнём в глазах и схватив со стола нож, протянула Эсквайру. – Не зачем ломать эту глупую комедию: если Вы пришли убить меня, так перережьте мне горло!

– Зачем? – раздосадовано спросил мужчина, брезгливо глядя на нож. – Приговор приведён в исполнение и по нашим законам, выживший искупает вину.

– Выживший? Меня спас Габриэль, только не говорите, что не подстроили это всё специально!

– Каждый из нас делает то, что должен. Но ты думаешь лишь о себе, а я обо всём Оазисе.

– Что будет со мной?

– Пока останешься здесь, – неопределённо пожав плечами, ответил визави. – Соберём людей, весь посёлок. Если ник-то не захочет усыновить тебя, взять в семью, будешь жить тут.

– А с Габриэлем?

– Ему дадут выбор, – не вдаваясь в подробности, бросил Эсквайр и, не сказав больше ничего вышел.

Сандра думала, что пленника отправят в тюрьму, однако Шериф распорядился приковать его на цепь к скале, где он и спал под открытым небом. Сандре разрешили кормить его, под присмотром стражей и лечить рану в крыле и ушибы при падении. Только сейчас девочка смогла по-настоящему разглядеть его. Он был высок, но не так тонок в кости, как остальные поселенцы. Кожа аборигенов была бледной, не смотря на тёмные в большинстве своём волосы, а всё их тело казалось слегка растянутым вверх. Оттого лица их были узки, а глаза близко посажены.

Если б не крылья, Габриель казался бы самым обычным молодым человеком, которого можно встретить за Грядой, с весьма приятными чертами лица, не такого вытянутого как у остальных. Но сложенные за его спиной крылья превращали его в чудовище или в ангела, спустившегося на землю. В одном Эсквайр был прав: управляемое клириками большинство в Добробране не было готово признать Выродков такими же, как они и эти люди – а Сандра считала их людьми – были обречены либо на уничтожение, либо на жизнь в резервации.

Рвавшуюся к сыну Эмилию сюда не пускали, и Сандра встречалась с нею у ворот. Целительница каждое утро приносила ей свежую мазь из трав и кореньев, и девочка наносила её ровным слоем на покрывшуюся коркой рану. Теперь Сандра свободно перемещалась по посёлку, не выходя, однако за периметр крепостных стен. Возможно, ей бы ник-то ничего не сказал, но она не хотела нарываться на грубость, да и идти то было некуда. Без посторонней помощи ей никогда не выбраться отсюда, она будет бродить по каменной пустоши, пока не умрёт от голода и истощения, либо её не растерзают волки, или кто-то ещё пострашней. К тому же люди Шерифа быстро отыщут её и если не убьют на месте, то снова запрут в тюрьме.

Собственные деньги в поселении не ходили, и жители выменивали друг у друга то что было нужно, приходя утром на Менное место у дома Совета Трёх. На средних размеров площади в два этажа стояли торговые ряды, где каждый мог продать то, в чём чувствовал излишек. И хотя условия здесь были суровыми, Сандра увидела на местном рынке подобие изобилия. Тут можно было купить вина и шелка южан, и то, что обычно торговалось на рынках Добробрана. Не смотря на отсутствие своей монеты, торговцы принимали к оплате всё, что имело цену. Включая неведомо как оказывавшиеся здесь монеты из-за Гряды, шкуры, рога оленей, огромные бивни неизвестных девочке животных, из которых мастера вытачивали удивительной красоты фигурки, драгоценные и поделочные камни и, конечно же, серебро с золотым песком, что порой вымывала из горных недр река.

Теперь за продуктами ходила она сама; Эсквайр через стражу выдавал ей специальный жетон, которым она расплачивалась за корзину с едой у указанного ей торговца. Пища была местной и оттого однообразной: бобы, прошлогодние овощи и солонина. Иногда девочка варила себе и пленнику луковую похлёбку, но чаще просто делилась с ним тем, что выделял ей посёлок, ведь кормили Габриеля ещё хуже, чем её.

Теперь, когда она получила относительную свободу, Йенс стал забирать её на работу – эти места не терпели праздности, и каждый приносил поселению ту пользу, какую мог. Когда не было дождя, она работала на полях – продёргивала от сорной травы посева свёклы и репы, вместе с другим высаживала капусту, собирала раннюю ягоду, подрезала и удобряла перегноем виноград. В отсутствие работы на земле, полоскала бельё, неся тяжёлые ивовые корзины к мосткам у запруды вместе с другими подростками.

Неизвестно, бывал ли Совет Трёх за Грядой, но Оазис казался явной копией любого города на той стороне – Эсквайр подготавливал людей к переходу и хотел заранее сделать условия новой жизни если и не привычными, то во всяком случае, понятными. Возвели в поселении и баню, где один день в неделю мылись женщины, а на следующий мужчины. Получив свободу, Сандра отправилась туда, помня о великолепии термий Ахерона. Где люди не только

мылись, но и проводили досуг, занимаясь физическими упражнениями, слушая декламацию стихов известных поэтов под мелодичное звучание арфы, и просто общаясь друг с другом.

Поселковая баня стояла в нижней части Оазиса, куда было проще завозить дрова. Эсквайр требовал поддержания тела в чистоте; посещение её было бесплатным и почти обязательным. Выстроенное из камня здание было небольшим. Оно состояло из прямоугольной раздевалки, трёх накрытых полукруглым перекрытием бассейнов: с проточной холодной водой, в которой обмывались перед дальнейшей помывкой, водой тёплой и наконец, горячей. Помимо этого, была ещё парильня с лежащими на разогреваемой снизу железной плите камнями и большая бочка с водой для охлаждения.

Заходя в термию, женщины оставляли одежду на вешалке и шли в помывочную. Ещё раздеваясь, Сандра заметила на телах, поворачивавшихся к ней спиной женщин грубые зарубцевавшиеся шрамы на месте удалённых крыльев. Теперь она поняла, почему знахарка назвала жителей Резанными. Страшные уродливые шрамы выступали рубцом, со следами грубых нитей, которыми стягивали кожу на месте ампутации. Крылья резали, по живому, процедура была чудовищно болезненной и вероятно не все смогли её вынести. Но такова была цена стать человеком, и женщины смотрели на гладкую чистую кожу Сандры с завистью и плохо скрытой злобой.

Оказавшись под прицелом десятков пар глаз, девочка молча оделась и вышла на улицу, ощущая, как горит от прилившей крови лицо. Отчего-то эти люди винили её в своей непохожести, словно это она приказала рубить им крылья, заставляя стать такой как она. Предки Выродков, полу люди, полу птицы держались середины, видя в этом своё предназначение – парить над землёй, оставаясь человеком. Но теперь оказавшись загнанными в скалы, им пришлось сделать выбор, и не всем он пришёлся по душе.

Сандра уныло возвращалась к тюрьме, ожидая, когда решится вопрос с её усыновлением. Время шло, но желающих по-видимому не находилось, а насильно взять её Йенс приказать не мог. Несмотря на кажущуюся идентичность, она была не такой как все и многие видели в ней причину своих страданий. К тому же прокормить лишний рот в здешних краях было непросто.

– Иди за мной, – услышала она знакомый голос и Эмилия, в накинутом на голову капюшоне туники обогнала её. Какое-то время они шли друг за другом на небольшом расстоянии, а потом женщина, воровато оглядываясь, свернула в переулок.

– Ты принесла нам беду, – сурово глядя на неё сказала целительница, стараясь не срываться на крик. Они были примерно одного роста, такие же не похожие на остальных, но это не только не сближало их, а казалось, ещё больше отталкивало друг от друга. – Я долго прятала его ото всех, старалась убедить не делать глупостей, но с твоим появлением всё полетело вверх тормашками и теперь его убьют. Моего сына убьют из-за тебя.

– Но Выродки не казнят своих, – растерянно произнесла девушка, не ожидая такого выпада. Габриель спас ей жизнь, она благодарна ему. Но винить её в этом?

– Он им не свой и потом, кто сказал, что они его казнят? Они лишат его крыльев и этим убьют!

– Но в посёлке нет никого с крыльями, кроме Габриеля и никто не умер.

– Да, большинство Выродков перенесло усечение, и я как могла, облегчала боль – но это Выродки. Мой сын не такой как они! Он связан с чёртовыми крыльями как с лёгкими, печенью, почками и удалить их, значит вырвать ему сердце.

– Откуда ты это знаешь? – недоверчиво спросила девочка. Сердце матери болело за сына, и вероятно от этого она сгущала краски.

– Потому что кроме него у меня был ещё один ребёнок. Проклятие пришло не сразу, первые семь лет он рос обычным ребёнком. Его брату не повезло – крылья появились сразу и Йенс своей рукою отрезал их и мальчик умер, просто истёк кровью.

– Но почему Эсквайр вечно вмешивается в ваши дела, – проворчала Сандра, сбитая с толку. Оазис неохотно приоткрывал ей свои мрачные тайны, причём, без её на то согласия.

– Потому что Йенс был его отцом. Обезумев от горя, я схватила Габриеля и унесла в горы, надеясь уберечь от уготованной судьбы. Но от судьбы не сбежать. На седьмой год крылья прорезались из его тела и росли вместе с моим мальчиком. Он не умеет летать как его отец, но отчего-то гордится этим даром, который на самом деле проклятие.

– От меня-то Вам что нужно? – спросила девочка и Эмилия ответила просто, словно речь шла о пустяковом одолжении:

– Ты должна убить Габриеля.

– Я? Но почему я?

– Меня к нему не подпустят, а ты просто добавишь в пищу яд, который я приготовила. Он уснёт и не проснётся, это будет лучше чем то, что уготовил ему Йенс.

– Он не причинит сыну вреда, – убеждённо перебила её девочка, но знахарка возразила: – Габриель не его сын. Он убьёт его не-потому, что так жесток, просто считает, что делает это для его блага: не будет крыльев, не будет проблем.

– Но Вы же можете ему всё объяснить, как только что мне...

– Не пытайся ничего изменить, – перебила женщина, вдруг схватив её прохладными ладонями за щёки и требовательно заглядывая в глаза. – Будет только хуже. Чтобы не сделали я, ты, Йенс Габриель всё равно умрёт. Дело только в том, как – безболезненно и легко или в муках и страданиях.

Эмилия смотрела на неё ставшими вдруг огромными глазами, причём настолько, что девочка в них растворилась, словно песчинка в пустыне, как капля в безбрежном океане.

– Да она и впрямь ведьма, – сказала себе Сандра, подходя к своему мрачному жилищу. – От такой можно ждать чего угодно.

Задумавшись об Эмилии, девочка прошла мимо стражи у внутренних ворот. Навеянные потрясениями последних дней мысли сложились в нахлынувшее на неё видение, настолько реальное, что слова ведуньи до сих пор звучали в её голове. Но всё это было вздор – мать не могла хотеть сыну смерти, даже ради избавления от мук. Девушка потянулась к щеколде двери, только сейчас ощутив, что сжимает в ладони склянку с бесцветной жидкостью.

Сандра не представляла, как помочь Габриелю, но одно знала точно – травить она его точно не будет. Видя каждое утро Эмилию, молодая особа, не встречаясь с ней глазами, забирала мазь и уходила. Теперь она боялась, что явно обезумевшая женщина, не дождавшись помощи от неё, отравит мазь и потому складывала полученные склянки в дальнем углу. Хотя юноша был всё ещё слаб, рана в крыле больше не представляла смертельной угрозы.

А где-то, через неделю её призвал к себе Эсквайр. В горах быстро темнело, девушка лишь недавно вернулась с работ в долине, и вызов Йенса был необычным и оттого подозрительным. Что-то явно случилось, что-то важное, не терпящее отлагательств до утра. Что-то, касающееся её, – с тревогой думала девочка идя за гонцом не к дому Совета Трёх, а к мельнице.

Несмотря на неурочный час, реку перекрыли и вода, стекая через жёлоб на лопасти, приводила их в движение. Пройдя мимо запруды, провожатый пошёл вдоль течения реки и вскоре они оказались у всегда закрытого овина под горой. Сейчас двери открыли, а внутри было на удивление многолюдно. Обычно эти люди ценили своё время и не проводили его праздно.

– Пусть твой статус до конца не определён и ты ещё не одна из нас, я решил пригласить тебя сюда. Сегодня мы отправляем переселенцев за Гряду, часть их семьи уже там, так пусть же они воссоединятся с родственниками. Может быть, ты хочешь что-то сказать им, дать дельный совет?

Но что она могла посоветовать? Чему могла научить? Как просить милостыню или срезать с пояса кошельки? Как готовить яд и травить им своих врагов? Находясь под крылом

миледи, по сути, она совсем не знала обычной жизни, жизни людей живущих в привычном всем мире и оттого лишь отрицательно покачала головой.

Она смотрела, как четверо опекаемых взрослыми родственниками детей грузятся в две длинные узкие лодки, ловя, себя на мысли что совсем недавно отдала бы всё, что имела за место среди них, но теперь у неё появилось здесь дело.

– Пойдите, – вдруг крикнула она, снимая с шеи привязанную на верёвку пуговицу, – она срезала её со старой одежды и носила на груди, как память о прошлой жизни, как символ того, что однажды вернутся в свой мир. Подойдя к пожилому мужчине, старшему из переселенцев, которому Эсквайр перед этим передал два увесистых мешочка, возможно, с серебром и золотом она попросила:

– Если вдруг судьба занесёт вас в Бриджтаун или Полонию, найдите там мою мать леди Кларк, Ансара Кларк. Просто передайте ей эту пуговицу, она поймёт, что я жива, – старик вопросительно взглянул на Эсквайра и тот согласно кивнул головой, тогда он ответил, вешая странный медальон себе на шею: – Я сделаю что смогу.

Река несла свои воды прямо на скалы, но видимо это не пугало переселенцев, это был давно изведанный проторённый путь, о котором говорила Эмилия. Когда все заняли место в лодках, старик, избегая долгих прощаний и ненужных слёз, оттолкнулся багром от берега, и течение, подхватив их, понесло на другую сторону Гряды, в мир, который до этого они не видели и который теперь должен стать их новым домом.

Эсквайр и его спутники не спешили расходиться. Они молча стояли на берегу, явно чего-то ожидая, и лица жителей Оазиса были печальны. Только что они расстались с людьми, которых знали всю свою жизнь, что были частью посёлка, частью его жизни и теперь провожая их, ник-то не знал, встретятся ли они снова.

Внезапно тишину нарушил тревожный звон колокольчика, показавшийся необычайно громким натянутым нервам девочки. Дребезжание повторилось, Йенс подал знак, невидимый Сандрой человек нажал на рычаг и большие деревянные шестерни пришли в движение, намазывая на барабан просмолённый трос. Прошло достаточно много времени, прежде чем отправленные вниз лодки, теперь гружённые не видимыми из-за плотной ткани вещами, вернулись к импровизированной пристани. Ожидание пришло к концу, не в силах скрыть облегчение мужчины принялись разгружать тюки с товарами, часть которых завтра окажется на городском рынке.

Ночь подходила к концу и от первых ещё робких солнечных лучей вершины посерели, словно Боги вылили на них молоко и вместе с мраком ночи, пелена неведения спала с глаз девочки. Закравшаяся в овине робкая мысль вдруг превратилась в чёткий осмысленный план. Теперь девушка знала, что будет делать дальше.

Прошло несколько дней; вероятно решив, что рана зажила, Эмилия перестала приходить. Она поняла, что надеяться на девочку не приходится и теперь искала другую возможность помочь своему сыну, если только быструю, безболезненную смерть можно считать помощью.

Воспоминание об увиденном не давало Сандре покоя. Теперь она знала дорогу домой, которая заняла в два конца, с учётом торга за покупки ночь времени. Чтобы оказаться по ту сторону Гряды, нужно было только украсть лодку, а вода сделает за неё всё остальное. Проводя дни у подножья скалы, девочка видела, что даже при лунном свете спустится вниз вполне возможно. Гора шла не совсем отвесно, были почти пологие участки, ложбины и трещины в породе. Она могла подлезть под ворота овина, а ведущая к реке дверь запиралась изнутри. Всё казалось просто, но с другой стороны, зачем кому-то бежать из посёлка в мир, где ты не можешь быть в безопасности? Для Сандры такой смысл есть, но днём она на виду, а ночью заперта за внутренними воротами.

До полнолуния оставалось несколько дней, и девочка стала готовиться к побегу, понемногу откладывая хлеб и куски солонины. Габриелю построили навес, под которым он пря-

тался от дождя и солнца, а спал юноша на охапке соломы, укрываясь крыльями как одеялом. Иногда, чаще по вечерам он затягивал не сильным, но приятным голосом длинные заунывные саги на языке гор, хотя иногда пел песни Добробрана, которые видимо, напевала ему мать. Знал их он немного и потому песни часто повторялись.

Сандра боялась, что-то нарушит ей планы, но выбранная для побега ночь оказалась лунной и, хотя на небе были облака, они не заслоняли свет. Спуск вниз занял гораздо больше времени, чем она рассчитывала. Несколько раз она едва не сорвалась с обрыва, но всё же благополучно оказалась внизу. Вероятно, что-то тревожило Габриеля, несмотря на то, что была уже полночь, он затянул длинную заунывную балладу о странствиях в чужом краю, и сердце девочки сжалось в тоске – ей казалось, она оставляет здесь близкого человека. И не просто оставляет, а предаёт, обрекая на смерть. Но чем она могла ему помочь? Ведь, по словам ведуньи, он уже обречён, и жертва её будет напрасной.

Заунывная песня звучала прямо над её головой. Стоя у подножья скалы, девочка прощалась со своим единственным другом. Утерев слезу, она развернулась и решительно пошла к овину.

Добравшись туда без приключений, Сандра пролезла под воротами и, оказавшись внутри, открыла вторую дверь. Река с тихим журчанием текла у её ног, уходя под скалу. В прошлый раз между нею и водой было пространство, вероятно из-за перекрытой плотины, понизившей уровень воды, но теперь, возможно из-за прошедших в горах ливней его не было.

Девушка растерянно смотрела на сливающуюся с горой реку, казалось сросшуюся с камнем, и решимость её таяла. Габриель, наконец, замолчал, но от этого стало лишь хуже – ей почему-то казалось, юноша знает, что она бежит отсюда, оставляя его один на один с уготованной судьбой. Тишина, опустившаяся на посёлок, казалось девочке, невыносимой и неестественной, она давила на неё до боли в ушах, парализуя волю. Возможно, это ведьма напустила свои чары, заставляя передумать и сделать так, как она хочет.

– Не будет по твоему, – сбрасывая оцепенение, сказала ночному мраку Сандра и, закрыв внутреннюю дверь, вылезла из-под ворот наружу, проклиная себя за сентиментальность и душевную слабость. Ансара никогда бы так не поступила, но в этом и было отличие между ними. Вернуться на гору она не могла и потому отправилась в долину, где работала последние дни.

Стояли самые короткие ночи в году и с рассветом женщины приступали к работе, стараясь сделать как можно больше. Пришла пора уборки ранней моркови и чеснока. Кроме этого Выродки выращивали в долине пшеницу и рожь, на террасах, где земли было меньше, оливки, чайный лист и виноград. Сужаясь, долина тянулась между скалами на многие мили, постепенно теряя плодородный пласт, и годилась разве что для выпаса скота и сенокоса.

Определяя сезон по приметам, эти трудолюбивые люди в обещающий быть дождливым год сеяли рис на созданных вручную на склонах террасах. Это был сложный, трудоёмкий процесс и на его совершенствование ушло не одно десятилетие. С конца осени по середину весны в каменных лунках собиралась стекающая с гор вода, она не давала плодиться сорнякам, наполняясь полезными для роста злаков веществами. Семена риса проращивали в закрытых питомниках и потом высаживали на террасы. Этот год выдался скудным на осадки и рис не сеяли.

Когда товарки приступили к работе, прятаясь в чахлой роще Сандра вышла к ним; казалось, ник-то не заметил появления. Девочка принялась за работу, но увидев, её Лиана, девушка на несколько лет старше, с которой успела подружиться, подошла к ней, заговорщицки зашептав на ухо:

– Через день Габриелю отрубят крылья. Я слышала, как Совет говорил об этом. Решение принято и скоро твой дружок будет свободен. Он станет как все, – Лиана убиралась в доме

Совета и видимо подслушала разговор. Новость снедала её своей важностью для Сандры, с которой поспешила, ею поделится. – Ты придёшь к костру Очищения?

Сегодня был местный праздник, именуемый Духовым днём. Считалось, в эту ночь нечисть, обретает наибольшую силу, и Выродки старались проводить её вместе, отпугивая демонов молитвой и огнём. После ночного бодрствования люди получали день отдыха и потому отсечение крыльев Габриеля назначили на послезавтра. Эсквайр хотел сделать это на глазах всех поселенцев. Времени совсем не осталось, а как спасти пленника девушка до сих пор не знала.

– Ты что не рада? – заглядывая ей в глаза, удивилась Лиана. – Я думала, ты обрадуешься, ведь Габриель столько сделал для тебя.

– Я рада, – Сандра улыбнулась, с трудом скрывая истинные чувства, глядя, как пройдя через ворота, в их сторону направляется группа вооружённых людей, во главе с Шерифом. Увидев её, облегчение сменило озабоченность на лицах стражей.

– Что-то случилось? – спросила Лиана и Даниель ответил:

– Бутор не видел, чтобы девчонка выходила утром из дома, – ответил тот, хмуро глядя на Сандру. – А когда зашёл внутрь, её там не оказалось.

– Мастер Бутор дрых в своей будке, когда я прошла мимо. Я не стала его будить, – спокойно ответила девочка. Охранявший тюрьму стражник был стар, и всем казалось, он как кот больше спит, чем бодрствует.

Шериф спросил напоследок и ушёл, не дождавшись ответа: – Ты придёшь сегодня к горе? В эту ночь лучше не оставаться одной.

Недавно прошли обильные дожди, и свёкла с репой сильно заросла сорняком. Продёргав поле до обеда, женщины собрали часть урожая моркови и чеснока и с полными кошелками отправились к поджидающим их подводам. Сегодня был короткий день.

С наступлением сумерек весь посёлок собрался на пологой макушке одной из окружающих Оазис гор, облюбованной для праздничных игрищ. Юноши натаскали дров и разожгли костры, которые горели всю ночь, отпугивая бесов. В центре площадки стоял высокий столб, с прибитым к нему колесом, к ободу которого были часто привязаны разноцветные ленты.

Когда все собрались, Рафаил начал молитву, которой благословлял небо за данную жизнь, за кров над головой, за пищу на столе, за сбор хорошего урожая и просил послать им мир и процветание. Молитва закончилась радостным псалмом, который люди пели взявшись за руки все вместе, впадая в транс и слёзы умиления в нахлынувшем экстазе, текли по щекам этих суровых людей. Они шли хороводом возле костра, повторяя слова молитвы и пламя разгораясь, устремлялось ввысь, касаясь неба огненным языком.

В полночь жители Оазиса выстроились рядами возле столба и Эсквайр глядя на колесо начал важно: – Люди внизу и духи в небе и те, что под землёй и в горной тверди испокон веков жили в мире и сегодня мы пришли, дабы приветствовать вас и испросить прощения, если случилась за этот год какая-то обида. Вы видите нас, все мы здесь как один, так покажите же вы нам своё присутствие.

Ветер стих, ленточки безвольно повисли на колесе, словно мёртвые змеи и, подойдя к столбу, Эсквайр дунул на них, а потом каждый из собравшихся, следуя друг за другом, повторил этот древний ритуал, призванный умиротворить духов и показать их расположение. Сотни человек шли вереницей один за другим, но ленты по-прежнему были мертвы, наконец, они пришли в лёгкое движение, а когда последний из Выродков уходил от столба настоящий ураган трепал их неистово, в то время, как вокруг было по-прежнему безмятежно тихо.

Вдруг тяжёлое колесо пришло в движение на толстом металлическом штыре. Люди радостно смотрели, на то чего быть не могло, но что происходило перед их глазами. Лёгкое дуновение уст породило бурю, настоящий ураган, вращающий тяжёлое колесо при полном безветрии. Словно нехотя спицы начали вращение, медленно набирая ход, а потом завертелись

так быстро, что уже нельзя было их видеть. Колесо вертелось всё быстрее и ленты превратились в разноцветный смерч, слившись в единое неистовое целое.

Выродки смотрели на магию показавших им свою мощь духов, и не было в их взглядах ни робости, ни смятения. Заворожено глядя на мистерию родившейся из их дыхания чудовищной энергии они словно сливались с ней в единое целое, как ночь сливается с днём, а земля с небом. Вдруг не выдержав напряжения, колесо слетело с оси и, врезавшись в скалу в доброй сотне футов от столба, разлетелось на осколки, ни кого не ранив при этом.

Даже это не насторожило Выродков дурным предзнаменованием – они принимали судьбу, такой как она, есть, считая, что всё происходящее с ними написано небом в Книге бытия. Ночь дошла до середины, но на этом гуляние не закончилось. Теперь снова взявшись за руки и стар и млад, по двое прыгали через костёр, ибо считалось, что лишь ведьма либо ведьмак не сможет сделать этого. Но и прыжок не был гарантией чистоты, нужно было быть поцелованным огнём – должен был загореться край одежды, волосы на теле, либо человек мог получить, лёгкий ожёг.

– Смотрите, смотрите, огонь прикоснулся ко мне! – то и дело довольно кричал кто-то, сбивая искры с одежды или показывая обожжённую руку. Сандра прошла испытание вместе с Лианой. Обычно прыгали собиравшиеся пожениться юноша с девушкой, что говорило о серьёзности их намерений и, хотя у Лианы был жених, она предпочла ему Сандру, не желая, чтобы девочка осталась одна.

Пожалуй Сандра оказалась единственной, кто не испытывал общего безмятежного настроения. Для неё разбившееся колесо было символом Оазиса, доживавшего последние дни старой безмятежной жизни. Скоро от него не останется даже следа – духи ясно указали на это.

– Я знаю, что ты сказала Шерифу, но это не правда, – раздался над её головой сиплый голос Бутора, сильный акцент которого она едва понимала. – В то утро я не сомкнул глаз из-за разболевшегося зуба. Думаю, Йенцу будет интересно узнать, где ты провела эту ночь.

– Прошу Вас, не выдавайте меня, вы всегда так были добры ко мне, – бросившись к возвышавшемуся над нею стражнику, зачатила девочка. Она прижалась к его выступающему животу, едва не задохнувшись от исходившей от давно немытого тела вони. – Я уснула после работы в долине и, опоздала к закрытию ворот, а проситься побоялась, того что меня накажут и снова запрут в тюрьме. Я обманула Шерифа, потому что испугалась сказать ему правду. Вы всегда были добры ко мне, проявите и сейчас свою милость.

– Если честно, я не собирался выдавать тебя, – опешив от неожиданности, проворчал Бутор, пытаясь отстраниться. Но девочка мёртвой хваткой вцепилась в него, стараясь отвязать привязанный к поясному ремню ключ от скованной Габриеля цепи. Хотя их встреча произошла случайно и не известно, как могла закончиться для девочки, она в этот момент думала о пленнике больше чем, о себе. – Не позволяй себе такого в будущем, если хочешь, чтобы Даниель и впрямь не наказал тебя.

Обычно торжество заканчивалось с рассветом, но ещё задолго до этого Лиана подошла к ней, отделившись от небольшой компании молодёжи, заговорщицки прошептав на ухо:

– Мы идём к Колодцу Желаний, если хочешь, можешь пойти с нами.

– Колодцу Желаний? – заинтриговано спросила девушка, идя следом. Прожив в Оазисе уже довольно много времени, она ни разу не слышала о нём.

– Как его только не называют: Колдовское Озеро, Колодец, Желаний, Чёртова Луза, Копыто Дьявола, но суть в одном. Это озеро лежит на самой границе света и тьмы, и вода там ведёт себя странно. Но лишь в эту ночь.

Молодые люди зажгли спрятанный заранее факел и в его свете шли по едва заметной тропе, поднимаясь всё выше. Дорога заняла довольно много времени и когда тьма стала сереть, они оказались над круглым озерцом, лежавшим под утёсом на котором они стояли. Это даже

было не озеро, а огромный колодец, от одного берега которого до другого было не больше двухсот футов.

– И что здесь необычного? – недоумённо спросила девочка, уже жалея, что шла в такую даль, теряя драгоценное время и юноша, родственник Даниеля крикнул, разбегаясь и прыгая в воду: – А вот что!

До воды было футов тридцать, парень летел в воду, не сняв одежды, крикнув перед тем, как погрузиться в пучину: – Тетива!

Вместо того чтобы уйти под воду он оттолкнулся от поддавшейся под его весом покрытой лёгкой рябью водной глади и взлетел вверх, перевернувшись в воздухе и снова оттолкнулся от воды. Другие последовали его примеру, лишь Сандра со своей новой подругой стояли у края скалы, глядя как остальные прыгают и взлетают вверх, оттолкнувшись от поверхности удивительного водоёма.

– Только сегодня вода получает это удивительное свойство и лишь до рассвета; в другие дни она здесь самая что ни на есть обычная.

– Все могут так? Отталкиваться от воды? Или только вы?

– Это мы сейчас узнаем, – ответила Лиана, беря её за руку. – Представь себя стрелой, как ты натягиваешь тетиву своим весом – вот она замирает, доходя до максимальной натяжки, а потом со свистом выталкивает тебя вверх. Не просто представь, а стань ею, почувствуй себя одним целым с оперённым стержнем, почувствуй упругость пеньковой нити, ведь под тобою больше нет воды и ты не человек, а стремящаяся ввысь стрела.

Сандра хотела было возразить, что всё это какая-то чушь, но девушка не став слушать вдруг прыгнула вниз, сжимая ладонь, и ей не осталось ничего другого как последовать за подругой.

– Тетива! – крикнула Сандра, пытаясь представить то, что только что описала ей Лиана, и дrevко, и пеньковую нить, и свой полёт вверх. Но едва ноги коснулись водной глади, тут же ушли под воду, и она неминуемо провалилась бы вся, если бы не удерживавшая за руку Лиана, что оттолкнувшись от поверхности, взлетела вверх, увлекая её за собой. Второй раз тоже вышел неудачным, и лишь с третьей попытки Сандре удалось не провалиться в воду.

Лиана держала её за руку, пока девушка не освоилась окончательно и только тогда отпустила. Это было странное чувство, чувство экстаза свободного полёта, когда подобно птице ты паришь над скалами. «Стрела, я стрела», – говорила себе девочка, вновь и вновь взлетая вверх. Едва первые солнечные лучи окрасили скалы багрянцем, вода потеряла упругость, превращаясь в топкую массу, ещё не дававшую уйти ко дну, но и не выталкивающую больше вверх.

– Камень! – крикнула Лиана, бывшая всё время рядом с чужачкой и снова схватив её за руку, побежала к берегу, по дрожащей подобно тонкому льду под ногами воде. Солнце осветило озеро и чары иссякли. За несколько футов до берега они таки провалились по пояс и, выливая воду из сапог, Лиана сказала одобрительно: – С первого раза ни у кого не получается, а так ты молодец.

Уже стало совсем светло, когда Сандра, наконец, вернулась к тюрьме и, получив у стражника положенную им с Габриелем пищу отправилась кормить его. После того, как рана на крыле зажила, они больше не виделись, с рассветом девушка уходила на работу, и кормил его кто-то другой.

Обычно она отдавала её под присмотром, но Бутора всё ещё не было, а напарник поленился идти с ней.

– А где верзила? – спросила девочка. Бутор вырос огромным в росте и комплекции, что было не свойственно худосочным Выродком, но после того как их лишали крыльев, организм начинал вести себя по-другому.

– Он где-то потерял ключ от цепи и теперь обшаривает гору, растяпа, – добавил стражник усмехнувшись. В посёлке за глаза все потешались над старым увальнем, однако сказать ему

такое в лицо побаивались, зная его крутой нрав. Это значило, что времени у девочки больше нет. Сандра не знала, сможет ли недалёкий Бутор связать исчезновение ключа с ней и поэтому рисковать их с Габриелем судьбами не хотела. Тем более что пока всё складывалось для них как нельзя лучше.

– Завтра твои крылья отрубят, и ты умрёшь как твой брат. Истечёшь кровью, или у тебя остановится сердце, тебе это будет уже не важно. Поэтому дай мне спуститься в долину и улетай, спасай себя. А, впрочем, делай что хочешь, я вернула тебе долг, – прошептала девочка, положив рядом с пищей ключ от замка.

– Откуда он у тебя и как ты узнала об этом? – недоверчиво спросил юноша удивлённо глядя на собравшуюся уходить Сандру.

– Нет времени рассказывать, но лучше поверь мне на слово. Если с тобой что-то случится, Оазис исчезнет с лица земли, – эта мысль только что пришла ей в голову, и она не поняла, почему не додумалась до этого раньше.

– Но как такое возможно? – вновь спросил сбитый с толка юноша, на которого теперь ложилась ответственность за всё поселение. Девушка не ответила, потому что просто не могла объяснить, ведь это были лишь её догадки и, развернувшись быстро пошла прочь. Пора было подумать о спасении собственной жизни.

Пройдя мимо дремавшего стражника она едва не столкнулась с быстро подымавшимся, запыхавшимся Бутором, в последний момент, успев спрятаться за валун. Грозно сведя брови к переносице, стражник смотрел себе под ноги и не заметил её; похоже он всё-таки понял, кто причастен к пропаже ключа и теперь почти бежал к зданию тюрьмы в предвкушении мести.

Всё пошло не по плану с самого начала – их с Габриелем побег девочка планировала ночью, тогда до рассвета точно ник-то не хватился бы их. Но бежать им придётся немедленно. Благополучно добравшись до овина, Сандра влезла внутрь и, открыв боковую дверь, потащила лодку к реке, бросив туда спрятанный под охапкой сена мешочек с провиантом. Теперь при свете дня просвет между скалой и водной гладью был отчётливо виден. Спустив лодку на воду, она запрыгнула внутрь, едва не перевернувшись, и улеглась на дно. Видимо именно так Выродки и путешествовали, ведь ни вёсел, ни сидений в углу судёнышке не было. Возвращаться назад она не собиралась и потому отвязала от лодки трос, который неминуемо выдал бы её вращением барабана.

Она смотрела, как на безмятежно синее небо наплывает гора, прислушиваясь к далёким растерянным злобным крикам. Габриель улетел, Выродки больше не могли добраться до него, ведь теперь он был свободен. Что будет человек-птица делать дальше, девочка не знала, но ведь как-то же он жил до этого...

Размышления прервало то, что лодка упёрлась во что-то носом и остановилась. Промытый течением тоннель был всё ещё низок, Сандра не могла подняться во весь рост и на четвереньках испуганно разглядывала в тусклом свете неожиданно возникшую на пути преграду. Лодка упёрлась в толстые прутья закрывшей дорогу железной решётки, поднимавшейся при помощи перекинутого через вращающееся колесо троса. При желании девушка могла пролезть между ними, но о том, чтобы плыть в ледяной воде бог знает сколько, не могло быть и речи. Понимая что это конец девчонка остервенело дёрнула решётку, пытаясь поднять, но с таким же успехом могла бы пытаться сдвинуть гору.

Мастер Йенс был не так прост, он наглухо перекрыл все дороги из посёлка, удерживая людей во власти правящего триумvirата. Но до Выродков Сандре не было дела, единственное, что её сейчас волновало, это собственная судьба. Если люди Шерифа поймут её, то теперь уже точно казнят. Вероятно, это было испытание мнимым доверием, и она его не прошла.

Она затравленно вглядывалась в пятно оставшегося позади света, ожидая погони. Видимо Совету Трёх было сейчас не до неё, но рано или поздно люди Шерифа перевернут

посёлок вверх дном и отыщут её следы. С каждым ударом бешено колотившегося сердца времени у девочки становилось всё меньше. Стараясь не думать о последствиях, Сандра сняла тёплый кафтан и, оставшись в одной тунике села на корме, пытаясь представить в мельчайших подробностях, что это не вода, а мощённая булыжником дорога.

– Камень! – крикнула она, делая шаг вперёд и проваливаясь в ледяную, обжигающую парализующим холодом воду.

Овин был не слишком далеко, но течение сносило её к решётке. Хватаясь за выступы скалы, девочка фут за футом приближалась к становящемуся всё ближе входу. Намокнув, туника тянула её на дно, но оказалось, река была не глубока и доходила ей лишь до подбородка, а местами и до груди. Теперь дело пошло быстрее, шаг за шагом она приближалась к пристани, но силы таяли, и когда она всё-таки добралась до овина, то уже плохо соображала что делает, просто механически переставляя ноги. Желание жить, а не безумные мечты леди Кларк, заведшие их на край света заставляли её в полуобморочном состоянии идти на свет. Она не думала, что ждёт её дальше, новый суд и новая смерть, а может что похуже. Но разве что-то может быть хуже смерти? Хотя теперь, живя среди Выродков она не была так уж сильно уверена в этом.

Упав на землю стуча зубами от холода, она отстранённо смотрела на разворачивавшуюся перед глазами трагедию. Выход из ущелья почти на всю высоту скал был затянут тонкой, но прочной сетью, словно сплёл её гигантский паук. Нож у Габриеля забрали, и он метался в поисках лаза, чтобы обойти её. Не обладая способностями Выродков, юноша не мог перелететь преграду, он лишь планировал, ловя воздушные потоки.

Больше стражники не пытались взять его в плен и стреляли из луков и редких здесь арбалетов куда придётся. Габриель поднялся на максимальную для себя высоту, найдя, наконец, возможность обойти эту стену. Стрелы долетали до него лишь на излёте и лучники, стараясь бить, прицельно карабкались по скалам, приближаясь к беглецу. Когда казалось, он уже оказался по ту сторону сети, одна из стрел пронзила его, ставшего на время неподвижной мишенью. По-видимому, рана не была слишком опасной, во всяком случае, они не помешала Габриелю продолжить побег.

Обломив торчащее из ноги древко он, что-то кричал преследователям, потрясая им над головой, а потом бросился вниз, по другую сторону горы. Шли мгновения, и девочка с ужасом думала, что беглец разбился о скалы, но вот он, наконец, появился на значительном удалении, планируя над пустым сейчас полем, и преследователи злобными криками, сопровождали его полёт.

Теперь, когда юноша, наконец, оказался в безопасности, Сандре пришлось время думать о себе. Путь по реке был закрыт, но возможно есть дорога через горы. Обратиться за помощью девочка могла лишь к одному человеку, и с сожалением вспомнив об оставленном в лодке провианте, с трудом заставила себя подняться на ноги.

Только под утро мокрая и жалкая она, наконец, добралась до жилища берегини. Ночь выдалась безоблачной; в свете идущей на убыль луны и усеявших небо звёзд она увидела лежащее на столе перед домом тело. Она узнала Габриеля, решив, что он уснул, но подойдя к нему и взяв его за руку с ужасом поняла, что юноша мёртв. Крик отчаянья сорвался с её губ, но никто не вышел из хижины. Несмотря на ранний час, внутри слышался мотив заунывной песни, слов которой девушка не могла разобрать. Хозяйка была слишком увлечена и ни как не отреагировала на её появление. Честно говоря, девочка не знала, что скажет ей и как посмотрит в глаза потерявшей сына, обезумевшей от горя женщины. Но когда всё же вошла внутрь, увидела, что та явно занята, не приготовлением к похоронам.

Несмотря на ночной холод, пот тёк по телу одетой в лёгкую тунику ведуньи. Глаза её вдруг стали мертвы, покрывшись мутной белёсой пеленой, едва различимой в свете пяти горящих сальных плашек. Читая заклинание, женщина разводила в стороны руки и привязанные к длинным нитям под потолком стеклянные шары расходились друг от друга на максимальное

расстояние. Эмилия звонко хлопала в ладони, и шары врезались друг в друга, издавая резкий жалобный звон.

Замерев, девушка следила за действиями незамечающей её колдуньи. Как шары раз, за разом сталкиваясь друг с другом, всё сильнее идут трещинами; вместе с этим она ощущала нарастающую вибрацию внутри горы и слышала далёкий усиливающийся с каждым ударом гул. Оттуда где был Оазис. Теперь грохот проваливающейся в бездну тверди больше не прекращался и, не зная этого точно, девочка почувствовала исходящую от ведьмы угрозу; эта женщина была явно безумна, она мстила жителям долины и похоже упивалась своей мстостью.

Сандра с криком бросилась к ней, когда израненные трещинами сферы разошлись в стороны, но крик застыл в горле, а тело сделалось непослушным, и она не смогла сдвинуться с места, с ужасом страшного предчувствия, видя, как хрустальные шары вминаются друг в друга, рассыпаясь на части. Вдруг добротной сложенный из крупного камня дом ведуньи заходил ходунгом, угрожая погresti их в своём чреве. Берегиня взглянула на девочку мрачным взглядом ставших почти обычными глаз, и Сандра увидела в них злобное безжалостное удовлетворение. Отчего-то она была уверена, что с посёлком Выродков покончено, как и предсказывала женщина.

– Иди, у тебя совсем не осталось времени, – хрипло изрекла Эмилия, махнув рукой в сторону двери, и к девочке вновь вернулась способность двигаться.

– А ты? – спросила Сандра. Промедление грозило смертью, и уж тем более смертельным приговором себе было остаться в доме, но колдунья лишь отрицательно замотала головой, страшным взглядом своим, приказывая ей не медлить. Говорить больше было не о чем; предсказания старухи сбылись – Габриель мёртв, а Оазис стёрт с лица земли. Можно винить в этом себя, Совет Трёх или ведьму, но изменить ничего уже было нельзя. Так ничего и, не сказав хозяйке, девочка вышла наружу.

Совсем рассвело, и в свете алых солнечных лучей девочка увидела стоящего у тела Габриеля высокого горбуна, одетого в чёрный меховой плащ. Мужчина обернулся к Сандре, и она заметила слёзы на его суровом лице, отметив, что он очень похож на погибшего юношу, только гораздо старше. Скалы пришли в движение, казалось, они содрогаются в безумном хохоте и мерный усиливающийся с каждым мгновением рокот отчего-то шёл теперь сверху вниз. Девочка взглянула вверх, увидев несущуюся на них снежную лавину. Сорвавшись с горных вершин, она, становясь всё больше и больше, стремительно приближалась, угрожая погresti под собой всё, что осталось от посёлка и хижину старухи.

Нужно было бежать и спастись, но девочка отчего-то медля, лишь заморожено смотрела на лавину. Не мигая, расширенными от ужаса глазами она смотрела на свою неминуемую смерть, понимая, что шансов спастись, у неё нет, как не было их у Габриеля. Все кто оказался здесь сейчас и был так или иначе причастен к гибели юноши, действием, молчаливым согласием либо равнодушием, должны умереть, искупив этот грех своей смертью.

Когда казавшаяся теперь бесконечной лавина снега, земли, камня, вырванных с корнем деревьев и туш не сумевших спастись зверей приблизилась настолько, что стали заметны детали, Сандра закрыла глаза, смирившись с уготованной участью. Вероятно, следовало прочесть молитву, но она не помнила ни одной, и всё что стояло теперь перед её мысленным взором, это трёхликий образ Непорочной Девы – матери всего сущего не земле...

Вдруг сильные руки схватили её в охапку, и земля ушла из под ног. Открыв глаза, девочка заморожено смотрела, как лавина накрывает дом Эмилии и тело её сына, которого она любила всем сердцем, но так и не смогла спасти. Огромные крылья человека-птицы плавно резали небо, и они летели над скалами. Сандра знала дорогу к Оазису, но не увидела его – на месте города Выродков из-за просевшей породы образовывалось озеро и ещё были видны обломки разрушенных землетрясением домов, трупы животных, людей, впрочем, не такие многочис-

ленные, как ожидала девочка, и это давало надежду, что большинству поселенцев удалось спастись.

Крепко державший её в своём объятии похожий на Габриеля мужчина поднимался всё выше, над заснеженными хребтами бесконечных гор. От высоты, проведённой в дороге ночи, свалившихся на неё потрясений голова пошла кругом, и она потеряла сознание. Свет померк перед глазами, так же как когда она умирала в первый раз, перестав чувствовать, мечтать, быть кем-то. Она вырвалась из цепких лап смерти тогда, но сейчас та спешила за ней на запряжённой парой чёрных костлявых лошадей повозке. Стук кованых копыт по твёрдой как камень земле становился всё отчётливей, приближаясь к ней и угрожая поглотить в себе. Смерть спешила за ней, но девочка не хотела умирать, стараясь найти спасение в своих воспоминаниях. Воспоминания шли от конца к началу – она видела Габриеля, жителей Оазиса, девушку, с которой прыгала через костёр в Духов день и потом в озеро. Леди Кларк, её мужа Паука и убившего его Зайца, которому она, в конце концов, отомстила. Нищие шли перед ней, не глядя в её сторону, словно это она была виновна в том, что случилось с ними. Последним прибежал Шмель, которого она предала смерти, боясь, что Ансара вновь прогонит её. Не давая сделать шаг, он крутился под ногами, и вдруг став с неё ростом, встал на задние лапы и, приблизив морду к её лицу принялся лизать шершавым языком. От проявления нежности отравленного ею щенка защемило сердце, она была недостойна его любви. Сандра завертела головой, ища спасения от вездесущего, мокрого языка, и вдруг открыла глаза.

Бриджтаун

Везущие крытую повозку лошади остановились перед лежащей на дороге девочкой и каурый мерин, наклонив голову, какое-то время, фыркая, обнюхивал её, а потом принялся облизывать лицо. Задремавший на козлах кучер непонимающе завертел головой, собираясь разразиться гневной тирадой на нерадивых кляч, но увидев лежащее поперёк дороги тело лишь испуганно произнёс: – Мать божья...

Торопливо спустившись вниз, толстяк лет тридцати в дорожном плаще, семена короткими ногами, подбежал к ней, ожидая чего угодно, но увидев, что Сандра сосредоточенно смотрит куда-то вдаль, остановился, облегчённо выдохнув. Девушка же озадачила его вопросом:

– Я мертва?

– Как же это возможно, милая? Ну конечно нет! Но позволь спросить, как ты оказалась в этой глуши совершенно одна и где твои родители?

– Мой отец умер несколько лет назад, и мы с матерью ехали в Бриджтаун, когда смерч поднял меня в воздух и носил над землёй, пока не оставил здесь.

– Силы небесные! – воскликнул возница, качая из стороны в сторону головой, густо заросшей чёрным, непокорно торчащим в разные стороны волосом со сдвинутой на макушку соломенной шляпой. – Ураганы часто бывают в этих местах, но о таком я слышу впервые.

– Куда ведёт эта дорога? – спросила девушка, поднимаясь на ноги. Голова её закружилась и она едва не упала, но кучер успел схватить её за руку. Солнце стояло в зените, а значит, прошло не меньше шести часов с момента гибели Оазиса. Всё это время она провела без сознания, либо в глубоком сне; оглядевшись, увидела очертания далёких гор, поблёскивающих заснеженными вершинами. До них было не меньше двадцати миль и девочка не думала, что Выродки заходят так далеко в земли Добробрана.

– К сожалению, в другую сторону. Но я доведу тебя до постоянного двора, а оттуда ты уже точно доберёшься до Бриджтауна.

– Вы когда-нибудь бывали там? – спросила Сандра, усаживаясь рядом с кучером на козлах. Повозка была загружена товарами, что заказывали поселенцы в этом Богом забытом крае, и место для неё нашлось только здесь.

– Бывал ли я в Бриджтауне? – удивлённо воскликнул торговец, несильно стегая вожжами крупы коней. Лошади знали дорогу, желая как можно быстрее оказаться в конюшне постоянного двора, и подгонять их не было особой надобности. – Лучше спроси, где я не был! За десять лет работы с Мастером Уинсли я объездил эти места вдоль и поперёк.

– Вы работаете на Уинсли? Лорда Тейлора Уинсли? – спросила девочка, поражаясь тому, как тесен мир.

– Я десять лет вожу товары в город этого скряги, но ни разу не видел его. И скажу честно, не особо расстроен этим. Это сейчас он стал лордом и всё что так или иначе приносит доход в этой части провинции, отсыпает щедрую горсть монет в его карман, а когда только появился здесь, был обычным бродягой с дурной репутацией. Но потом что-то произошло, и он стремительно разбогател, причём так, что его богатству завидуют вельможи Добробрана.

– А как это произошло, Вы не знаете?

– Не знаю, – насупившись, произнёс мужчина; было видно ему не нравится этот разговор и, закрывая тему, толстяк сказал: – Знаю только, он очень не любит когда лезут в его дела.

– Но разве милорд не родился в Бриджтауне?

– С чего ты взяла? – улыбнулся её наивности кучер, поворачиваясь к ней. – Мастер Уинсли и есть Бриджтаун – это чёртово место началось с его одинокой хижины и ни одно важное решение там не принимается без его одобрения, а вот откуда там взялся здоровяк, не знает никто.

Возница смолк, но тишина угнетала его. Говорить было не о чем, во всяком случае, не на ту тему, что интересовала девочку, и он запел длинную заунывную балладу гребцов на галерах. Не известно видел ли спутник когда-нибудь море, но видимо это была единственная песнь, которую он знал от начала до конца. Пел он плохо, часто повторял одни и те же куплеты, и девочка вздохнула с облегчением, когда на горизонте, наконец, показались очертания постоянного двора.

На самом деле это было целое поселение из десятка домов, огороженных частоколом от степного зверья. Здесь было всё, что могло понадобиться путнику в дороге, начиная от кузни и заканчивая борделем с разбитными девицами, готовыми за плату скрасить одиночество. Толстяка здесь явно ждали; встречать его вышел сам хозяин постоянного двора, невысокий жилистый мужичок лет пятидесяти, длинные седые волосы которого были заплетены в две свисавшие по бокам косички.

– Я ждал тебя ещё на той неделе, Трувор, – вместо приветствия начал он, строго поглядывая то на возницу, то на его спутницу.

– Не всё так просто милорд, – ответил торговец, развязывая завязки на тенте. – Вещи, которые Вы заказывали, не растут на деревьях, достать их было не просто...

– Даже если это было бы и так, как видишь, здесь нет ни одного дерева, но за те деньги, которые я тебе плачу, ты должен был поспеть вовремя. Ведь ты содрал с меня минимум три цены, – перебил его мужчина. Стерев платком, пот со лба он смотрел, как слуги разгружают повозку.

– Дело не в деньгах, Мастер. Я просто ждал, когда их привезут из Полонии.

Слуги выгрузили тюки с материей, ящики с топорами и пилами, мешки с мукой и глиняные амфоры, по всей видимости, с вином, при виде которых суровое лицо поселенца стало чуть добрее.

– На кой чёрт ты его приволок! – вдруг закричал он, и лицо его пошло багровыми пятнами, видя как слуги с трудом выволакивают, занимавший треть всего места орган.

– Но разве не Вы заказывали что-то из музыки для ваших девочек? – попятившись, спросил Трувор, глядя на ставшее страшным лицо своего клиента.

– Я просил шарманку, на худой конец скрипку или лютню, но не это чудовище! Грузите его обратно!

– Напрасно Вы так, напрасно, – видя как слуги чертыхаясь, загружают орган, проворчал толстяк, ещё надеясь как-то уговорить хозяина постоянного двора. – Клирики из Полонии с руками его оторвут, гораздо дороже той цены, которую Вы заплатили. Но Вы мой постоянный клиент и я, прежде всего, забочусь о Вас...

– Ты заботишься о своей выгоде, – перебил его мужчина. – Иначе не стал бы переть сюда эту рухлядь.

– Но это не рухлядь! Осторожней, – воскликнул он, видя, как слуги трактирщика едва не уронили тяжеленный инструмент. – Но она станет таковой, если ваши люди не будут аккуратней и тогда Вам придётся возместить мне её цену.

– Я её не заказывал, а значит, не несу ответственность, – отрезал собеседник и, снимая с пояса кошель со звякнувшим серебром вдруг спросил: – Эта девочка твоя дочь?

– Нет, я нашёл её на дороге, – ответил Трувор, с грустью глядя, как поселенец высчитывает серебряные кругляшки с казначейским гербом Добробрана.

– Что значит, нашёл? – не выразив удивления, тот протянул ему полегчавший кошель, но в глазах его была явная заинтересованность.

– А то и значит. Она лежала поперёк дороги, и я едва не переехал её повозкой. – Эти люди разговаривали о Сандре при ней самой так, словно обсуждали продажу ещё одной пилы.

– Это меняет дело. Данной мне здесь королём властью, я вынужден задержать её за бродяжничество и передать людям Бургомистра для разбирательства. В любом случае, она не будет здесь жить бесплатно, – раздосадованный прижимистостью хозяина торговец лишь пожал плечами, вешая на пояс кошель, и девочка, видя, как решается её судьба воскликнула:

– Но я не бродяга! Моя мать леди Кларк, уважаемая дама в Полонии, со связями в Добробране. Ураган разлучил нас и всего чего я хочу, чтобы кто-то отвёз меня в Бриджтаун.

– Ну, мало ли чего ты хочешь, – по-прежнему глядя на Трувора ответил мужчина. Я хочу, чтобы сегодня пошёл дождь и лил три дня, но вместо этого опять светит солнце. Этот постоянный двор в стороне от дороги на Бриджтаун и даже если кто-то поедет туда, ни за что не повезёт тебя даром. У тебя есть то, чем можно заплатить за проезд?

– Она может заработать, помогая стряпухе на кухне или стирая бельё, – заметил Трувор, засовывая в рот подобранную с земли соломинку.

– Да пусть работает хоть в борделе – ей придётся уяснить, что ничего не даётся в жизни даром.

– Кроме срамных болезней, – хмуро заметил торговец, выступая на стороне девчонки. Толи потому что был зол на трактирщика, толи просто подыгрывал ему, понимая, что им ещё не раз придётся иметь друг с другом дело. – Но она ещё совсем ребёнок!

– В борделе есть, кому торговать собой, она будет помогать с уборкой комнат.

– Знаю я эти уборки, – проворчал толстяк. – Рано или поздно кто-то да позарится на неё.

– В любом случае Полоний и тем более Добробран далеко и ответственность за эту дыру лежит на мне. И никто не будет навязывать мне свои порядки. Если у девчонки нет денег, пусть идёт на кухню отрабатывать свой ночлег. Это всё что я могу для неё сделать.

– За сегодня я заплачу за неё, – вздохнув, произнёс Трувор, доставая из второго мешочка пару мелких монет. Она будет спать в моей комнате.

– До утра, – произнёс хозяин, подняв к лицу зажатые пальцами медяки, и развернувшись, пошёл прочь.

– Он всегда такой злой? – спросила девочка робко глядя в спину уходящего трактирщика.

– Райдер? Характер у него ещё тот, но по-другому в этих краях не выжить.

На первом этаже двухэтажного постоянного двора стояло с десяток столов, как для приёма пищи, так и для азартных игр, но сейчас время было неурочным, и харчевня обезлюдела. Постояльцев было немного, а основные завсегдатаи приходили сюда обычно после работы, которая заканчивалась с темнотой.

Райдер был не только хозяином постоянного двора, а человеком, на плечах которого держался этот маленький островок цивилизации. Если на небе судьбы людей решал Триолан, но в этом безымянном посёлке его заменял эсквайр Райдер Уайт. У него было с десяток слуг, и пять дюжин наёмных рабочих, трудившихся на полях. Кто-то пас скот, кто-то выращивал зерно и овощи, косил в лугах идущую на корм скоту траву, складывая её в высокие стога. Часть выращенного шла на собственный прокорм и пищу постояльцам, остальное отправлялось в Бриджтаун и реже, по причине сильной удалённости в Полоний.

Кухня в харчевне оказалась не слишком изысканной, но зато сытной. Сандре казалось, что один человек ни за что не съест такое количество пищи, которое повара вынесли к их столу, но Трувор расправился вначале с половиной жареного гуся, а потом со свинными рёбрами, заедая всё это овощным рагу и запивая элем. Он жил впроголодь всю последнюю неделю и теперь явно навёрстывал упущенное. Девочка ограничилась несколькими кусками мяса и тарелкой чечевичной каши.

Торговец был здесь частым и долгожданным гостем, благодаря которому поддерживалась связь с остальным королевством. Его привычку принимать после еды ванную знали, и пока они ели слуги наливали кожаными вёдрами горячую воду в самую большую бочку, заранее поставленную в отведённую ему комнату, что могла вместить толстяка. Он собирался выехать утром и желал провести оставшуюся часть времени с максимальным комфортом, возможном в этом месте. У него ещё осталось часть товара, который Трувор планировал сбить окрестным фермерам, адресованные им письма, и лекарственные мази. Жизнь в этих суровых местах не впечатляла разнообразием, и каждый его приезд был целым событием.

Сандра прислуживала торговцу когда он мылся, оттирая спину от въевшейся в поры грязи суконной мочалкой. Трувор прибывал в блаженном состоянии после обильной трапезы и выпитого ячменного пива, и даже потеря изрядного количества монет из-за отвергнутого органа не омрачила его настроения. Пока Сандра тёрла заплывшее жиром тело, толстяк затаил удалую песню, незатейливый сюжет которой был настолько фривольным, что заставил щёки девочки залиться румянцем.

Сердце Сандры учащённо билось, но не после коробящих слух слов, а из-за увиденных на теле торговца шрамов. Точно такие же она видела в термии Выродков. Сомнений быть не могло – Трувор один из них и неожиданное посвящение в его тайну давало девочке надежду на благоприятный исход путешествия. Не имея сил сдерживать себя, девушка, бросив занятие, встала перед торговцем, решительно держась руками за обод бочки, и тот удивлённо взглянул на неё, не прекращая пения.

– Мастер, Вам придётся отвезти меня в Бриджтаун, – дождавшись, когда певец переведёт дух начала она безапелляционным тоном, но слова её не произвели на толстяка впечатления:

– С какой стати? В Сухом Логу местный фермер ждёт породистую гусыню, сидящую на яйцах, за которую он со мной ещё не рассчитался. Не считая почты и всякой дряни из лягушачьих потрохов, которую они называют лекарством. А если она сдохнет, кто мне возместит убытки? Да и потом, на кой чёрт мне тащиться в такую даль?

– И всё-таки, Мастер, Вы отвезёте меня туда, иначе все вокруг узнают, что Вы не человек.

– Что это ты имеешь в виду? – удивлённо спросил толстяк:

– Только то, что сказала. Вы Выродок, приплывший сюда по тоннелю под горой – полу человек, полу птица.

– Что ты такое мелешь своим языком, ты что обезумела? – поднимаясь из воды, гневно спросил он и девочка, стараясь не смотреть на его гениталии, ответила холодно:

– Советую Вам сбавить тон. Ураган отнёс меня в Оазис и там, на телах местных я видела точно такие же шрамы, как на Вашей спине – следы от отрубленных крыльев.

– Да в детстве я попал под телегу, разодрав спину, которую пришлось зашивать. Но это просто обычная травма! Я ни какой не Выродок и никогда не слышал ни о каком оазисе.

– Оставьте свои отговорки для палача, Мастер. Вам нужно быть чертовски убедительным, когда его плеть начнёт рвать из вашего тела куски мяса. Быть Выродком в этом мире равносильно пособничеству дьяволу. Если Вас не сожгут на костре, то засекут плетью.

– Но за что? За всю жизнь я не сделал никому дурного, – уже тише сказал толстяк, со злостью глядя на неё и Сандра на всякий случай сделала шаг к двери.

– За то, что вы родились такими, уподобившись не то ангелу, не то исчадию ада. Думаю клирики найдут десять причин не оставлять Вас в живых, хотя бы ради того, чтобы ник-то не знал о вашем существовании. Человек ходит по земле, а не летает по небу, а если он делает то и другое – он не человек, а нечто большее, ставящее себя вровень с Богами. Хотя бы ради того чтобы не возвышались вы над людьми, вас стоит уничтожить. Решайте Мастер, либо Вы везёте меня в Бриджтаун, либо я всем рассказываю о Вашей тайне.

– Что же это за тайна, о которой знает каждый встречный? – проворчал Трувор, почесав пухлой ладонью заросший бородой подбородок. – Но как же гусыня? Фермер ждёт меня с ней в своей деревне.

– Вы можете оставить её здесь и забрать на обратном пути...

– Чтобы эти черти сожрали её?! – гневно перебил её толстяк. – Сдалась тебе эта дыра, ведь там нет ничего кроме пустой степи и вонючих рабочих, что горбатятся за копейки на рудниках лорда Уинсли. Не к ночи будет упомянуто его имя.

– Поверьте, Мастер, если мы заключим сделку, Вы сможете ещё и заработать пять золотых монет.

– Пять золотых риалов? – насмешливо воскликнул Трувор. – Да ты хоть раз в жизни видела столько золота?

– Моя мать заплатит их Вам, если Вы доставите меня к ней, а потом нас оттуда в Полоний, когда мы провернём с ней одно дельце.

– Что это Вы задумали?

– Этого я не могу сказать, чтобы не подвергать Вас опасности. Поверьте, так будет лучше для всех.

– Ну, уж нет, – затряс косматой головой торговец. – Я не буду ввязываться в то, что может стоить мне жизни.

– Вы уже ввязались, родившись Выродком и подобрав меня на пути.

– Дьявол, зачем я только сделал это, лучше было оставить тебя валяться в пыли.

– Что сделано, то сделано Мастер, но решение нужно принять сейчас, чтобы я знала, могу рассчитывать на Вас или нет.

– Можешь, – неохотно произнёс Трувор. – Так и быть я отвезу тебя в Бриджтаун, но не буду помогать, пока не узнаю, что вы задумали и за что твоя мать заплатит мне столько золота.

– Хорошо, я скажу, Мастер, только назад дороги у Вас уже не будет. Даже если Вы и расскажете кому-то о наших замыслах, Вам вряд ли поверят, а вот моим словам поверят точно, увидев шрамы на Вашей спине, особенно когда я объясню их истинное происхождение. И так, моя мать заплатит Вам пять золотых монет, когда мы ограбим лорда Уинсли и Вы отвезёте нас в Полонию.

– Чёрт! Дьявол! – закричал толстяк, не в силах сдержать себя, буквально рухнув в порядке остывшую мыльную воду. – Вот теперь с меня точно сдерут шкуру и с вас заодно, но до этого мне как раз и нет дела! Боже праведный, вы безумцы, если думаете что сможете пере-

хитрить это исчадие ада. Он хитёр как змея и жесток как самый опасный зверь, он чувствует опасность за милю, и ваши головы будут торчать на пиках у его дворца, как головы всех других охотников за его сокровищами. А за одно и моя бедная глупая головушка...

– Ничего с Вами не случится, Мастер. Вы будете ждать нас в укромном месте за поселением и при случае если всё пойдёт не так, просто скажете что мы Вас наняли до Полонии.

– Чёрта с два. Если всё пойдёт, а всё пойдёт именно не так как ты задумала со своей чокнутой матерью, нас всех вздёрнут на дыбу и ник-то не будет разбираться в степени вины.

– Вы дали слово Мастер, – сухо заметила девочка, – и теперь хотите этого или нет, с нами заодно. Если всё настолько плохо, как Вы считаете, значит нужно сделать так, что бы наши шансы увеличились.

– Да нет у вас никаких шанцев, – затравленно оглядываясь по сторонам, простонал Трувор, словно палач уже стоял за дверью, ожидая, когда можно будет приступить к казне.

– Так Вы отказываетесь? – нахмурившись, спросила девочка, и торговец ответил обречённо. – Отказываюсь. Если уж совать голову в пасть тигра, то никак не за пять риалов. Так и быть я отвезу вас в Полоний за десять золотых монет.

– Что это на тебя нашло? – подозрительно спросил Райдер, узнав об изменившихся планах торговца. Они были давно знакомы, и на его памяти толстяк ни разу не прерывал маршрута. Выехав из Полонии, он делал большой круг, объезжая за месяц усадьбы окрестных фермеров, теперь же, нарушая договорённости неведомо зачем, срывался в другую сторону.

– Придумал что делать с органом – я продам его в Бриджтауне, отбив все затраты, а на обратном пути проеду через Сухой Лог. К тому же отвезу девчонку матери, уверен, она не будет такой жадной как ты.

– Так вот в чём дело, – уперев руки во впалые бока, понимающе покачал головой Уайт. – Ты, прожжённый малый, поверил рассказам малолетки наобещавшей тебе с три короба? Ты пугаешь меня, Трувер. У меня возникают сомнения, всё ли в порядке с твоей головой.

Толстяк теперь и сам не был уверен в этом, а потому промолчал, сказав, меняя тему:

– На вырученные деньги я готов купить у тебя всё, что не испортится до Бриджтауна. Вяленое мясо, рыбу, козий сыр, бобы, овечью шерсть и шкуры. На них не такой большой спрос как на востоке, но мне кажется, я смогу кое-что заработать. В крайнем случае, сдам их в Полонии. – Райдер молчал, обдумывая варианты, а потом ответил: – Хорошо. На многое не рассчитывай, но кое-что, так и быть, дам тебе по старой дружбе.

Трактирщик был зол на Трувора из-за девчонки, на которую у него были свои планы, но подвернувшаяся возможность заработать перевесила обиду и он, развернувшись, ушёл готовить товар. Толстяк рассчитывал выехать с рассветом, но из-за поменявшихся планов был вынужден задержаться и лишь в полдень, загрузив всё свободное место мешками, корзинами и тюками они тронулись в путь. Как выяснилось, Трувор был обидчив, но отходчив. Несмотря на туманное будущее, он выглядел весьма довольным, хотя и не разговаривал с Сандрой. Толстяк, вновь затянул свою бесконечную заунывную песню, что усыпляюще действовала на девочку. Она дремала, сидя рядом с ним на козлах, в то время как лошади увозили их всё дальше от едва заметной сейчас отвесной гряды.

Вероятно устав, Трувор смолк, спутница открыла глаза, тревожно завертев головой и видя, что она больше не спит, мужчина спросил, не в силах перебороть любопытство:

– Выходит, ты та девчонка, которую, смерч принёс в посёлок и которую приговорили к смерти? Как же тебе удалось сбежать? – за последнее время Сандру столько раз пытались убить, что она не сразу поняла, о чём речь.

– Габриель спас меня, – неохотно ответила девушка, не желая ворошить в душе едва затянувшуюся рану печальных воспоминаний. Но Трувор, удивляясь, задавал ей всё новые и новые вопросы, и ей пришлось рассказать всё, что случилось в Оазисе.

– Значит, Оазиса больше нет. Горы коварны, – равнодушно произнёс возница, выслушав рассказ. Поселившиеся в королевстве Выродки лишь по случаю поддерживали между собой связь и толстяк имел определённое представление о том, что происходит в посёлке.

– Вижу, ты не сильно печалишься по этому поводу.

– Я слишком давно уехал оттуда и если честно, мало что помню о той жизни. Единственное что запомнил на всю жизнь, это чудовищная, ни с чем несравнимая боль, когда рубили мои крылья. Вот этого, пожалуй, никогда не забуду и не пожелаю никому, – ответил мужчина, загрузив, а потом продолжил: – Я смутно помню Габриеля. Было решено, что наша семья переселится вниз, и мы жили вместе, дабы могли привыкнуть к человеку без ужасных шрамов на спине. Но когда через семь лет крылья вдруг стали расти из его тела, он пропал, просто исчез и лишь, потом я узнал, что это мать украла его, дабы он не повторил судьбы брата.

– Ты знал его брата?

– Нет, лишь знаю, что он умер. К тому же ты сказала, что не видела трупов.

– Я не видела всех трупов. Только это не гора погубила посёлок, а ведьма! Разве ты не слышал, что я сказала?

– Тёмная Эльза всегда была странной, – неопределённо ответил торговец, несильно хлестнув вожжами лошадей, и девушка возмущённо воскликнула:

– Странной?! Из-за гибели сына она стёрла посёлок с лица земли. И почему ты её так назвал, ведь её зовут Эмилией?

– На самом деле никто не знает, как её зовут. А Тёмная она оттого, что тьма внутри неё была всегда, даже тогда, когда она прислуживала Непорочной Деве.

– Мне кажется, или ты действительно не осуждаешь её за то, что она сделала?

– Для вас, Нижних, магия и маги это обязательно зло, для нас же просто часть нашей жизни, и если колдунья жила среди Выродков, всегда оставалась возможность, что она обратит свои чары против них. Но раз ты не видела всех трупов, значит, многие уцелели.

– Но как они могли спастись?! Пролетая над долиной, я видела что все выходы из неё завалены скалами, словно кто-то сделал это специально, не оставив ни единого шанса.

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами толстяк. – Чёрные Горбуны могли им помочь.

– Эта та часть Выродков, что отказалась расстаться с крыльями?

– Их возглавил Самюэль, брат Йенса; возможно, поэтому им дали уйти. Странно, но оба они запали на Берегиню, и она обоим ответила взаимностью, хотя и в разное время, родив от одного Габриеля, а от второго его брата, имя которого давно вылетело из моей головы.

– То-то они показались мне похожими. Габриель и Выродок с крыльями, что отнёс меня к дороге, – сказала девушка и Трувор проворчал:

– Лучше бы Сэм отнёс тебя в другое место, будь он не ладен. – Какое-то время они ехали молча, каждый думая о своём, вероятно не очень радостном, а потом девчонка спросила:

– Тарвер Уинсли тоже из Выродков?

– Кто тебе это сказал? – удивлённо взглянул на неё толстяк. – Если Выродков ещё хоть как то можно назвать людьми, то к Тарверу это не имеет вообще никакого отношения.

– Но если он не человек и не Выродок, то кто же тогда?

– Этого я не знаю, – боязливо глядя в том направлении, куда они ехали, ответил торговец, словно тот, о ком они говорили, мог слышать их. – Но одно мне известно точно: у него сердце дракона.

– Ты говоришь, у него рудники. Значит, там он нашёл своё богатство?

– Дело не в том, что он нашёл, а в том, что ищет, – загадочно ответил Трувор, останавливаясь у редкого в этих местах родника. Солнце клонилось к горизонту, и пора было устраиваться на ночлег.

– Но если это не золото, не серебро, не драгоценные камни, то, что же тогда? – не отставала девчонка. Лорд Уинсли был опасным противником и от того, смогут ли они его перехитрить, зависели их с леди Кларк жизни.

– Я не знаю этого точно, но поговаривают, что на краю мира, где свет сходится с вечным мраком, а добро со злом можно найти Эйтр – легендарную субстанцию, созданную во время хаоса мироздания, что повелевает жизнью и смертью, и способна убить даже Богов. Ради вечной жизни и власти над людьми чёртвов самозванный лорд готов превратить эти горы в каменную пыль. Он не остановится, пока не добьётся своего.

Трувор распряг повозку и, стреножив лошадей, пустил их на выпас. Поужинав солониной и размоченными в воде сухарями, девочка устроилась на ночь в повозке, укрывшись одеялом, а торговец на улице возле костра. До недавнего времени они даже не подозревали о существовании друг друга, а теперь пусть и не питая взаимной симпатии оказались связаны общими тайнами крепче материнской пуповины. Не в силах уснуть Сандра смотрела сквозь поднятый тент в конце повозки на усыпанное звёздами небо, слыша, как гулко бьётся в груди сердце. До сих пор их противниками были люди, теперь же им с Ансарой предстояло иметь дело с существом, которое не было ни Выродком, ни тем более человеком.

Лишь на закате второго дня пути они добрались до Бриджтауна. Кони, почуяв скорое окончание дороги, добавили резвости, но Сандра как не всматривалась вдаль, ничего не смогла разглядеть. Лежащий во впадине, залитый закатным светом посёлок не был виден, пока не оказался под сенью нависавших над ним скал, таких высоких, что девочке пришлось задрать голову, чтобы увидеть их заснеженные шпили. Но это были лишь первые отроги Скалистой Гряды, вершины которой сливались с небом.

На самом деле то был целый город, особенно по меркам этого пустынного края. Чем больше сюда прибывало народу, прельщённых возможностью найти серебро, золотой песок, или драгоценные камни, тем сильнее разрастался посёлок. Немногие обрели что искали, основная же масса золотоискателей, разорившись, поступила на службу к Тарверу Уинсли, которому король за заслуги перед Добробраном пожаловал титул лорда. Изначально этот крохотный форпост цивилизации был обнесён крепостной стеной, которую несколько раз отодвигали, по мере расширения поселения, пока милорд не понял бессмысленности этого занятия.

Бриджтаун походил на потревоженный муравейник. Одни повозки въезжали сюда, стараясь успеть до темноты, привозя новых искателей своей счастливой звезды или их родственников, людей поверивших в рассказы о несметных богатствах, лежащих в этих горах, другие выезжали из города, желая воспользоваться ночной прохладой, а не тащиться по жаре. Город с трёх сторон окружали горы, и уехать отсюда можно было лишь в одну сторону.

Бриджтаун был многолюден, здесь водились монеты, что притягивали сюда весьма разношерстную публику. Кроме рабочих рудников здесь тут их семьи, а помимо них люди сопутствующего рода, открывавших небольшие магазинчики со всякой всячиной, продуктовые лавки, мастерские, кузни, парикмахерские, постоянные дворы и аптеки, в которых можно было купить микстуры от всех болезней. Охотники за дармовым богатством стекались сюда не только из Добробрана, но и из соседнего королевства и даже из-за Азгора, что нашло отражение в здешней архитектуре, ведь переселенцы строили те жилища, в которых привыкли жить дома. Город говорил на десятке наречий и веровал в такое же количество богов, храмы которых мирно соседствовали друг с другом.

Люди не только мыли песок в отрогах, в поисках драгоценного металла, но и рыли уходящие на мили вглубь горы тоннели, вырубая камень, идущий на постройку домов. Дерево здесь было редким, и камень стал единственным строительным материалом. Все кто работал у лорда Уинсли, занимались выемкой породы, с настойчивостью безумца вгрызаясь в каменное чрево

горы, словно пытаясь пробурить её насквозь. И пусть найденного золота было немного, милорд щедро оплачивал их труд, словно золото и впрямь было не тем, что искал он на самом деле.

В пределах посёлка горы были изрыты тоннелями, словно чудовищный голодный червь точил их, роя норы. По деревянным полозьям вырубленный камень двигали к входу, спуская на верёвках или в огромных сетях. Здесь работали тысячи людей. Из местного камня возводили Храмы, дома и рыцарские замки не только в Добробране, но и за пределами королевства, сплавливая вниз по реке в Полоний и другие крупные города, а сам Бриджтаун стал крупнейшим местом его добычи. С закатом работа прекращалась, но с рассветом начиналась вновь – добыча глыб, плит, булыжника разных размеров была поставлена на поток; камня тут было много, и оттого стоил он недорого.

Город разрастался, застраивая кварталами одно и двухэтажных домов всё новую и новую территорию. Сандру поразило обилие храмов и базилик, она даже не думала, что в мире столько Богов и их количество привело девочку в смятение – каждого из них их почитатели считали единственно истинным и оттого само понимание истинности, словно обесцениваясь, отходило на второй план. Сама она знала лишь Триолана, да Непорочную Деву. В каждом районе компактного проживания людей той или иной национальности ставили святилище собственному богу, здесь говорили на своём языке, сажали деревья и цветы своей родины, готовили пищу по своим рецептам и оттого Бриджтаун выглядел колоритным лоскутным одеялом.

Помимо храмов в городе было много колоннад, украшенных национальным орнаментом арок и статуй богов и героев. Храм Солнца возвышался над другими, а мраморная статуя Триолана стояла выше, чем статуи остальных божеств и даже короля Добробрана, завуалированно показывая его первенство над другими. Огромная статуя запечатлела мощного мужчину в самом расвете лет и физической силы. Хотя он был одет в скрывающую тело мантию до пят, всё в нём просто кричало об этом. Умышленно или нет, Триолан вышел похожим на лорда Уинсли – такой же тяжёлый взгляд исподлобья, посадка головы и положение тела, но их похожесть девушка смогла оценить гораздо позже.

Трувора здесь знали, хоть был он в посёлке и не частым гостем. Когда толстяк остановился у постоянного двора к его гружённой повозке стали подходить перекупщики. Они придирчиво оглядывали товар, пытаясь сбить цену, но Трувор был тёртым калачом. Пока он занимался торговлей, девочка спросила у глазевших на фургон людей, не слышали ли они о некоей леди Кларк.

– Это та, что живёт у милорда? – зевнув, вопросом на вопрос ответил неопрятного вида верзила с забинтованной рукой, вероятно один из работавших у Уинсли старателей. – Высокая видная дама, дочь которой погибла во время урагана?

– Да, всё так, – не удержав от радости, слезу, ответила Сандра. – Но только я не погибла, я жива. Как видите.

– Так ты и есть та девочка?! – удивлённо воскликнул здоровяк, выплёвывая разжёванную соломинку. Потеряв интерес к Трувору люди стали собираться возле них, чтобы увидеть свершившееся чудо.

– Вы знаете, где она остановилась? Если Вам не трудно, Мастер, отведите меня к ней.

– Мне не трудно, – приосаниваясь, ответил мужчина. – А остановилась она в доме милорда, только сейчас она не там.

Верзила пошёл по мощённой камнем дороге и Сандра, едва попевала за ним; многие же из тех, кто стоял у постоянного двора, отправились следом, дабы не пропустить этого радостного зрелища. Как ни странно они направились к Храму Солнца, то была трёхнефная базилика, с крышей покрытой золочёными пластинами и никогда не гаснущим огнём на медной треноге внутри, за которым смотрел одетый во всё белое жрец, лицо которого закрывала льняная маска, дабы дыхание не могло осквернить пламя. Окон в ней не было, зато были распахнуты огромные ворота с каждой из сторон, дававшие солнцу доступ внутрь независимо от его положения. Ещё

на подходе к Храму, Сандра услышала душераздирающий женский плач, прерываемый лишь словами молитвы.

– Кого это там оплакивают? – робко спросила она спутника, и тот ответил удивлённо:

– Как кого? Тебя. Лучшие плакальщицы королевства горюют по твоему уходу и днём и ночью, дабы разделить с матерью боль утраты. Они оплакивают тебя всё неделю. Честно говоря, от их воя мне самому уже не по себе, хорошо, что сегодня это закончится.

Войдя внутрь, Сандра увидела в окружении плакальщиц одетую в чёрное леди Кларк. Миледи так была поглощена своим горем, что не услышала шагов, плакальщицы же не зная её в лицо, просто не обратили внимания, отработывая щедрое вознаграждение. Провожающие остановились у входа, наблюдая со стороны за их встречей, и оробев от происходящего, девочка молчала, стоя рядом с миледи и тогда просто взяла её за руку. Ансара вздрогнула от неожиданности, по ухоженному лицу скользнула тень неудовольствия, но увидев смотревшую на неё снизу вверх Сандру на миг замерла, не в силах поверить увиденному, а потом прижала к себе.

Не понимая сути произошедшего, по-прежнему неистово голосили нанятые Тарвером женщины, плакала Сандра, не в силах сдержать эмоций после всего пережитого и даже по щекам леди Кларк ломаными линиями бежали крупные слёзы. Сандре не хотелось думать, что всё это лишь игра и Ансара действительно рада её спасению. Со стороны же это выглядело именно как счастливая встреча безутешной от горя матери и воскресшего дитя.

Внезапно настроение в базилике изменилось. Взгляды присутствующих устремились к входу и Сандра, повернувшись, увидела почти заслонившую собой солнечный свет огромную фигуру в чёрном плаще до пят. Срочно прибывший сюда лорд Уинсли оказался не просто высок – это был настоящий гигант, ростом выше семи футов. Он не был чрезмерно толст – мощи ему придавала гора мышечной плоти, буквально распиравшей его. Под плащом была чёрная льняная рубашка и тонкие шерстяные штаны этого же цвета. При нём не было ни меча, ни кинжала, но судя по громадной комплекции, Тарвер мог убить любого ударом кулака.

Он не был красив, как впрочем, и уродлив; лицо его было грубо скроено – мясистый нос, тяжёлая челюсть, властный взгляд казавшихся маленькими карих глаз. Дополняло мрачный образ обилие растительности на его голове – борода, брови, волосы были такими густыми и чёрными, что показались Сандре шерстью гигантов, которых встретила в тюрьме Оазиса. Но кроме этого и огромного роста между ними больше не было ничего общего. Лорд Уинсли был больше человек, чем даже Выродки, по крайней мере, хотел им казаться.

Появление его произвело сильное впечатление. Плакальщицы смолкли, набившиеся в базилику люди, все как один смотрели на него, казалось, перестав дышать. В Храме Солнца стало так тихо, что Сандра слышала, как нервно стучит её сердце.

– Милорд, – почтительно начал приведший её старатель. – Хвала Триолану, девочка оказалась живой и невредимой, и я привёл её к матери.

– Ты правильно поступил, Холанд, – ответил гигант, глядя ничего не выражающим холодным взглядом на Сандру и отвязав от пояса массивный мешочек со звякнувшими монетами бросил ему: – Довольно слёз. Нет смысла больше горевать, выпей сам и угости других. Пусть люди запомнят этот день, когда Небо проявило к нам немного своей благодати.

Старатели, радостно загудев, вывалили наружу, а за ними гуськом вышли плакальщицы, посчитав миссию выполненной. В базилике стало снова безжизненно тихо и, подойдя к ним, Тарвер присел на корточки, даже теперь оставшись намного выше робко смотревшей на него Сандры.

– Я много слышал о тебе от твоей матери. Ведь она твоя мать? – спросил властитель Бриджтауна, и девочка удивлённо ответила: – Да, милорд. Мой отец умер несколько лет назад и теперь кроме матери у меня никого не осталось.

– Она очень переживала о тебе, – заметил он, не мигая глядя на неё, словно старался проникнуть в её мысли, а потом спросил неожиданно: – Я чувствую страх в твоём сердце. Что напугало тебя девочка?

– Вы, – вдруг услышала Сандра сорвавшееся из её уст слово, сказанное сердцем, а не головой.

– Напрасно, – ответил Тарвер, наконец, переведя взгляд на леди Кларк. – Ты гораздо храбрее, чем тебе кажется.

– Пожалуй, больше мы не можем злоупотреблять Вашим гостеприимством, милорд и завтра сможем, наконец, выехать в Полоний, – произнесла Ансара вкрадчивым нежным голосом, мало относившимся к той женщине, которую знала Сандра.

– Напротив, – возразил гигант. – Вы ничем не стесняете меня, наоборот, скрасите моё одиночество. Впрочем, решение за вами. Но даже если вы и решите уехать не думаю, что это стоит делать немедленно. Сегодня мы отпразднуем счастливое спасение малышки, а завтра ещё раз поговорим об этом.

Пока они шли к резиденции Уинсли, Сандра с миледи успели коротко переговорить.

– Я думала, больше не увижу тебя, – сказала Ансара, пряча истинные чувства под маской холодного благодушия.

– Я тоже так думала, – призналась Сандра, слегка задетая тем, что миледи не спросила о том, что с ней приключилось. Такова была сущность леди Кларк, сконцентрировавшись на главном, она не интересовалась второстепенным, и казалось, вообще не вникала в то, что не относится к их миссии. – Вы узнали, где камень?

– Не только узнала, но видела его и держала в руках.

– Как Вы думаете, великан не доставит нам проблем? Мне показалось, он знает, зачем мы здесь на самом деле.

– Это тебе показалось. Такого нельзя подстроить – возница и проводник видели, как ураган кружил тебя над землёй и если мы сами не наделаем ошибок, всё будет хорошо. Мастер Гласс сварил своё лучшее снадобье, способное свалить троих таких, как Тарвер. А утром, когда он очнётся, мы будем уже не достигаемы, – абсолютно спокойно ответила миледи, размеренно шагая к дому лорда. Было видно, что она смогла расположить его к себе, Сандра подозревала, Ансара переспала с ним, но спросить об этом прямо не решилась. У женщин есть свои личные тайны, которые они хранят даже друг от друга. – Осталось только найти лошадей.

– Я уже нашла. Нашла человека, который отвезёт нас в Полоний, – тут же вставила девочка и коротко рассказала о том, что произошло с ней по дороге сюда.

– Надеюсь, ты поступила правильно, – не выказывая эмоций, заметила на это Ансара и Сандра ощутила её неудовольствие. Жилище Уинсли была неподалёку от Храма, как впрочем, и всё в этом городке и им пришлось идти очень медленно, чтобы успеть поговорить друг с другом. – В нашем деле нельзя доверять людям, а вот лошадям можно. Хочется верить, твоя опрометчивость не приведёт нас на виселицу.

Добавила она с нежной улыбкой у дома милорда, видя обращённые на них взгляды прислуги и толпы людей, желающих увидеть своими глазами девочку, которую ураган носил по небу. Пожалуй, усадьба Тарвера была единственным местом в городе, где не экономили на территории. Выписанные из Добробрана садовники создали парк от ворот до входа в дом, и люди шли добрую половину мили в тени деревьев по выложенной плитами дороге.

Особняк был огромен, под стать своему хозяину. Хотя в доме было лишь два этажа, каждый из них оказался высотой в добрые пятнадцать футов, и размером в маленькое поле. На первом этаже размещался кабинет хозяина с камином, и приёмная с длинным прямоугольным столом. Во главе, которого обычно садился милорд, а по бокам его гости, во время обсуждения текущих дел на рудниках и в посёлке. Кроме деловой части на первом этаже был ещё бассейн

во всю длину комнаты, кухня и библиотека. Тарвер завёл её по примеру вельмож Добробрана и, хотя не умел читать, любил, когда кто-то делал это за него. К сожалению, обученных грамоте в Бриджтауне были единицы и не со всеми милорд, имея тяжёлый характер, умел находить общий язык. Когда ему не нравился чтец, он просто брал его за шиворот и выкидывал из дома. Но когда здесь появилась леди Кларк, читать милорду стала она, часто допоздна задерживаясь в его спальне на втором этаже.

Тарвер любил подолгу плавать в своём бассейне, но делал это в одиночестве и, выпроваживая слуг, всегда запирали за ними дверь; бывало, что свечи гасли, но темнота нисколько не мешала ему. Выдолбленную в каменной плите чашу слуги подогревали снизу огнём печи. Если вода была холодна, милорд дёргал за верёвку, ведущую к колокольчику в истопницкой один раз, если же слишком тёплой – дважды.

– Когда-то много лет назад, я мыл золото в ручье на этом месте, – раздался грубый голос хозяина, похожий на скрежет металла.

– Судя по всему, удачно милорд, – с вежливой улыбкой заметила миледи.

– Что? Да, но не в этом дело. Когда-то на этом месте стояла хижина старателей, живших здесь до меня. Такая маленькая, что я едва помещался в ней и чтобы вытянуться во всю длину на лавке, мне приходилось открывать настежь дверь. Потом, когда я обосновался в этих местах, то хотел оставить его на память, прямо здесь, перед этим домом. Но воспоминания о том периоде не были самыми лучшими в моей жизни, и я решил снести его, дабы убогое прошлое не стояло перед моими глазами.

Услышав это, собравшаяся у входа в дом толпа согласно закивала головами, заулыбалась, оставшись снаружи, девочка же с Ансарой прошли внутрь, где за накрытым яствами столом сидели приближённые милорда, среди которых Сандра удивлённо увидела Трувера. Сердце её тревожно забило. Она и до этого не разделяла уверенности миледи, а теперь и вовсе ругала себя за то, что опрометчиво доверилась торговцу.

– Ансару вы уже знаете, хочу представить вам её дочь, счастливо избежавшую смерти во время урагана.

Это был разодетый по местной моде цвет Бриджтауна, их было человек двадцать, ближайших сподвижников лорда Уинсли. Эти люди его неистово боготворили, и, пожалуй, так же искренне ненавидели, ведь все они зависели от расположения милорда. – Но пусть девочка сама расскажет о том, что с ней приключилось.

Сорок пар глаз впились в неё; став вдруг центром общего внимания Сандра почувствовала, что краснеет и смущённо произнесла: – Если честно я плохо помню произошедшее, всё было в каком-то тумане. Я то теряла сознание, то вновь приходила в себя. Смерч носил меня в своём чреве несколько дней, а потом, когда я вновь пришла в сознание, увидела себя лежащей на дороге. Где и нашёл меня Мастер Трувор.

– Я не мог не отблагодарить его за проявленное милосердие, пригласив сюда, ведь он поставил интересы девочки выше собственных, изменив маршрут. Давайте поаплодируем ему, – раздался резкий звук хлопков и теперь в центре внимания оказался толстяк. Он был уже заметно навеселе, и если и покраснел, то никак не от смущения, а Сандра очень боялась, как бы он с хмельных глаз чего не ляпнул лишнего.

Торжество продолжилось до позднего вечера, сославшись на усталость, девочка ушла в отведённую им с Ансарой комнату на втором этаже, но побыть ей в одиночестве не дали. Когда она по просьбе милорда снова спустилась вниз, вся компания была уже изрядно пьяна, но никто не посмел встать из-за стола или отказаться от чаши с вином или элем, боясь оскорбить хозяина. Не привыкший к такому количеству выпивки, Трувор спал, лёжа головой на столе, даже щёки миледи ярко алели от выпитого и единственный кто выглядел обычно, так это лорд Уинсли. Толи он совсем не пил, толи хмель не оказывал на него действия.

– Девочка, – начала Ансара, с трудом фокусируя на ней взгляд. – Наш радушный хозяин хочет, чтобы ты почитала ему что-то из того, что помнишь наизусть.

Не испытывая от этого удовольствия, Сандра стала читать без особого выражения стихи и оды, которые выучила у леди Пыайфер и с которыми потом просила милостыню на паперти. Но чем дольше она декламировала их, всё больше вдохновляясь, тем скучнее становилось лицо милорда. Увидев это, миледи, наконец, остановила девочку и, взяв с полки толстый фолиант, видимо книгу любимую Тарвером, стала нараспев читать о кровавых битвах и храбрых воинах, сражавшихся во славу Богов, себя и своего господина.

Настроение Уинсли изменилось. Сонливое равнодушие, словно ветром сдуло с лица. Глаза горели, он, словно был там, в гуще сражения, расшвыривая врагов и упиваясь их беспомощностью и страданиями. Кроме неё и гиганта больше было некому слушать миледи, остальные мирно спали, не решившись уйти, кто, уронив голову на скатерть, а кто, упав на пол. Поняв, что больше здесь ей делать нечего, Сандра поднялась наверх, раздумывая, где бы громила мог хранить сокровища. На первом этаже их спрятать было негде, разве что, замуравав в стену, но если миледи видела их и даже держала рубин в руке, значит, это было место свободное для доступа. Она обошла весь этаж, заходя в одну комнату за другой, но не увидела ничего, похожего на хранилище драгоценностей.

Гости стали расходиться под утро, а леди Кларк так и не пришла в эту ночь в их комнату. Но это мало волновало девочку. Набив под одеяло найденных в комнате тряпок, она, взяв в своих вещах меховой плащ, выскользнула наружу и, спрятавшись за деревом, стала ждать Трувера. Напевая одну из своих весёленьких песен, торговец, наконец, показался на ведущей сквозь парк дороге, заметно шатаясь из стороны в сторону. Несмотря на то, что небо уже посерело, Сандра готова была ждать его, сколько понадобится. К счастью сообщник шёл один и когда поравнялся с деревом, за которым она стояла, девочка вышла из-за укрытия, до смерти напугав толстяка.

– Чёрт, да будь я проклят! Это снова ты. Что у тебя за привычка появляться неожиданно. Я едва не обделался от страха, – проворчал он, приходя в себя.

– Как же будучи таким трусом, ты едешь один по всей провинции?

– Кто сказал, что я трус? Я не трус, просто не нужно ко мне подкрадываться, ведь я мог ударить тебя от неожиданности и если не убить, то покалечить.

– Надеюсь, ты ничего не сказал лишнего про нас с матерью на гулянке? – строго спросила она, вглядываясь в его серое помятое лицо.

– Если бы я ещё что-то помнил, – грустно ответил торговец, дыхнув на неё перегаром. – У вас три дня. За это время я загружу фургон каменными плитами для Башен Молчания, а потом уеду, с вами или без вас. Я не могу сидеть здесь до осени.

– С каких это пор ты стал заботиться о мёртвых? – Спросила девочка, пытаясь обдумать услышанное. – У нас с тобой был договор...

– К чёрту все договоры. Скажи спасибо, что я привёз тебя сюда, а то бы ты до окончания дней застряла в борделе Уайта. Твоя мамаша так и не заплатила мне за спасение.

– Она заплатит, когда придёт время. Разве Уинсли плохо отблагодарил тебя?

– Так, то Уинсли. Войдя в моё положение, он забрал орган для Храма, рассчитавшись надгробными плитами по хорошей цене. Даже если я сдам их в Полонии за те же деньги, всё равно останусь в прибыли, а я продам их дороже. Покойникам-то уже всё равно. Просто теперь мне как-то неловко предавать такого хорошего человека, – добавил он, покосившись на дом милорда. Ещё одна компания пришедших в себя гуляк показалась на поляне у парка, девочка спряталась за деревьями, а Трувер, делая вид, что справлял нужду, тихо сказал ей напоследок: – Три дня.

Ансара уже видела в посёлке всё, что стоило посмотреть, и милорд провёл экскурсию по Бриджтауну для Сандры. Миледи тоже отправилась с ними и, выехав в запряжённом цугом

четвёркой вороных лошадей чёрной карете гиганта, оказавшейся под стать его габаритам, они сделали круг по приграничному городку.

Нанятые строители знали своё дело. Посёлок был расчерчен прямоугольниками кварталов, разделённых широкими улицами, по которым запросто могли разъехаться две кареты, даже таких больших как у милорда. Все улицы сходились к центральной площади у рынка, рядом с которым стояли базилика Храма Солнца со статуей Триолана и Дом Собраний, где разместился городской суд. Тюрьма здесь отсутствовала, по причине того, что не куда было отсюда бежать. До ближайшего посёлка были сотни миль по безжизненной пустыне, а владельцы постоянных дворов на большой дороге побоялись бы помогать беглецам, не желая ссориться с Тарвером.

Тяжкие преступления, такие как убийства, карались смертью без особого разбирательства, по принципу око за око. Кражи или нанесение увечий наказывались штрафом или годом работы на рудниках. Закон был суров, население маленьким, оттого преступности как таковой в поселении не было и многие даже не запирали свои двери, выходя из дома.

Горы были богаты на залежи руды железа и меди, драгоценных металлов и поделочных камней. Королевство остро нуждалось в них, лорд Уинсли стал основным поставщиком королевского двора и оттого имел здесь всё что хотел. Король не вмешивался в дела Бриджтауна, давая его обитателям иллюзию свободы жить по собственным законам и, по сути, это было маленькое государство в пределах скалистой гряды. Тарвер штамповал собственную серебряную и медную монету, что имели хождение не только здесь, но и по всей провинции, с одной стороны которой был выдавлен стоящий на задних лапах королевский лев – герб Добробрана, а с другой похожая на Уинсли статуя. Несмотря на явное своеволие, гиганта охотно принимали в домах королевской знати. Когда ему было нужно, он умел находить язык с людьми, с которыми был не в самых дружеских отношениях.

На выплавке меди, бронзы и железа не было ничего интересного для непосвящённых и потому гигант, сам управляя каретой, повёз их в квартал кузнецов, проехав мимо гончарной мастерской с выставленными на продажу кувшинами, вазами, горшками. Люди, видя милорда, останавливались у дороги и приветствовали его. Было видно, что делали они это по собственному желанию.

В лавках ремесленников глаза девочки разбегались от обилия сверкающих на солнце серёг, браслетов, серебряных и золотых цепочек с кулонами из поделочного камня. Здесь можно было купить шлемы воинов, мечи и кинжалы. Хотя Бриджтаун отродясь ни с кем не воевал, созданные его мастерами оружие и доспехи пользовались спросом.

Сделав круг у местной Касагранды, не такой большой и торжественной как в Добробране, хоть и бывшей её уменьшенной копией, Тарвер хотел было уже возвращаться домой, когда взмыленный от бега мальчик, едва не попав под лошадей, остановил карету и стал что-то взволновано говорить ему. Не дослушав до конца, милорд, схватив рукой за ворот, посадил его на козлы рядом и, хлестнув лошадей, понёсся к горе.

Корзина с камнями, оборвавшись, куском породы раздробила колено совсем молодому ещё старателю, и он лежал на постеленной дерюге, страдая от невыносимой боли. Левая нога его была неестественно выгнута, на лбу выступили крупные капли пота, которые стирала печально смотревшая на него женщина, варившая старателям обед.

– Милорд, – начал несчастный, увидев огромную фигуру Тарвера. – Я не могу потерять ногу, для меня это равносильно смерти.

– Либо нога, либо жизнь, – веско заметил местный лекарь, пожилой мужчина, с седой бородкой готовясь острым ножом отсечь изуродованную конечность. – Ногу уже не спасти, к утру жар убьёт тебя.

– Я выбираю жизнь! – запальчиво крикнул мужчина. Старик вопросительно взглянул на милорда, тот не сразу, согласно кивнул и костоправ стал собирать разложенный инструмент,

а потом и вовсе ушёл. Все замерли, кто-то смотрел на калеку понимающим взглядом, а кто-то явно осуждал его.

Решение было принято; не желая продлевать мучения несчастного, великан склонился над ним, и казалось, совсем лёгким движением пронзил его сердце вытасненным из ножен тонким и острым ритуальным ножом. Поражённая его жестокостью Сандра вскрикнула, несчастный умер не сразу, успев прошептать чуть слышно: – Спасибо милорд...

Выпрямившись, Тарвер сказал глядя не на покойника, а на заваливавшееся за вершины солнце, накрывавшее рудник тенью горы: – Добро пожаловать в семью.

– Миледи, Вы видели, что сделал этот дикарь?! – гневно воскликнула девочка, едва они вошли в отведённую им комнату, такую же огромную, как и всё в этом доме. – Он безжалостно убил его одним ударом.

– Вероятно, у него не было выхода, – пожал плечами женщина. – Калека не способен прокормить себя и семью, он станет для всех обузой, а так Тарвер наверняка позаботится о его близких.

– С каких это пор он для Вас Тарвер? Этот безжалостный душегуб! Вы что спите с ним, как со своим мужем! Но это ведь, это ведь, – едва не задохнувшись от негодования, девчонка не договорила, миледи сделала шаг вперёд и звонко ударила её ладонью по щеке. Голова Сандры дёрнулась, губы вдруг затряслись, и она заплакала, обливаясь слезами.

– Поплачь, поплачь, – как ни в чём не бывало, произнесла Ансара и, оставив её одну, вышла из комнаты.

Миледи пришла под утро. Они спали в одной кровати, такой огромной, что в ней могли разместиться и пять взрослых человек, даже таких как Мастер Трувер. И хотя девочка была зла на миледи, она неохотно признавала её правоту. Конечно же, леди Кларк имела основания сердиться на неё.

Услышав, как открывается дверь, Сандра проснулась и, ощущая неловкость, спросила севшую в кресло у окна Ансару: – Вы злитесь на меня?

– Злюсь? – удивлённо переспросила женщина, глядя как с востока над бескрайней степью поднимается солнце, заливая её тревожным светом. – Ну что ты, конечно же, нет. Остался ещё один день.

Только один день и они, наконец, уедут отсюда, из этого овечьего мрачными тайнами пустынного края, навсегда изменив свою жизнь. Раздевшись Ансара легла, и девочка ощутила исходящий от неё запах виноградного вина. Сандра не знала, спала ли миледи, но к ней сон не шёл. Ставя себя на место баронессы, она не представляла, смогла ли бы сама так искусно притворяться с человеком, которого завтра им придётся обокрасть. И хотя драгоценный камень для милорда не был последним куском хлеба, всё же она ощущала неловкость перед тем, кто радушно приютил их в своём доме.

Во чтобы-то ни стало, ей нужно было встретиться с Трувером, обговорить план побега. Сейчас от толстяка зависел успех дела, а значит, их жизни. Просто заявится к нему она не могла, чтобы не вызвать подозрений, поэтому девочке пришлось напроситься идти на рынок со служанкой.

Пока женщина придирчиво выбирала продукты, ходя по рядам, Сандра искала возможность отлучиться. Рынок был рядом с постоялым двором и, уловив момент, быстро пошла к нему, но фургона торговца не увидела. Расспрашивать о нём она не рискнула и, постояв немного пошла назад. Трувора не было, а это значит, что весь их план летел к чёртовой матери. Толстяк сбежал, уехал раньше времени, наплевав на договорённости и обещанное золото. Но даже обман торговца не заставит миледи изменить планы. Зайдя так далеко, она уже не повернёт назад. Теперь нужно будет найти лошадей, купить, а лучше украсть, – думала девочка,

возвращаясь к рынку. Странно, она отчего-то чувствовала облегчение – кража драгоценности откладывалась на неопределённое время, а возможно не состоится вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.